Марк Поповский

Судьба доктора Хавкина

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

О бактериологе, открывшем вакцину от бубонной чумы, предотвратив эпидемии в Индии, Западной Азии и Северной Африке в конце XIX века.

- Марк Поповский
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - О ТЕХ, БЕЗ КОГО НЕ МОГЛА БЫТЬ НАПИСАНА ЭТА КНИГА
  - ХМУРЫЙ РАССВЕТ
  - ПРИНЦ И НИЩИЙ
  - СПУСК ЖЕЛТОГО ФЛАГА
  - БОМБЕЙ — «СТОЛИЦА» ЧУМЫ
  - «КЕСАРИ» ИЗ ПУНЫ И ЛОНДОНСКИЙ ЛЕВ
  - ЭПИЛОГ
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

Марк Поповский
Судьба доктора Хавкина

ПРЕДИСЛОВИЕ

Владимир Хавкин был великим бактериологом, гениальным человеком. На заре бактериологии, работая в очень трудных условиях Индии, он создал в чрезвычайно короткий срок эффективную вакцину против бубонной чумы вскоре после того, как в Бомбее в 1896 г. вспыхнула ужасная эпидемия. Это была, по существу, первая, дававшая эффективные результаты, вакцина против чумы. Она выдержала проверку временем и спасла жизнь миллионам людей в Индии, Западной Азии и Северной Африке.

Хавкин организовал в Бомбее лабораторию для приготовления вакцины в больших количествах. Вначале она называлась Бомбейская противочумная лаборатория. Впоследствии она превратилась в одну из крупнейших исследовательских лабораторий Индии. В 1925 г. индийское правительство в знак уважения к великому ученому переименовало лабораторию в Институт им. Хавкина.

О жизни и деятельности Хавкина, к сожалению, написано очень мало. Учитывая трудности, связанные со сбором материалов о Хавкине, я очень рад, что Марк Поповский взял на себя труд написать пусть даже краткую биографию ученого, обрисовать тяжелые условия, в которых он работал, и достигнутые им блестящие результаты. В книге показано, какой любовью и восхищением платил индийский народ доктору Хавкину и как в 1902 г. его блестящая научная карьера оборвалась из-за профессиональной зависти медицинских работников, для которых он всегда оставался чужим. К счастью для науки, два крупнейших научных учреждения в Европе — Институт Листера в Лондоне и Пастеровский институт в Париже, к которым обратились за арбитражем, — приняли сторону Хавкина и признали позицию оппонентов ошибочной. Вакцину в институте продолжали приготовлять по методу Хавкина даже после его ухода. Однако в целях перестраховки были внесены некоторые серьезные изменения в препарат, что, как позднее стало известно, значительно ослабило защитные свойства вакцины.

Контрольные опыты на людях, а также статистические данные за несколько лет о массовых прививках, проведенных во время эпидемий, показали высокую степень эффективности вакцины Хавкина как предохранительного средства против чумы. После моего прихода в институт в 1925 г. были выработаны в высшей степени стандартизованные методы проведения экспериментов на животных, в частности на белых мышах. Эти

опыты продемонстрировали, как точны были экспериментальные выкладки Хавкина. Появилась возможность создать новую более эффективную вакцину, совершенно не дававшую токсическую реакцию.

В. Хавкин, вне всякого сомнения, был блестящим экспериментатором, на голову выше своих коллег, работавших в Германии, Австрии, Англии и в других странах. О нем следовало бы написать большой научный труд или по меньшей мере обстоятельную статью, что я и намереваюсь когда-нибудь сделать. Здесь я лишь в общих чертах изложу свои соображения по этому вопросу.

Противочумная вакцина, полученная некоторыми современниками Хавкина, отличалась по своим предохранительным свойствам от препарата великого бактериолога иногда лишь на несколько сотых процента. Но ученый в состоянии был обнаружить и эти малейшие изменения в вакцине, приготовленной из микробов чумы в жидкой среде, убитых при t 70° (нагрев 30 минут) и убитых при t 55° (нагрев 15 минут). Позднее Хавкин проводил опыты при более низкой температуре. Но его «наследники» в институте вернулись к 60 °С или даже к 70 °С для большей уверенности в результате, забыв о влиянии поднятия температурного режима на качество вакцины.

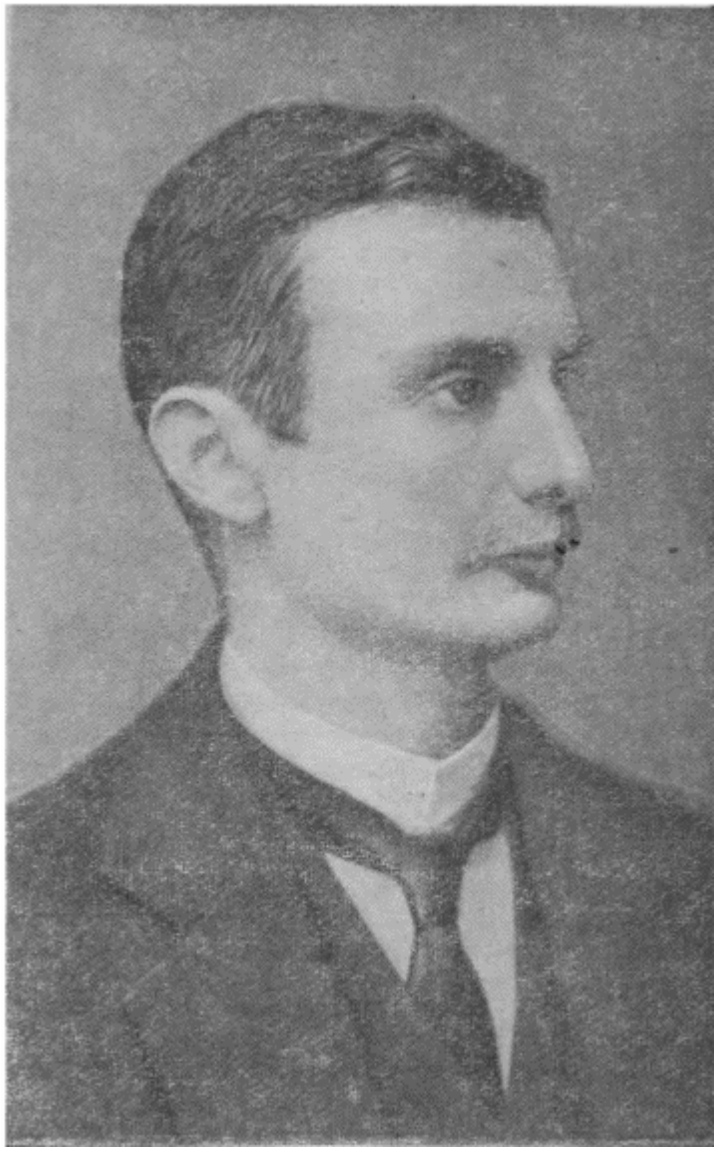
Доктор Хавкин отказался следовать инструкциям вышестоящих органов, которые требовали подогрева карболизированной вакцины после того, как ее поместили в пробирки, так как Хавкиным доказано, что это приведет к полному уничтожению предохранительных свойств вакцины. Именно это недоразумение было положено в основу обвинений, выдвинутых против Хавкина в связи с Малкавальским случаем, описанным в книге Поповского. Сейчас нет никакой необходимости подробно говорить об этом абсурдном обвинении. Хавкин был полностью реабилитирован, но власти не восстановили его в должности директора института. Это практически лишило Хавкина возможности заниматься научной работой.

Однако сейчас, когда детально разработаны точнейшие методы измерения качества противочумной вакцины, мы можем по достоинству оценить величие проделанной им работы. Его научная деятельность была оценена исключительно высоко, что нашло свое отражение в решении индийского правительства переименовать бомбейскую лабораторию по борьбе с чумой в Институт им. Хавкина. С каждым годом растет уважение к доктору Хавкину и восхищение его делами. Народ прекрасно понимает, что Хавкин спас его от смерти, от ужасных эпидемий

чумы. В настоящее время в Индии и в других странах чумы нет или она появляется очень редко. Скоро она станет кошмарным воспоминанием и никогда не появится в будущем. Мы теперь достаточно знаем о распространении чумы и можем устранить возможность ее возникновения. Существуют средства, полностью излечивающие чуму. Такие, например, как стрептомицин.

Москва, 16 июля 1962 г.

Сахиб Сингх Сокхей, Директор Института им. Хавкина с 1932 по 1949 г.



Владимир Ааронович Хавкин — бактериолог правительства Индии (1895 г.)

О ТЕХ, БЕЗ КОГО НЕ МОГЛА БЫТЬ НАПИСАНА ЭТА КНИГА

«Весь мир и особенно мы в Индии премного обязаны доктору Хавкину. Он помог Индии избавиться от основных эпидемий — чумы и холеры».

Раджендра Прасад

На обложке этой книги обозначено мое имя. Это не совсем справедливо. Я далеко не единственный и даже не главный автор. Книгу творили десятки людей. В моих папках множество конвертов с советскими и иностранными марками: из Парижа, Бомбея, Бухареста, из Америки и даже из Австралии, письма тех, кто не пожалел времени и сил, чтобы жизнеописание моего героя содержало как можно больше интересных и правдивых фактов. Ученые, библиотекари, работники архивов и музеев из разных городов присылали книги, фотографии, выписки из архивных документов, списки литературы. Совершенно незнакомые люди желали писателю успеха, вспоминали отдельные эпизоды, которые могут пригодиться в работе над рукописью.

Как возник этот поток человеческого дружелюбия и солидарности? Как вообще зародилась мысль написать биографию Владимира Хавкина?

Хмурым октябрьским утром 1955 года я приехал в старинный приволжский город в качестве корреспондента московской газеты, чтобы написать об институте, где изучают так называемые особо опасные инфекции: чуму, холеру, бруцеллез. Помню тихую, усыпанную осенними листьями улочку, где с трудом удалось разыскать нужный дом. Помню первый разговор *с* директором института, которого я наивно спросил:

— Простите, но ведь в Советском Союзе давно нет ни чумы, ни холеры. Зачем искать оружие против несуществующего врага?

На стене директорского кабинета под стеклом висел документ времен гражданской войны, подписанный М. И. Калининым. «Всероссийский староста» благословлял вновь организованное в волжском городе научное учреждение на полную победу над злейшими эпидемическими болезнями.

— Да, — произнес директор и поглядел мимо меня на пожелтевшую реликвию. — Нам действительно удалось

выполнить завет Михаила Ивановича. Но можно ли забывать, что за узенькой полоской земли, именуемой государственной границей СССР, по-прежнему бушуют чумные и холерные океаны, что в мире живы еще и оспа, и бруцеллез, и проказа.

Он замолчал и протянул мне свежий номер газеты. Небольшая заметка сообщала о том, что Советский Союз направил самолет с противохолерной вакциной в одну из охваченных эпидемией стран Востока.

Два дня спустя, обряженный в два халата, резиновые сапоги и перчатки, я переступил порог «внутренних» лабораторий. Прежде чем ввести меня в «святая святых» института, директор еще раз напомнил о строгих правилах личной безопасности.

— Кстати, в целях профилактики Вы после осмотра лабораторий на девять дней останетесь у нас под надзором врачей, — бросил он мимоходом. — Таков закон.

Пришлось подчиниться. И вот, кляня вынужденное безделье, я сижу в институтской библиотеке и читаю все, что попадается под руку. Этот девятидневный карантин мог бы, наверное, превратиться в самые тоскливые дни моей жизни, если бы я не снял с полки 18-й том сочинений А. П. Чехова. То были письма последних лет его жизни. Не знаю почему, может быть, оттого, что лишь недавно я познакомился с мужественным, полным риска трудом чумологов, но меня привлек помеченный августом 1899 года ответ А. П. Чехова издателю газеты «Новое время» А. С. Суворину, который с явным беспокойством спрашивал доктора Чехова, что предпринять, если чума, поразившая Индию и уже замеченная кое-где в Европе, вторгнется в Петербург. Есть ли средства против «черной смерти»? Возможно ли спастись в большом городе? «Чума не очень страшна… — писал Чехов. — Мы имеем уже прививки, оказавшиеся действенными, которыми мы, кстати оказать, обязаны русскому доктору Хавкину. В России это самый неизвестный человек, в Англии же его давно прозвали великим филантропом. Биография этого еврея, столь ненавистного индусам, которые его едва не убили, в самом деле замечательна».

Всего несколько слов, но как много оказано и о Хавкине, и об отношении к нему Чехова, и даже о Суворине. Ибо кто же не знает, что реакционный журналист был к тому же и ярым антисемитом. В другом письме Чехов снова издевается над черносотенцем и мракобесом Сувориным: «Надежду подают прививки Хавкина, но, к несчастью, Хавкин в России непопулярен: „Христиане должны беречься его, так как он — жид“».

Из примечаний к чеховским письмам я узнал, что Владимир Ааронович Хавкин (1860–1930), уроженец Одессы и воспитанник

Новороссийского университета[1], провел несколько лет в Индии, где боролся с чумой и холерой. Еще несколько разрозненных сведений дала медицинская энциклопедия. Но как Хавкин попал из России в Индию, за какие заслуги приобрел славу великого филантропа, за что его хотели убить те, кому он пытался спасти жизнь, — на эти вопросы никто мне ответить не мог. Увы, спустя пятьдесят пять лет после чеховских писем биография Владимира Хавкина оставалась столь же мало ведомой его соотечественникам, как и в конце XIX столетия. О Хавкине не было написано ни одной книги; имя, его редко встречалось в журналах. Это непонятное равнодушие современников все более подогревало мой интерес к забытому ученому. С помощью библиотекарей института я перерыл чуть ли не всю литературу, имеющую отношение к чуме, к Индии, к бактериологии опасных инфекций. И — тщетно. Лишь за два дня до отъезда в Москву главный библиограф вытащила откуда-то запыленную тоненькую книжку на английском языке. Первое, что я увидел, откинув обложку, был портрет красивого рослого человека в строгом сюртуке, с белоснежным стоячим воротничком. Лицо с глубоко посаженными задумчивыми глазами выражало чувство спокойного достоинства. «Владимир Хавкин, — значилось под портретом, — первый директор Хавкинского института, родился 3 марта 1860 г. в Одессе, умер 26 октября 1930 г.».

С волнением листал я отчет бомбейского Бактериологического института, носящего имя нашего соотечественника. Отчет вышел осенью 1930 г. вскоре после смерти Хавкина и кроме специального материала содержал некролог, подписанный именем видного индийского ученого Найду. Биография Хавкина, написанная человеком далекой страны, поразила меня. Чувство горячей любви и уважения к бактериологу из Одессы сквозило в каждой строке.

«Хавкинский институт, обязанный своим существованием гению Владимира Хавкина, и Центральный медицинский колледж, где этот ученый производил первые исследования по чуме, 27 октября были закрыты в знак уважения к его памяти, — писал автор некролога. — Индия имела особые причины оплакивать потерю этого человека; лучшие годы жизни он отдал борьбе с такими бедствиями Индии, как холера и чума; он спас огромное количество жителей от опустошительных инфекций, применив предохранительные прививки… Его интерес к Индии не ослабевал до самой смерти, и до конца своих дней он поддерживал дружескую переписку с индийскими друзьями».

Биография-некролог приоткрыла завесу над основными вехами жизни Хавкина, но одновременно она вызвала и новые

недоуменные вопросы. Чехов сообщает о ненависти индийцев к бактериологу, а ученый из Бомбея — о глубокой любви, которую доктор из России заслужил у народов Индии. Кто прав? Совсем ничего нет в некрологе о детстве и юности Хавкина, об учении в Одесском университете. А ведь там в эти годы преподавал зоологию Илья Ильич Мечников. Какие отношения сложились между учителем и учеником? И наконец, самое главное, почему Хавкин оставил родину, почему не вернулся в Одессу?

Я покинул институт на Волге с твердым намерением разобраться в этой загадочной биографии. Однако перевод бомбейского некролога долгое время оставался единственным документом, находившимся в моем распоряжении. В русских журналах конца XIX — начала XX столетия содержались лишь отрывочные, подчас взаимоисключающие детали о пребывании Хавкина в Париже, Лондоне, Калькутте и Бомбее. Прошло три года. Папка с надписью «В. Хавкин» пополнялась медленно, от случая к случаю. Правда, в Москве, Одессе и Барнауле удалось разыскать родственников ученого. С Алтая пришел пакет со старинными фотографиями: отец Хавкина, его мать и сам Владимир Хавкин, сначала в студенческой куртке, потом в сюртуке и галстуке. На обороте последней фотографии стояло: «Калькутта» и надпись, сделанная от руки — «Проездом через Аден в Аравийском заливе 18-го (шестого) февраля 1895 года». Самый «новый» из этих снимков был сделан почти семьдесят лет назад. Эти семейные реликвии прислала родная племянница Хавкина пианистка Лидия Семеновна Савельева.

А затем счастливая встреча. В скромной московской квартире меня принял восьмидесятипятилетний сводный брат Владимира Хавкина бухгалтер Александр Хает. Он тяжело болен. Говорить ему нелегко, но старик рад помочь литератору. О событиях шестидесятилетней давности он рассказывает глухо, однако очень уверенно, так, будто это происходило вчера.

— Владимир сидел в Одесской тюрьме. По политическому делу.

Я не поверил, переспросил.

— Да, да, в университете он был известен, как… как это называлось?.. — И вдруг в его устах звучит неожиданное, пришедшее из исторических глубин слово —…бомбометатель.

Хавкин — народоволец? Мой собеседник качает головой: увы, он ничего не может больше припомнить. Но бомбометателем Владимира действительно называли. Слабеющая память подсказала старику еще один интересный факт. В Париже (Владимир попал туда в 1890 г.) братья ходили на юбилей какого-то старого русского революционера. Среди других ораторов Хает

запомнил Жореса, Бебеля и Вильгельма Либкнехта. К Хавкину подходили русские революционные эмигранты и дружески приветствовали его.

Через два месяца после нашей встречи Александр Хает умер. Казалось, что вместе с ним ушла и последняя возможность узнать что-нибудь о революционной деятельности Владимира Хавкина. Архивы? Я безо всякой надежды поехал в Одессу. За последние сорок пять лет две войны и три революции прогремели по брусчатым мостовым города-героя. Город поочередно занимали петлюровцы и «зеленые», французы и румыны, кайзеровские немцы и немцы гитлеровские. Где уж тут найти документы восьмидесятых годов прошлого века…

С профессором университета, большим любителем одесской старины, Федором Евстафьевичем Петрунем мы несколько дней бродили по городу. Петрунь как опытный реставратор снимал «позднейшие наслоения» и перед главами возникала торговая богатая Одесса, какой она была восемь десятков лет назад. Императорский университет… Канцелярия коменданта города… Студенческая кухмистерская… Полицейское управление с каланчой и огромным двором, замыкавшимся со всех сторон. Сюда привозили бунтующих воспитанников университета… Греческая площадь; приземистые домики с колоннадой, зеленные лавки, дешевые ресторанчики. На Приморском бульваре профессор Петрунь показал место, где народоволец Николай Желваков 18 марта 1882 года по приговору Исполнительного комитета партии «Народная воля» стрелял в жандармского полковника Стрельникова.

Я размечтался. Хавкин был в это время студентом третьего курса университета. Вполне возможно, что в тот час он стоял на бульваре вместе с другими студентами, которые, как известно из литературы, толпились там, для того чтобы помочь Желвакову бежать после выстрела. Увы, кроме Александра Хаста, никто ничего не мог сообщить о революционных настроениях будущего бактериолога. Глядя с вершины знаменитой потемкинской лестницы вниз на шумный Одесский порт, я подумал с грустью, что никогда так и не узнаю правды. Но произошло неожиданное. На следующий день молодой научный сотрудник Одесского областного архива Анатолий Бачинский положил передо мной на стол подлинное архивное дело студента Императорского новороссийского университета Владимира (Маркуса Вульфа) Хавкина и многочисленные папки, в которых десятки документов свидетельствовали о Хавкине-народовольце, Хавкине — государственном преступнике и арестанте. Старый бухгалтер Александр Хает оказался прав.

Многие, очень многие люди приняли участие в поисках правды о моем герое. Это прежде всего одесские архивисты Анатолий Бачинский и Станислав Кульчицкий; Тамара Моисеевна Гольд — главный библиограф библиотеки Одесского университета; Елена Ивановна Наливкина — заведующая библиотекой Одесского бактериологического института им. И. И. Мечникова; Софья Ивановна Макаренко — заведующая читальным залом Центрального государственного исторического архива УССР в Киеве. Спасибо вам всем, дорогие товарищи!

Трогательной была помощь зарубежных друзей. В июне 1958 года международный журнал «Курьер ЮНЕСКО» опубликовал мое письмо, в котором содержалась просьба откликнуться всех, кто встречал ученого или что-нибудь о нем знает. Ответов пришло немало.

Как правило, послания были дружественные и сердечные. Люди разных стран восторгались подвигом русского доктора, выражали симпатии к советскому народу. Директор Хавкинского института господин Джала из Бомбея любезно прислал жизнеописание основателя института, список его трудов и два альбома, которые институт выпустил к своему шестидесятилетнему юбилею (1959 г.).

Парижанин, профессор физики мсье Деларю никогда не слыхал о Хавкине. Ну и что же! Раз русский бактериолог проявил такой героизм, надо воздать ему по заслугам и разыскать о нем все возможные сведения. И вот профессор Деларю оставляет собственные дела и отправляется в библиотеку Пастеровского института, чтобы выписать для литератора из Советского Союза список материалов на французском, английском и даже русском языках. Список Деларю оказался самым ценным из всего присланного. Но сам парижанин вовсе не считал свой труд сколько-нибудь значительной услугой. «Я надеюсь, — писал он, — что вы получили немало и других ответов, которые свидетельствуют, как велика интеллектуальная солидарность между народами».

И, наконец, еще одно письмо, которое мне хочется привести полностью.

«Сэр, как ученый бактериолог и в прошлом директор Хавкинского института в Бомбее, я выражаю удовлетворение по поводу того, что Вы работаете над книгой о Владимире Хавкине. Я готов помогать Вам советом и необходимыми материалами. Ваша книга, рисующая дружбу ученого из России с людьми моей страны, думается мне, поможет нашим народам еще лучше понять и оценить друг друга». И подпись: Лауреат Международной Ленинской премии за укрепление мира между

народами, профессор, доктор Сахиб Сингх Сокхей.

Доктор Сокхей привез в СССР и подарил мне фотокопию трех десятков индийских и английских газетных статей, посвященных деятельности Владимира Хавкина в Индии. Открылись новые, неизвестные ранее подробности жизни ученого, факты борьбы его с колониальной администрацией. Так прошлое, историческое сомкнулось с сегодняшним днем. Борец за мир, гражданин независимой Республики Индии внес свой вклад в восстановление доброй памяти ученого из России.

…Больше шестидесяти лет прошло с тех пор, как Антон Павлович Чехов назвал Владимира Хавкина «самым неизвестным человеком в России». Многое изменилось с тех пор в нашей стране. Не меньше, а значительно больше ценим и чтим мы теперь наше историческое прошлое. И среди прочих несправедливо забытых имен, которыми ныне гордится родина, имя смелого бактериолога заняло теперь достойное место. Пришла пора подробно рассказать об этой жизни: простой, самоотверженной и мужественной. Приступая к рассказу, я еще раз благодарю советских и зарубежных друзей доктора Хавкина, друзей, без которых книга эта едва ли могла быть написана.

ХМУРЫЙ РАССВЕТ

В четверг 20 ноября 1881 года в Новороссийском императорском университете разразился неслыханный скандал. Группа студентов освистала декана юридического факультета, г-на Патлаевского. В Одессе новости не залеживаются. Уже на второй день горожане знали все подробности. На Дерибасовской, где прогуливалась перед обедом «чистая публика», об университетских делах говорили ахая и закатывая глаза; в порту, на Молдаванке и Пересыпи хохотали, прищелкивали пальцами: «Ай да студенты, ай да босяки!..»

Одесса любила свой университет. Мысль о том, что в их городе существует храм науки, не уступающий столичному, наполняла горожан чувством самоуважения. Богатые купцы отдавали детей на юридический, беднота тянулась из последних сил, чтобы увидеть сыновей врачами или учителями. Студентами гордились. Им прощали и шумные вечеринки, и уличные потасовки, и даже некоторую вольность по отношению к начальству: молодозелено, перемелется — мука будет…

Новороссийский университет в восьмидесятых годах прошлого века считался учебным заведением на редкость демократичным. Здесь бок о бок обучались юноши самого различного общественного положения: дети дворян и мещан, священников и торговцев. Проникала сюда и крестьянская молодежь. Таким же пестрым был университет и по национальному составу. Рядом с русскими и украинцами учились армяне, евреи, грузины, поляки, молдаване, греки, болгары. Шумный, многонациональный, полный социальных контрастов университет был плоть от плоти сыном Одессы, отражением всего, чем жил и дышал город-порт на перекрестке международных торговых путей.

И все же то, что произошло в университетском вестибюле в четверг, не походило на обычные студенческие шалости. Шестьдесят слушателей первого и второго курсов требовали изгнать за безграмотность доцента Чижова, читающего философию права. Они свистели, визжали и выли под самым носом у почтенного декана и отказались разойтись даже после того, как сам господин проректор записал имена зачинщиков.

В город давно уже проникали слухи о неладах в среде профессуры. Говорили, что профессор политической экономии, любимец студентов Посников настаивает на том, чтобы дать степень кандидата прав талантливому студенту Герценштейну[2], а декан Патлаевский нашел в диссертации крамольные мысли и

присуждению степени воспротивился. Про Патлаевского поговаривали, что он создал на факультете систему шпионажа и выдает мальчишек полиции. История с Чижовым только повод, которым студенты воспользовались, чтобы отомстить ненавистному декану.

Одесситы со всем присущим им темпераментом обсуждали события, вступаясь за студентов или за декана в зависимости от своего имущественного состояния и должностного положения. Но то, что происходило в университете, лучше всего понимали на Спиридоновской улице в доме, где на воротах архитектор поместил скрещенные знамена — символ российской жандармерии.

Сообщая одесскому генерал-губернатору о студенческих беспорядках, начальник жандармского управления полковник Нершин справедливо заметил, что события в университете «совпали с развитием социально-революционного движения в городе». Обструкция, учиненная Патлаевскому, была лишь отражением общей борьбы, развернувшейся в стенах императорского университета. Политические злобы дня проникли в среду преподавателей и раскололи профессуру на два враждующих лагеря, докладывал Першин. Одни, «стоящие на стороне консервативного взгляда, встречают сочувствие людей серьезных и правительственных лиц», а другие ищут «поддержку в слушателях университета. Началось кокетничание со студентами, приведшее к нынешним беспорядкам».

Кто же эти «растлители юношества», которые, по словам жандармского полковника, «действуют прямо в разрез правительственным видам»? В отчете полковника Першина они названы поименно.

«На стороне профессора политической экономии Посникова, партия, которую я назову либеральною, оказались: Мечников, профессор зоологии, человек крайних убеждений, невозможный ни в каком учебном заведении; Трачевский — инициатор вторых Московских женских курсов, открывший здесь новую школу с совместным обучением слушателей обоего пола. Если я не ошибаюсь, он получил предостережение бывшего генерал-губернатора графа Тотлебена; профессор физики Умов — также человек крайних воззрений, с насмешкою отзывавшийся по поводу панихиды о в бозе почившем государе императоре…» Список, приведенный в докладе полковника Першина, довольно пространен. Но достаточно и первых четырех имен. Даже сегодня, восемьдесят лет спустя, они звучат внушительно: выдающийся биолог Мечников, основатель школы русских физиков Умов, прогрессивные профессора Посников и Трачевский. Вот кого

выбрали своими общественными наставниками одесские студенты.

Скандал, разразившийся в университетском вестибюле, был по существу политической демонстрацией, может быть неумелой, бессмысленной, но полной искренней страсти и ненависти мальчишек, выступавших против реакции во всех ее формах. Это поняли и страшно засуетились, заволновались «правительственные лица». Несколько дней спустя университетский суд приговорил семнадцать человек к разным взысканиям. Троих, главных зачинщиков, было решено исключить. Среди них — студента второго курса естественного отделения физико-математического факультета Владимира Хавкина.

Хавкину тогда шел двадцать второй год. На фотографии тех лет он выглядит высоким и узкоплечим. Ясный задумчивый взгляд больших серых глаз, по-детски сложенные губы; даже бородка и усы — светлые, едва пробивающиеся — не способны придать солидности юношескому лицу.

Поступить в университет, учиться в Одессе было давнишней мечтой Владимира. Он решил получить высшее образование, несмотря на то что отец его бердянский учитель Аарон Хавкин, пожилой человек, обремененный большой семьей, не мог потратить на обучение младшего сына ни копейки. После долгих переговоров десять рублей в месяц на время занятий согласился давать Владимиру старший брат. Да двадцать копеек в день на обед ссужал неимущему студенту университет. Не очень-то сладко жить на подачки, но что делать, если к науке для бедняка нет иного пути.

Учился Хавкин хорошо. Уже в Бердянской гимназии у него проявилась склонность к естественным наукам. В Одессе лаборатория профессора Мечникова стала для юноши вторым домом. Илья Ильич поощрял научные интересы слушателей. Каждый студенческий опыт, каждая новинка биологии, открытая в России или за рубежом, становились предметом горячих споров, а то и дискуссий между учителем и учениками. Хавкин был любимцем Мечникова, его постоянным спутником в зоологических экскурсиях. С первых курсов было ясно: Владимир станет зоологом, исследователем микроскопической морской фауны. И вот — крушение всех надежд…

Весь ноябрь 1881 года не затихали в университете волнения, вызванные исключением трех студентов. Едва университетский суд вынес приговор, как несколько десятков человек собрались в конференц-зале, чтобы заявить протест администрации. Сходка продолжалась не один час. Видимо, решительность молодежи

вызвала симпатию профессоров. Ученый совет университета большинством голосов опротестовал решение суда. Совет потребовал немедленно вернуть в университет Хавкина и его товарищей.

Не дешевой ценой спасла прогрессивная профессура своих питомцев. Многие преподаватели попали на заметку жандармского управления. Их действия вызвали негодование и министра просвещения, приславшего в университет раздраженное письмо. Его зачитывали на очередном заседании Совета: «Правительство имеет право рассчитывать на то, что преподаватели Университета будут служить ему не для одного только чтения лекций, но и для внушения своим слушателям словом и примером неизменных начал высокой нравственности, уважения к закону и порядку, — писал министр. — Всякое уклонение от этого пути поколеблет доверие, которое правительство выказывает к ученой коллегии… оно поставило бы правительство в печальную необходимость искать корни свободомыслия не в одной только среде увлекающегося юношества, но и между членами профессорской корпорации». Это звучало неприкрытой угрозой. Бывший министр просвещения граф Толстой, вскоре затем «прославившийся» в качестве министра внутренних дел, действительно «показал» профессорам, как именно надо внушать «уважение к закону и порядку».

И все же Хавкина на этот раз отстояли. За него ходатайствовал Мечников. Правда, прежде чем занять свое место в аудитории, Владимиру пришлось подписать нечто вроде покаянного обязательства (наподобие тех обязательств, какие в средние века подписывали раскаявшиеся грешники): «При обратном зачислении меня в число студентов Новороссийского университета я обязываюсь настоящей подпиской строго исполнять на будущее время правила Новороссийского университета… при этом мне объявлено, что в случае нового проступка с моей стороны, я буду уволен из университета».

Седьмого января 1882 года студент Хавкин получил на руки свой матрикул. Сунув в карман голубую книжечку с номером 247 на обложке, он снова вернулся к лабораторным опытам, обедам в дешевой студенческой кухмистерской и к… каждодневным обязанностям члена революционного кружка партии «Народная воля».

Современники свидетельствуют, что по натуре своей Владимир Хавкин меньше всего был трибуном и бунтарем. Молчаливый, сдержанный, он оживлялся лишь в тех случаях, когда при нем затрагивали серьезные проблемы науки, философии. Тогда он вступал в спор горячо, взволнованно,

удивляя собеседников обилием прочитанной социальной и философской литературы.

Страсть к книгам и спорам появилась у Владимира еще в Бердянской гимназии[3]. Основанная в середине семидесятых годов, гимназия эта очень скоро стала пользоваться славой самой либеральной на юге России. Ответы на «проклятые» вопросы ее ученики находили не на уроках, а в тесных кружках, существовавших в каждом классе. Вечерами, собравшись где-нибудь на чердаке, кружковцы читали политическую литературу, изучали историю общественных движений, политэкономию и социологию. «Подгнило что-то в Датском королевстве…» Это понимали все. Но что предпринять? Мысль о неизбежности революционной борьбы уже витала над головами пытливых подростков, искавших светлого слова в темном лесу социологических формул. Но в провинциальном городке превратить неясную идею в боевой призыв было некому.

Начальник города и порта Бердянска, выдавший в июне 1879 года окончившему курс гимназии бердянскому мещанину Владимиру Аароновичу Хавкину удостоверение в благонадежности, был прав лишь наполовину. Под судом и следствием гимназист действительно не состоял, но «предосудительных» мыслей набрался уже не в малом количестве. Восемь лет гимназического обучения не внушили Владимиру ни почтения к самодержавию, ни терпимости к царившей вокруг реакции. Вместе с аттестатом зрелости (огромный, как газета, лист «слоновой» бумаги, украшенной виноградными лозами, солнечными лучами и сплошными пятерками) вчерашний гимназист вез в Одессу изрядную дозу сомнений и скептицизма. Он был в тот момент молодым тестом, которое только ждало дрожжей, чтобы взойти революционной силой, вырваться из тесной квашни «благонамеренности и порядка».

Такие «дрожжи» вскоре нашлись.

Осенью 1879 года в Одессу пришел первый номер журнала «Народная воля» — объемистая тетрадь, отпечатанная в типографии. Эпиграфом к передовой статье авторы взяли слова древнеримского сенатора: «Carthago est delenda!» — «Карфаген должен быть разрушен!» Это был призыв к политической борьбе, к немедленному выступлению против царизма. «Политические иллюзии губят народы, — гласила передовая. — Они же губят партии. Главная иллюзия, с которой надо бороться, это предрассудок против политической свободы, боязнь политической борьбы и политики вообще».

Хавкин читал этот номер журнала вместе со своими новыми товарищами по университету Степаном и Герасимом Романенко.

Трудно восстановить сейчас, как зародилась дружба сыновей богатого бессарабского помещика Романенко с молчаливым еврейским юношей из Бердянска. Видимо, их связало увлечение революционными идеями, вера в общее дело. Так или иначе, но с осени 1879 года, в жандармской и полицейской переписке имена Хавкина и Романенко неизменно стоят рядом.

Братья Романенко с юридического факультета давно уже привлекали внимание полиции. Оба слабогрудые, страдающие туберкулезом, они тем не менее то и дело оказывались заводилами студенческих беспорядков. Герасима — впоследствии члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» — высоко ценила Вера Фигнер. В книге «Запечатленный труд» знаменитая революционерка восхищается умом и образованностью Герасима Романенко, называет его человеком на редкость даровитым.

Новые идеи, новые друзья вынесли Владимира в самый водоворот интересов, которыми жила революционная Одесса 1879 года — года расцвета народовольческого движения. И сразу же попал он на заметку жандармских соглядатаев. На «Списке лицам неблагонадежным в политическом отношении», составленном не позже января 1880 года, уже известный нам полковник Першин делает пометку: «Все они (перечисленные студенты. — М. Я.) принадлежат по политическим взглядам к так называемой партии „Черного передела“. Сведения эти добыты агентурным путем, но источник достаточно оправдал себя в отношении Матвеевича, Хавкина, Романенко и других».

До поры до времени Владимира не трогают. Но на Спиридоновской на него уже заведено «досье». Дело «дозревало» и дозрело к новому 1880 году. Одесские студенты устроили несколько сходок и демонстраций по поводу новых университетских правил. Собирались на квартире Хавкина, а вожаками, как всегда, были братья Романенко. По доносу предателей Степан и Владимир были схвачены, а Герасим успел выехать за границу. Обыски. Допросы. Пухлое «дознание о студентах Хавкине и Романенко, обвиняемых в политической неблагонадежности». У Степана к тому же нашли подцензурное женевское издание шевченковского «Кобзаря», а у Хавкина — написанные им два письма «подозрительного и двусмысленного содержания». Дело могло окончиться плохо, но на первый раз генерал-губернатор приказал «ограничиться учреждением полицейского надзора».

Полицейский надзор, постоянно продлеваемый, почти восемь лет потом преследовал Хавкина в Одессе. Надзор отравил ему юность. Общение с товарищами, научная работа, дружба с

Мечниковым — все оказывалось объектом слежки и доноса. Полицейские рыла лезли в его личную жизнь, в переписку, препятствовали поездкам по стране. Можно было задохнуться в атмосфере незримого террора, махнуть на все рукой, предаться отчаянию. Однако этого невозмутимого на вид студента ничто не могло удержать от поступков, которые он считал для себя обязательными.

Первого марта 1881 года в Петербурге неподалеку от Летнего сада прогремел взрыв, прервавший царствование Александра II. Народовольцы выполнили свое давнее обещание: казнили царя, по иронии судьбы носившего имя «Освободитель». Правительство ответило на убийство царя массовым террором. Каждый день в Петропавловке расстреливали и вешали народовольцев. Тюрьмы Москвы и Петербурга были переполнены. От столичных жандармов старались не отставать и их провинциальные коллеги: политические процессы шли в Киеве, Одессе; поезда не успевали увозить в Сибирь осужденных на каторгу и ссылку.

Одновременно правительство пустило слух о том, что убийство царя — дело рук евреев, пытавшихся захватить власть. По южным и западным губерниям прокатилась волна погромов. Воскресным утром 3 мая грязная волна эта докатилась до Одессы. Погромщики ходили по улицам с ломами и топорами, грабили и разоряли жилища евреев. «На Успенской улице, — бесстрастно сообщает „Одесский вестник“, — толпа с криком ворвалась в бакалейный магазин еврея. Через десять минут в квартире и магазине ничего не осталось в целости: мебель разбита, улицы покрылись густым слоем пуха… Из окна разрушенной квартиры выскочил мальчик со скрипкой в руках. Толпа гогочет. Скрипка попеременно переходит из рук в руки. Наконец один парень хватил ее о камень с размаху. Скрипка — вдребезги. Другая сцена. Оборванцы разрывают на куски платья. Наблюдающая толпа, двадцать процентов которой составляют прилично одетые люди, хохочет, созерцая происходящее…»

Что же предприняли хозяева города для борьбы с бандитизмом? В том же номере газеты есть строки, очень точно изображающие позицию тех, кто мог пресечь этот разгул. «Генерал и другие военные пробовали увещевать толпу, но это не помогло». Не помогло!..

Когда-то бывший попечитель Одесского округа хирург Н. И. Пирогов сказал: «Университет — есть лучший барометр общества». В понедельник, 4 мая, 1881 года барометр этот показал бурю. Едва начались занятия, как члены революционных кружков стали организовывать молодежь в группы самообороны. Вооружаясь на ходу, кто кочергой, кто просто палкой, студенты —

русские, евреи, украинцы, молдаване и болгары — бросились наперерез погромщикам. На улице разразилась настоящая битва. Хавкин и Романенко оказались в самой гуще побоища. И тут, узря вооруженных студентов на улице, власти «пробудились». «На Рыбной и Резничной полиция и юнкера арестовали более ста пятидесяти человек. Были раненые», — сообщила затем одесская газета. А вскоре стало известно, что почти восемьсот арестованных загнаны на угольные баржи, которые уведены в гавань за волнолом.

Хавкин, которого полицейские схватили на улице с револьвером в руках, поначалу со всей массой арестованных попал в распоряжение прокуратуры. Потом начальник жандармского управления приказал перевести студента в тюремный замок. Жандармы попытались обвинить юношу в организации вооруженного нападения на погромщиков. За это им уже удалось осудить несколько студентов-оборонцев. Следствие продолжалось целую неделю. Студенты, вызванные в качестве свидетелей, не выдали товарища. И Хавкина пришлось выпустить. Жандармский капкан еще раз разжал свои железные челюсти.

Весна 1881 года принесла Владимиру немало неприятностей. Из его жизни надолго ушли два самых близких человека — Степан Романенко и Илья Ильич Мечников.

Степан Романенко подал властям прошение с просьбой отпустить его лечиться в Италию. У него действительно открылся туберкулез легких. Но Хавкин знал, что тяжело больной Степан едет вовсе не в Италию, а в Берн, где собралась большая группа народовольцев и где на медицинских курсах учится невеста Степана Соня.

Вскоре после отъезда Романенко заболел возвратным тифом Илья Ильич Мечников. Он давно уже стал появляться в лаборатории мрачным, подавленным, его обычно увлекательные лекции как-то поблекли за последние месяцы. Профессора что-то угнетало. Владимир знал причину. Илья Ильич нередко заводил в лаборатории разговоры о политике, которая сверху и снизу ползет в университетские стены, отвлекает юношество от науки. Он твердил ученикам о тех огромных знаниях, которые необходимы тому, кто хочет заниматься политикой, и корил студентов, променявших аудиторию на подпольные кружки, а учебники — на подцензурные брошюры. «Мальчишки», которых столь же талантливый, сколь и нетерпеливый профессор одолевал своими «проповедями» аполитичной науки, любили и оберегали Мечникова, но… революционной работы не бросали. В споры старались не вступать. Все знали: тот же Мечников до хрипоты отстаивает в Ученом совете, где его считают «красным» и чуть ли

не агитатором, права студентов, свободу преподавания и независимость научных исследований.

И вот мрачная весть: Илья Ильич заразился тифом. А вслед за тем самым верным друзьям профессора стало известно еще более страшное: Мечников заразил себя якобы ради эксперимента; на самом деле — это самоубийство. Болезнь тянулась мучительно долго. Близкие старались скрывать от больного события, разыгравшиеся после казни царя, но Мечников узнавал и об арестах своих учеников, и о погромах, и о том, что министр утверждает на кафедры профессоров лишь «политически благонадежных», что его не интересует, имеют ли они хоть какие-нибудь научные заслуги. Такие новости (их нередко приносили ученики) ухудшали состояние Мечникова. Его жена Ольга Николаевна наконец запретила студентам посещать больного. Для Хавкина исчезла последняя отдушина.

Только в конце мая профессор, еще слабый и бледный, появился в лаборатории. Хавкин доложил ему о своих исследованиях морских простейших. Мечникову работа понравилась. Была даже назначена совместная экскурсия учителя с учеником к морю. Но поездка эта так и не состоялась. Личные обстоятельства заставили Мечникова уехать в имение под Киевом. Хавкину тоже пришлось изменить планы; он отправился в Бессарабию в научную экспедицию, организованную другой кафедрой. С грустью Владимир писал брату, что опыты, близкие его сердцу, он вынужден временно оставить. Однако вскоре развернулись события, которые вообще на целый год оторвали Хавкина от науки, от университета.

Летом 1881 года в Одессе появилась молодая изящная дама, заставившая немало говорить о себе городское общество. Дом Елены Ивановны Колосовой, очень живой, интересной собеседницы, скоро превратился в своеобразный литературно-музыкальный салон, который посещала самая различная публика. Пикники, музыкальные вечера, литературные викторины — эта миловидная женщина умела поразвлечь общество. Говорили, что она вдова, со средствами, и это особенно поощряло неженатых военных и статских чиновников. Только три человека в Одессе знали, что под именем Колосовой скрывается член Исполнительного комитета «Народной воли» Вера Николаевна Фигнер.

Исполнительный комитет назначил Фигнер руководительницей всей народовольческой деятельности на юге России. По ночам в особняке «вдовушки» проводились конспиративные совещания, готовились документы для членов партии, которым следовало срочно выехать из города. Одним из

трех, знавших подлинное имя мадам Колосовой, был профессиональный революционер Павел Анненков. Фигнер привезла его из Харькова и поручила создать в университете кружок активных помощников «Народной воли». Для конспирации Анненков поступил в университет в качестве студента (это было четвертое учебное заведение, которое он сменил таким образом) и начал присматриваться к своим новым товарищам. В числе первых, вступивших в анненковский кружок, был Владимир Хавкин. Кружковцы собирали деньги для находившихся в подполье или вынужденных бежать из Одессы агентов партии, печатали на гектографе и расклеивали по городу политические прокламации. Между прочим, на гектографе размножались «Сказки» Салтыкова-Щедрина, письмо Белинского к Гоголю, памфлет «Надгробное слово Александру Второму» и судебные речи народовольцев.

Вскоре Вера Фигнер возложила на кружок Анненкова значительно более ответственное задание. Для усмирения революционного подполья царское правительство прислало в Одессу одного из самых свирепых своих сатрапов. Летом того же года прокурор Киевского военно-окружного суда генерал Стрельников, «находящийся в городе Одессе для производства по высочайшему повелению дознаний о государственных преступлениях», начал «очищать» юг России от крамолы. «Он захватывал десятки людей, совсем непричастных к революционной деятельности. Это делалось систематически по любому оговору, — писала впоследствии Вера Фигнер. — Бездушный и жестокий человек, он цинично издевался над своими жертвами. На мольбы матерей отвечал: „Не просите — ваш сын будет повешен!“ После попытки одного из арестованных к бегству Стрельников спросил конвойных: „Что же вы его убили?“ — „Нет“. — „А били?“ — „Нет“. — „Очень плохо сделали“».

Исполком «Народной воли» принял решение казнить Стрельникова. Пока в Петербурге подбирали людей для исполнения приговора, члены кружка Анненкова тщательно изучали образ жизни генерала, следили за тем, где он бывает, с кем встречается. К январю 1882 г. Владимир с двумя товарищами студентами мог сообщить Фигнер о каждой детали, касавшейся характера и поступков своего «подопечного». На этом материале Колосова построили план покушения. Было решено убить Стрельникова в пять часов вечера на Приморском бульваре, где он обычно гуляет. Возможно, что Хавкин принял бы более активное участие в подготовке покушения, но 15 февраля он и недавно вернувшийся из-за границы Степан Романенко были, как

свидетельствует официальный документ, «по распоряжению г-на генерал-майора Стрельникова арестованы по обвинению в государственном преступлении».

Время не сохранило протоколов допроса, которому студент-народоволец подвергся в тюрьме. Не сохранилось и его воспоминаний об этом периоде. Но те, кто, как и Владимир Хавкин, «вкусили» от стрельниковского «гостеприимства», оставили довольно подробное описание тюремной обстановки.

До нас дошел потрясающий документ: прокламация «К русским людям», написанная в декабре того же года Павлом Анненковым по поводу так называемого голодного бунта в одесской тюрьме.

«Заключенные в тюрьме медленно и мучительно угасали под утонченной пыткой правительственного деспотизма, — сообщал Анненков. — Обстановка не изменялась даже для тяжелобольных. То же одиночество, та же холодная, сырая, вонючая камера, тот же отсыревший мешок с соломой на щелеватом полу, тот же карцер в перспективе, если не перестанешь упорствовать… На просьбу одного больного рабочего разрешить ему больничную пищу, тюремный врач доктор Розен, жандарм в душе, как он сам характеризовал себя, с какой-то дикой яростью закричал: „Вы — рабочий, а больничная пища стоит семьдесят копеек, обойдетесь и так!“. Другой арестант, студент, просил лекарства против развивающейся на руке опухоли. „Сосите опухоль, ведь у вас много свободного времени“, — отвечал Розен. Когда тот же больной выразил желание пригласить другого доктора, Розен сказал: „Вам нужны не врачи, а палачи!“ Этот самый Розен показал растерявшемуся палачу Боровицкому, как связать мертвую петлю, и самолично, с хладнокровной улыбкой, помог накинуть ее на Желвакова и Халтурина.

Страшная обстановка делала свое дело. Несколько человек сошло с ума, у остальных открылись нервные страдания, болезни груди сделались всеобщими: у одних кашель, у других все признаки зарождающейся чахотки, у третьих — кровохаркание. Постоянная сырость и холод сказались ревматизмом. У некоторых ослабло зрение и слух. Поддались даже железные организмы заключенных атлетов-рабочих: расшатались их „веревочные“ нервы, надломились их могучие груди, легко выносившие в течение многих лет ужасный воздух мастерских и подвалов.

Но „честь“ переполнить чашу страданий политических заключенных выпала на долю смотрителя тюрьмы Зубачевского. Политический больной, находящийся в последнем градусе чахотки, обратился к нему с просьбой уделить ему, полуумирающему, койку. Зубачевский приказал перевести его в

карцер…»

Все, о чем писал Анненков, на несколько месяцев раньше пришлось испытать Владимиру Хавкину. Может быть, даже он подсказал руководителю кружка факты страшного произвола, творимого в стенах тюрьмы. Подобно остальным арестантам, Хавкин мерз, голодал, валялся на полу, ибо кровати полагались только лицам «привилегированных сословий». Его так же, как и других, водили на допрос в одну из камер, где «сам» Стрельников, издеваясь над заключенными, пытался вырвать сведения о подпольной организации. Хавкин не выдал кружковцев, не сказал ничего о готовящемся покушении, хотя и знал, что револьвер системы «Веблея» и два кинжала хранятся в квартире одного народовольца, откуда их ежедневно после обеда уносят в расчете, что представится случай совершить покушение. Знал он и многое другое. Но генералу студент показался, видимо, мелкой сошкой. Кстати, известно, что следователем Стрельников был скверным, раскрывать организации не умел, часто выпускал из рук важные сведения. Он не знал ни программы «Народной воли», ни того, что в Одессе, кроме рабочей подгруппы, имеется сложная местная организация. Жандармы и не подозревали в то время, что в университете действуют не отдельные «беспокойные», а целая сеть хорошо организованных народовольческих кружков. Это и спасло Хавкина.

Владимира выпустили. Случилось это ранней весной, за несколько дней до того, как на Приморском бульваре двадцатилетний Желваков выстрелом в упор убил ненавистного всем генерала. Восемнадцатого марта прогремел этот давно ожидаемый народовольцами выстрел, а в первых числах апреля подпольная группа Анненкова уже размножила на гектографе присланную из Петербурга прокламацию: «От Исполнительного комитета». «События восемнадцатого марта, — говорилось в ней, — купленные дорогой ценой крови наших товарищей, будут грозным предупреждением тем царским опричникам, которые не останавливаются ни перед какими средствами в борьбе с революционной партией».

В обстановке ожесточенного террора, в дни, когда в одесской тюрьме озверевшие жандармы без суда и следствия повесили Халтурина и Желвакова, Хавкин и его товарищи расклеивали по стенам и заборам Одессы фиолетовые листки прокламаций. В чем-в чем, а в недостатке мужества обвинять студента Хавкина не приходится. Он продолжал готовить в подпольной мастерской фальшивые паспорта, собирал деньги на нужды народовольцев. И все же Владимир постепенно охладевает к «Народной воле». Причину этого следует искать, видимо, не в целях партии, а в ее

методах. Студент едва ли понимал, что индивидуальный террор вообще негодное средство в политической борьбе. Но верному ученику Мечникова, проникнутому гуманными идеями своего учителя, было чуждо всякое кровопролитие. Выстрел на Приморском бульваре Владимир воспринял как некую катастрофу. Кружок Анненкова продолжал стоять на позициях террора, и Владимир не находил в себе больше сил служить делу, которое вызывало у него отвращение. Начался медленный, но неизбежный отход Хавкина от народовольцев.

Атмосфера в университете все более накалялась. Новый университетский устав полностью отдавал студентов и профессоров в руки полиции. Еще осенью 1880 года двести сорок студентов Одессы послали министру просвещения письмо, в котором жаловались на свое положение. «Мы не имеем права собираться для обсуждения наших нужд… Нам не разрешают даже собраний, которые преследуют чисто научные цели… Помимо надзора университетской инспекции над нами тяготеет особый надзор общей полиции… Полная материальная необеспеченность тяжелым бременем ложится на нашу энергию и обусловливает собою всеобщее бедственное положение русского студента».

К весне 1882 года гнет реакции стал совершенно нестерпимым. В Ученом совете университета восторжествовала партия «благонамеренных». Даже в сборе денег на венок для могилы Чарлза Дарвина министр просвещения увидел антигосударственное деяние и категорически запретил молодым людям выражать добрые чувства к памяти английского биолога. Что ни день, то новые жертвы, которые полиция выхватывала из среды молодежи. Лучшие, наиболее любимые профессора как могли пытались помочь своим питомцам. Знаменитый эмбриолог профессор Ковалевский, профессор физики Умов обратились к властям с просьбой вернуть в университет арестованных и высланных студентов. Умов даже внес залог две тысячи рублей, чтобы взять на поруки студента-народовольца. У преподавателей-шпиков, профессоров-ханжей подобные поступки вызывали дикое озлобление. Не выдержав травли, демократическая часть профессуры во главе с Мечниковым решила покинуть университет. Узнав об этом, студенты предприняли еще одну попытку остановить окончательное духовное и научное оскудение родного университета. Пятнадцатого мая на квартиру ректора С. П. Ярошенко два юноши доставили письмо:

«Милостивый государь, Семен Петрович, — писали слушатели, — после года Вашего управления университетом, года, в продолжение которого было так много недоразумений и

столкновений, дела университета, направляемые Вашей рукой, приняли такой оборот, при котором профессора, составляющие гордость университета, вынуждены оставить его. Всех нас… глубоко поразило решение Преображенского, Посникова, Мечникова и Гамбарова уйти из университета… Ваше управление вредно университету, поэтому мы ждем от Вас, что для предотвращения такого большого несчастья, как потеря лучших профессоров, Вы откажетесь от дальнейшей ректорской деятельности…»

Каждому, кто хотел поставить свою подпись под этим посланием, организаторы протеста советовали обдумать свой шаг. Все знали: Ярошенко, назначенный ректором за подобострастное отношение к властям, не простит подобной выходки. Таким образом, вместо двухсот человек, это столь же корректное, сколь и непримиримое письмо, подписало лишь девяносто пять. Среди них будущие ученые: знаменитый химик академик Н. Д. Зелинский, выдающийся геолог академик Н. И. Андрусов, ректор Московского университета профессор А. А. Мануйлов; был среди них и Владимир Хавкин.

Хавкин не мог не знать, что его-то уж выгонят наверняка. Ведь он подписал в свое время обещание не нарушать устава университета под страхом исключения. А коллективные письма к ректору считались тогда преступлением номер один. И все же Владимир не струсил. Его подпись была тем последним, чем ученик мог пожертвовать для своего учителя. Расправа состоялась почти немедленно. Семь студентов (в том числе Хавкин, Андрусов, Зелинский и Мануйлов) были исключены, восемьдесят восемь получили выговор. Неделю спустя Илья Ильич Мечников подал в отставку и навсегда покинул университет.

ПРИНЦ И НИЩИЙ

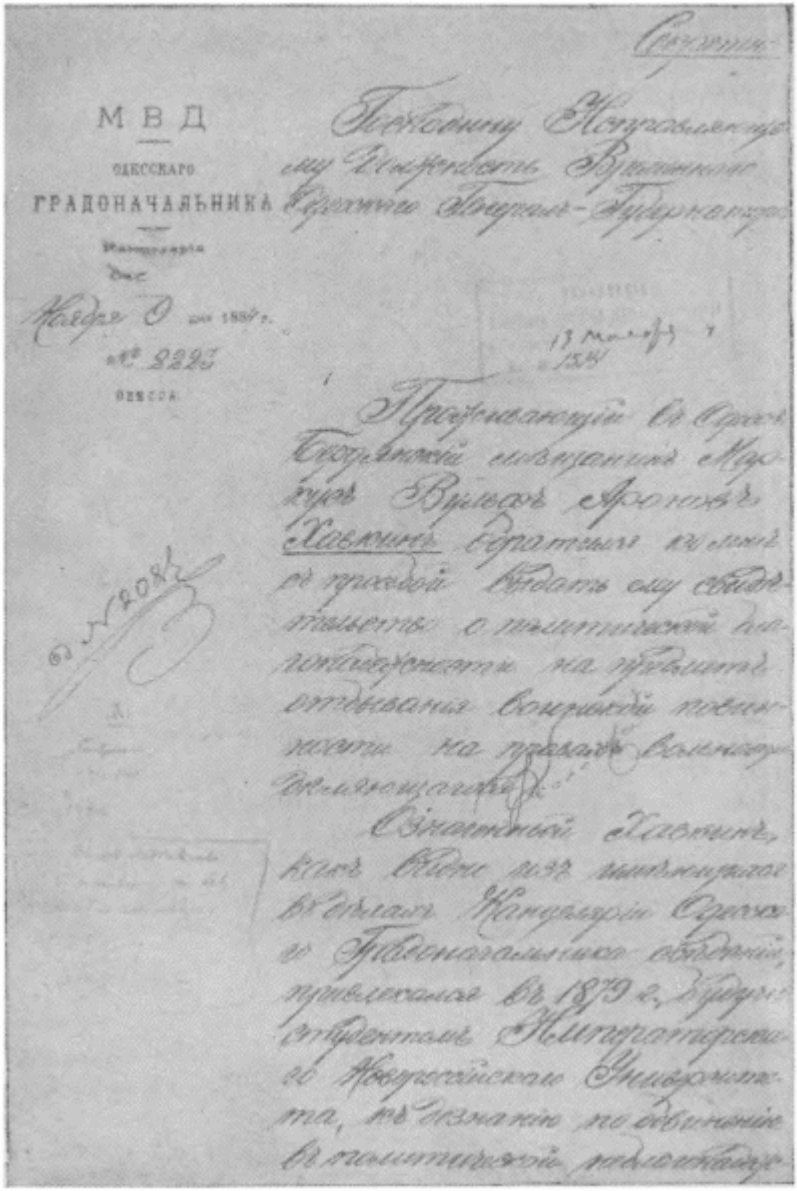
Осенним утром 1889 года старший библиотекарь Пастеровского института в Париже беседовал в своем кабинете на улице Дюто, 25 с молодым бледным человеком в потертом сюртуке. Юношу приняли в библиотеку по протекции самого мсье Мечникова, и библиотекарь, человек строгий и чтящий начальство, не очень ясно понимал, как ему следует держать себя с этим скромным и, пожалуй, слишком серьезным приезжим из России. Должность младшего библиотекаря — вот единственное, чего мог добиться Мечников для Владимира Хавкина, приехавшего в Париж.

— Если молодой человек проявит себя, мы подумаем, как облегчить его участь, — сказал Мечникову заместитель директора профессор Ру.

Участь младшего библиотекаря была действительно незавидной. Ему полагалось жалованье, равное тому, что получал рабочий, дробящий камни на мостовых Парижа. Но сам Хавкин нисколько не тужил о том, что должность его мала, а доходы мизерны. Что значило все это по сравнению с его приобретением: отныне он работает во всемирно-известном Пастеровском институте, бок о бок с Мечниковым, Ру, Дюкло, наконец, с Пастером! Год назад Владимир не мог даже мечтать о такой удаче.

Восемь лет прошло с тех пор, как студент Хавкин покинул стены Новороссийского университета. Когда его исключили из Одесского университета, он пытался поступить в Петербургский. Несколько месяцев между двумя университетами продолжался «обмен мнениями». Одесский ректор не преминул сообщить петербургскому о всех «преступлениях» исключенного студента. Но поездка в Петербург не состоялась по другой причине. Вмешалась полиция. В июне 1882 года Владимир обратился к генерал-губернатору Одессы с просьбой разрешить ему переехать в другой город. Губернатор затребовал характеристику студента у полицмейстера. Снова завязалась сложная переписка. Чиновники «перебрасывали» просителя от стола к столу. Дело оказалось у прокурора. Тот посоветовал обратиться к министру внутренних дел. Из недр канцелярии всплыла папка с перечислением всех противозаконных деяний опального студента. Наконец глубокой осенью департамент полиции прислал одесскому градоначальнику короткое в пять строк решение. «Особое совещание, образованное, согласно статье 34 „Положения о государственной охране“, выслушав доклад о состоящем под

надзором в городе Одессе бывшем студенте Владимире Хавкине, постановило: оставить его под надзором полиции на три года».


МВД
ОДЕССКАГО
ГРАДОНАЧАЛЬНИКА

Лист из послания одесского градоначальника генерал-губернатору

Это решение, помеченное номером 9304, пришло в Одессу в самые скверные для Владимира времена. Он голодал, перебиваясь случайными заработками. Хозяйка грозила выселить из квартиры. Но самое ужасное было не это. Каждый день приносил вести об арестах и гибели друзей. Медленно умирал от чахотки Степан

Романенко. Полгода, проведенные в лапах Стрельникова, сделали его полным инвалидом. В ноябре стало известно, что в Петербурге схвачен член Исполнительного комитета «Народной воли» Герасим Романенко. Степан попытался выехать в столицу, чтобы навестить брата в тюрьме, но его не пустили. Непрерывные удары и потери еще более сблизили Владимира со Степаном. Даже полицейские доносы отмечают их дружбу и постоянные встречи в небольшой квартирке на Нежинской улице, где Романенко поселился после выхода из тюрьмы.

В начале января 1883 года полиция захватила весь кружок Анненкова. Разнеслась весть о предательстве. Провокатор выдал не только одесских народовольцев, но и Веру Фигнер (известную полиции под именем Веры Филипповой). Каким-то чудом Хавкин остался на свободе, может быть, потому, что в последние месяцы, занятый поисками работы и хлеба, он почти не выполнял заданий партии. А скорее всего потому, что на допросах Анненков и другие товарищи по кружку не называли имени Владимира, а жандармы, видимо, забыли о бывшем студенте, получив в руки «крупную добычу» (в конце 1882 года они раскрыли большую народовольческую организацию и захватили в Одессе подпольную типографию).

1883 и 1884 годы стали годами окончательного разгрома «Народной воли» по всей стране. Пошли на каторгу почти все участники так называемого «Стрельниковского процесса» в Одессе. В августе 1884 года завершился разбор дела Анненкова и его кружка. Автор прокламации «К русским людям», «заключающей, — как говорилось в обвинительном акте, — возмутительную угрозу против особы государя-императора, в показаниях обнаружил упорство и нераскаянность». По личному приказу царя руководитель кружка был выслан под надзор полиции в Сибирь на четыре года.

Разгром партии, гибель товарищей, изгнание из университета сделали Хавкина еще более замкнутым и нелюдимым. Угнетала бедность. Кое-как он нашел место репетитора в нескольких состоятельных домах. Днем бегал по урокам, а вечерами занимался. Теперь борьба за то, чтобы получить высшее образование, стала его главным делом. Очевидно, упорство бывшего студента пробило в конце концов стену канцелярского равнодушия и недоброжелательства. В марте 1884 года имя Хавкина снова появляется в протоколах Ученого совета Новороссийского университета. После блестяще сданных экзаменов и защиты диссертации Совет единогласно принял решение утвердить Владимира кандидатом естественных наук и «снестись с надлежащею Казенной палатой об исключении г-на

Хавкина из податного состояния».

Победа? Может быть, весной 1884 года, сразу после сдачи экзаменов, у кандидата наук, в прошлом дважды выгнанного из университета, могло появиться ощущение торжества. Как ни говори, он выдержал бой, из которого не каждому удалось бы выйти победителем. Но очень скоро городские, университетские и полицейские власти постарались «разъяснить» ученому, что для него положение по существу не изменилось и не изменится. Новороссийский университет, где годами пустовала большая часть кафедр, не пожелал принять Хавкина в число преподавателей. Разрешить этому социалисту воспитывать студентов? Ни в коем случае! Единственное, чего ему удалось добиться — это сугубо технической должности в зоологическом музее. Однако прежде чем приступить к работе, новому сотруднику музея пришлось испытать еще одно унижение.

Администрация университета потребовала от Хавкина письменного свидетельства о благонадежности. Время полицейского надзора за ним уже истекло, и он подал заявление в канцелярию одесского градоначальника, надеясь, что речь идет о простой формальности. Однако вырваться из-под зоркого взгляда жандармов оказалось не так-то просто. Едва закончился срок явного надзора, как за Владимиром учинили надзор тайный. Чиновники канцелярии градоначальника стали в тупик: как отказать просителю и при этом не открывать причину отказа, «вытекающую из секретной переписки». Градоначальник обратился за разъяснением к генерал-губернатору. Но и тот долго не мог найти подходящего повода, чтобы справку не выдавать. Наконец был составлен документ, в котором хитроумно совмещалась индульгенция с обвинительным актом. После слов о благонадежности Хавкина следовал длинный список его грехов, а затем указывалось, что «прощенный» несколько лет находился под надзором полиции. Каждому царскому администратору такая бумажка более говорила о неблагонадежности, нежели о благонадежности предъявителя.

Препаратору маленького музея, разлученному со своими научными и политическими единомышленниками, оставалось лишь захиреть в провинциальном болоте. Новороссийский университет — недавно еще центр остро пульсирующей научной мысли — после ухода лучших профессоров превратился, по словам одного из воспитанников, в безводную пустыню. За малейшее непослушание ректор Ярошенко изгонял и студентов, и преподавателей.

Глухие восьмидесятые… Многие из тех, кто сочувствовал революции, бежали за границу. А другие в вине топили стыд за

свою беспомощность перед лицом мракобесов и хамов. Кто трезв, тому всего лучше помалкивать: шпики кругом — на улице, в канцелярии, в аудитории, в церкви. Над Россией в пасмурном затишье раздаются пустые хлопки выстрелов: самоубийство — последний выход загнанного в тупик интеллигента.

Хавкину двадцать пятый год. Ему чужды чары зеленого змия. Он полон жизни и вовсе не собирается расставаться с ней. Единственно, чего хочет молодой кандидат, — это научной работы. Нет, он не забыл жертв, понесенных друзьями, но все яснее становится обреченность оторванных от масс народовольцев, избравших кровавый, никуда не ведущий путь. Политические идеалы «Народной воли» выцветают. Новых идей пока нет. А Мечников манит ученика вечными прелестями науки. Зоология простейших — их общая излюбленная область. Едва различимые существа в зеленой глубине моря несут в себе целый мир непознанного. При встрече Мечников корит Владимира. И поделом: сам Илья Ильич в этом возрасте был уже профессором, автором десятка трудов.

И Хавкин уходит в науку. В 1885 г. парижский журнал «Анналы натуральных наук» публикует его диссертацию, посвященную простейшим обитателям Черного моря — астазиям. Год спустя тот же журнал печатает новую статью кандидата из Одессы, на этот раз о биологии зеленой эвглены. Имя Хавкина появляется в списках тех, кто выступает на заседаниях Новороссийского общества естествоиспытателей. Его доклады вызывают даже горячие споры. Одна из дискуссий произошла 30 апреля 1887 года, когда Хавкин в докладе о наследственности у одноклеточных организмов пытался отрицать ценность учения Дарвина. Большинство присутствующих, пылкие дарвинисты, устроили Молодому ученому полный разнос. Если бы на заседании присутствовал Илья Ильич, он, вероятно, еще более строго отчитал зарапортовавшегося ученика. Но Мечникова не было в Одессе. Окончательно затравленного чиновниками профессора занимала в это время одна мысль: скорее покинуть Россию. Пастер предложил талантливому русскому профессору перебраться в Париж в только что созданный Пастеровский институт и тот с удовольствием принял предложение. Хавкин остался один. С отъездом Мечникова (1888 г.) жизнь в Одессе для него в значительной степени теряла смысл. Работа в музее давно уже стала тягостной. Появилась мысль последовать за Ильей Ильичем во Францию.

Владея языками, Хавкин постоянно следил за биологическими журналами Германии и Франции. Его манили новейшие сообщения далеких лабораторий. Из недр классической

зоологии возникла полная неведомого дисциплина — бактериология. Это было как открытие доселе неизвестного материка. Врачи, зоологи, микроскописты, животноводы с изумлением узнавали каждый день все новые чудеса о жизни бактерий, недавно еще малоизученных и никому не интересных существ. Едва Пастер нашел средство борьбы с сибиреязвенными микробами (термин «микроб» только начал тогда входить в научный обиход), как Роберт Кох обнаружил микроскопического возбудителя чахотки, а год спустя он же открыл холерную «запятую». В 1884 году еще сенсация: Пастер в Париже предпринял лечение бешенства с помощью прививок. Как было бы замечательно участвовать в поисках виновников заразных болезней, в поисках, которые ведутся по всему миру!

Но кто возьмет безвестного зоолога из Одессы в один из тех блистательных институтов, где развернулась азартная погоня за невидимым врагом? Заняться бактериологическими исследованиями самому? Это значит принять на себя удары безграмотных городских властей, подобные тем, какие в свое время получили Мечников и Гамалея — организаторы первой в России Пастеровской станции. Если уж у профессора Мечникова не хватило сил продолжать бесконечные дебаты с тупыми думскими гласными, то где их взять скромному препаратору. Оставалось одно: уехать за границу, попытаться найти место в чужой лаборатории. Любое, пусть самое скромное. Хавкин предложил себя в качестве преподавателя Лозаннскому университету в Швейцарии. Физиолог Шифф, знакомый с его работами, согласился предоставить ученому из России место приват-доцента. Но год, проведенный в Швейцарии, не приблизил Владимира к желанной цели. Не из-за высокого оклада покинул он родину. У Шиффа было скучно. Та же классическая зоология. Детализация, мелочи. Письмо от Мечникова из Парижа решило его судьбу.

Илья Ильич не обещает золотых гор — желающих работать у Пастера и без Хавкина хоть отбавляй. Но устроиться он поможет. И вот эта должность младшего библиотекаря. Сводному брату своему Александру Хасту, который осенью 1890 года был в Париже, Владимир советовал:

— Езжай скорее в Россию, а то просрочишь паспорт, потеряешь право возвратиться назад и будешь также тосковать по дому, как тоскую я.

Но когда брат предложил похлопотать, чтобы Хавкину, несмотря на просроченный паспорт, разрешили вернуться в Одессу, Владимир ответил грустно:

— Поздно. Лучше умереть от ностальгии, чем покинуть

науку.

В другой раз он сказал брату:

— У Мечникова, у Пастера, если надо, я согласен работать просто лаборантом.

Да, он действительно согласился бы мыть пробирки в Пастеровском институте. Ведь здесь творили настоящую, большую науку! Этот довольный собственной судьбой библиотекарь представлялся обитателям дома по улице Дюто, 25 в высшей степени сдержанным и даже несколько суровым человеком. Пожалуй, только Мечников понимал душевное состояние своего земляка. В тридцать лет почти ничего не сделано. Долги кругом: перед близкими, перед наукой. Хочется собрать все силы, чтобы наверстать упущенное. «Мне будет казаться, что я что-то украл, если я хотя бы день проведу без работы», — эти слова Пастера мог в те дни повторить и Хавкин.

Чтобы успеть поработать в лаборатории прежде чем откроется библиотека, приходилось вставать на рассвете и в семь утра занимать место за рабочим столом. Вечером, когда библиотека закрывалась, Хавкин снова возвращался в лабораторию. Неизвестно, успел ли он осмотреть в те годы Париж. Его единственным развлечением кроме книг и бесед с узким кругом русских эмигрантов была тогда скрипка, висевшая днем на стене бедной комнатки на улице Вожирар. Любовь к музыке, к песне выдавала одесситов в многонациональном по составу Пастеровском институте. Мечников тоже приходил в лабораторию рано и едва надевал белый халат, как в пустынном здании раздавались его громогласные распевы: учитель сопровождал оперными ариями наиболее ответственные свои опыты.

И все же первый год в Париже не принес Хавкину успеха. Наука требует не только трудолюбия и добрых намерений. Для большого успеха нужны большие цели, значительные идеи. Мсье Вольдемар, как его называли в Париже, продолжал начатые в Одессе эксперименты с простейшими, но статьи в «Анналах» Института прошли незамеченными. Хавкин чувствовал, что далек от магистрального пути науки. В поисках своей темы он, по поручению Мечникова, наблюдал изолированных фагоцитов, изучал болезни простейших. Илья Ильич неизменно отмечал точность и тонкость этих опытов. Однако сам Владимир оставался собой недоволен.

Один из сентябрьских дней 1890 года принес наконец перемену в жизнь Хавкина. Дело в том, что опыты свои он ставил в лаборатории Эмиля Ру. Друг Мечникова, старейший сотрудник Пастера, Ру с симпатией отнесся к молодому одесситу. Но все

места ассистентов в Институте по-прежнему оставались занятыми. И вдруг ассистент самого Ру, красавец гигант Иерсен получил предложение продолжать опыты с чумой в охваченном эпидемией Индокитае. Иерсен согласился ка опасную и заманчивую поездку. Он даже не дождался возвращения Ру из отпуска. Собрал чемодан и, едва успев написать шефу записку, помчался в Марсель, где его ждал корабль до Сайгона. Это было в традициях Пастеровского института: вот так, сломя голову, уехать на два-три года из Парижа в Алжир, Египет, Индию или Индокитай, сгинуть в восточной глухомани, а затем всплыть с блестящим открытием.

Ру прочитал в записке, что его ассистент уезжает на два года и благодарит шефа за науку. В конце вырванного из тетради листка стояло: «Я ввел Хавкина в ход работы, показал ему место каждого предмета в моих двух комнатах». Эти две строки изменили судьбу мсье Вольдемара. Отныне он стал ассистентом Ру и полноправным сотрудником Пастеровского института. А вскоре сама жизнь подсказала бывшему библиотекарю проблему, решение которой на весь мир прославило его имя.

Еще в том году, когда Владимир завершал в Одессе магистерскую диссертацию, возникла пятая за столетие пандемия холеры, охватившая на этот раз все материки и страны. Покинув свое извечное логово в Индии и Индокитае, холера проникла на Аравийский полуостров, растеклась по Сирии и Египту, а на востоке добралась до Китая и Японии. В 1884 году первые холерные больные появились в Испании и в других странах Европы. Холера не щадила никого. Сильная резь в животе, острый понос, коченеющее тело, мучительная жажда и через несколько часов болезнь буквально высасывает жизнь из тела несчастной жертвы.

Впервые европейцы столкнулись с холерой осенью 1823 года. Она неожиданно обрушилась тогда на Астрахань, унесла несколько сот жертв и с наступлением холодов исчезла так же неожиданно, как и появилась. Русские медики не только ничего не успели предпринять против индийской пришелицы, но даже понять, что перед ними эпидемия. Врачебная управа Астрахани сообщила, что, по ее мнению, случаи холеры произошли «от необыкновенных перемен погоды». Шесть лет спустя в Россию снова завезли заразу. На этот раз пострадал Оренбург. Холера добралась сюда вместе с караваном бухарских купцов. На подступах к городу разыгралась довольно забавная сцена. Русские пограничные чиновники, дознавшись, что в Бухаре свирепствует какая-то повальная болезнь, остановили караван далеко в степи. Дабы убедиться в том, что купцы не принесли с собой «холерный

яд», представитель власти подполковник Циалковский заставил бухарцев швырять друг в друга находившиеся в их тюках шерсть и хлопок, а затем приказал им жевать эти товары. Караван окурили, над ним устроили стрельбу из ружей и… бухарцев впустили в город. А через пять недель в Оренбурге началась жесточайшая эпидемия.

Вторая атака холеры была несравненно более мощной. Болезнь прокатилась по всем губерниям империи, а затем почти по всей Европе. За восемь холерных лет Россия потеряла двести пятьдесят тысяч человеческих жизней. Случай в Оренбурге убеждал как будто в том, что холера заразительна. На дорогах появились заставы, карантины. В сентябре 1831 года Гоголь писал Жуковскому из Петербурга в Царское Село: «Карантины превратили эти двадцать четыре версты в путь от Петербурга до Камчатки». Увы, ни окуривание, ни обмывание задержанных в дороге путников не останавливало шествия эпидемии. Среди врачей снова началась полемика: «прилипчива» ли, заразительна ли холера? Естественно, пока не удалось найти подлинных виновников болезни — микробов, спор этот не мог получить разумного завершения. И во время третьей и во время четвертой пандемий о конкретных существах, которые вызывают массовые болезни, говорили лишь очень немногие ученые. Большинство, подобно главному доктору Голицинской больницы в Москве, считало, что на распространение холеры влияет «неправильное состояние воздушного электричества и изменение земного магнетизма».

Между тем болезнь-убийца продолжала набеги на Европу через каждые шесть-девять лет, затягивая визиты порой на десяток лет. Она шла то из Ирана в Россию, то через Африку в Марсель, то проникала на Европейский материк из стран Ближнего Востока. Но источник заразы оставался один и тот же: провинция Бенгалия в Индии.

Когда на Европу обрушилась пятая по счету пандемия, учение Пастера о микробах — возбудителях инфекции — уже настойчиво входило в арсенал медицины. «Теперь я засел за литературные студии микробного мира… — писал в одном из писем 1885 г. выдающийся русский терапевт Сергей Петрович Боткин. — Микробы начинают одолевать старого человека в буквальном смысле слова; на старости лет приходится ставить свои мозги на новые рельсы». На эти новые микробиологические рельсы в 80—90-е годы «ставили мозги» ученые и врачи всего мира. И все же к моменту появления пятой пандемии молодая бактериология, уже победившая бешенство и сибирскую язву, ничего не могла предложить для борьбы с холерой.

Впрочем, пятая пандемия вначале даже не представлялась европейцам особенно грозной.

В Европе поначалу гибли лишь десятки и сотни жизней, в то время как на Востоке — сотни тысяч. Однако все понимали — это лишь до поры до времени. Зверь вырвался, зверь на свободе, и никому не ведомо, что взбредет ему на ум в следующую минуту. Несколько раз собирались международные совещания по холере. Врачи и дипломаты подписывали конвенции, хотя по существу и те и другие были равно беспомощны перед лицом эпидемии, ибо никто не знал, кто ее приносит, как она распространяется и вообще, что такое зараза. «При современном уровне наших знаний, — писали в 1883 году виднейшие французские ученые, члены холерной комиссии, — раз эпидемия коснулась какой-нибудь точки европейского континента, нет средств остановить ее движение».

Наука, как загипнотизированный кролик перед коброй, замерла, не зная, что предпринять. Первым это тягостное бездействие прервал Роберт Кох. Знаменитый немецкий бактериолог отправился в Египет и в Индию; вскоре он объявил, что в теле людей, умерших от холеры, всегда находил микроба в виде несколько изогнутой палочки. Очевидно, эти «запятые» и есть возбудители болезни. Доказать свою правоту Коху долго не удавалось. Лабораторные животные никак не заражались холерой, хотя ученый заставлял их проглатывать миллионы микробов. Лишь трагическая случайность подтвердила наконец сделанное им открытие: когда экспедиция Коха вернулась в Берлин, где холеры еще не было, один из врачей, который занимался культивированием бацилл, заболел тяжелой формой холеры и умер. Но даже эта смерть не убедила противников Коха.

Австриец Макс Петтенкофер и его сотрудник Эммерих из Мюнхена, чтобы опровергнуть открытие Коха, выпили разводку, содержавшую миллионы холерных «запятых». Это было смело, но бессмысленно. Петтенкофер и Эммерих не умерли, но, как показало время, глубоко ошиблись. Спор немецкого и австрийского бактериологов подхватили французы, англичане, итальянцы. За короткий срок семь ученых мужей с разными целями принимались демонстративно глотать испражнения холерных больных. Они показали себя людьми мужественными, однако все их «опыты» ни на йоту не продвинули вперед медицинские знания об инфекции. В восьмидесятые годы XIX столетия, как и в прошлые века, врачи не умели лечить и предупреждать инфекционные болезни.

А весной 1892 года произошло то, чего ожидали и боялись: эпидемия прорвалась через кордоны на русско-персидской

границе и вскоре охватила семьдесят семь губерний и областей Российской империи. В России только за одно лето заболели шестьсот тысяч человек, из них около трехсот тысяч умерли. Холера сделала еще один гигантский бросок на Запад и летом 1892 года появилась у ворот главных столиц мира. В те месяцы Владимир Хавкин начал опыты в надежде получить действенную вакцину, предупреждающую заражение холерой.

Справедливости ради надо сказать, что у Хавкина уже был предшественник. В 1884–1885 годах, когда в Испании свирепствовала эпидемия, занесенная из Африки, врач Хайме Ферран впервые попытался создать противохолерную вакцину. Ферран исходил из идеи Пастера, который предполагал, что если в организм человека ввести убитых или ослабленных болезнетворных микробов, то в нем выработаются сопротивительные силы, образуется иммунитет, невосприимчивость к данному виду микробов. Когда Ферран приступил к своим экспериментам, существовали только две пастеровские вакцины: против сибирской язвы и бешенства. Доктор из маленького городка Тортоза в провинции Тарагон проявил несомненно смелость и энергию, применяя в отсталой католической Испании новейший метод лечения. К тому же Ферран не слепо повторил приемы Пастера. Как стало известно позже, он вывел чистую культуру холерных микробов и, не убивая, не изменяя их, прямо вводил здоровым людям под кожу. По его мысли, бацилла, попав в желудок или кишечник, неизменно поражает свою жертву, но если ее загнать в недра кожи, она не сумеет развить столь бурной деятельности. В таких условиях холерные бациллы могут лишь вызвать иммунитет к будущим заражениям.

Однако, как подтверждают многие ученые, знакомые с работами Феррана, испанский врач слабо владел основами бактериологии. Его методы, как и микроскоп, оставались допотопными. Главное же — Ферран не умел дозировать свое лекарство, и из-за этого его прививки нередко приводили к заражению. Так, в одном из монастырей Валенсии из семидесяти привитых монахинь переболело холерой сорок, а из десяти непривитых болезнь не коснулась ни одной. Церковь, конечно, немедленно воспользовалась этим случаем, чтобы доказать беспомощность науки, поднимающей руку на посылаемые господом богом болезни.

Бактериологов, побывавших у Феррана, неприятно поразила также его скрытность. Он не допускал коллег в лабораторию, секретничал, когда речь заходила о методах получения вакцины. Поговаривали, что испанец неравнодушен к деньгам и надеется

получить за свое открытие изрядную мзду. Все это оттолкнуло мировую общественность от феррановских прививок. В отчете, адресованном французскому правительству, Пастер написал: «У нас нет доказательств практической ценности феррановской вакцины в Испании». Англичанин Клейн издевательски заметил, что Ферран кажется ему более похожим на Дон-Кихота, чем на Дженнера. А видные немецкие бактериологи Пфейфер и Вассерман высказались вообще против антихолерных вакцин, так как считали это средство нереальным. Идея вакцины была окончательно похоронена, когда за нее снова взялся Владимир Хавкин.

В науке нелегко утверждать новое, но во сто крат труднее отстаивать то, что уже однажды было отвергнуто. И хотя Хавкин вовсе не повторял Феррана (работая над вакциной, он пошел собственным путем), одно упоминание о противохолерной вакцине немедленно пробуждало в ученом мире раздражающие воспоминания о неудачах 1885 года. Впоследствии эта нашумевшая испанская история немало навредила и ученому из России.

Впрочем, весной 1892 г., когда Хавкин заразил своего первого кролика, он меньше всего думал об Испании и Ферране. Все внимание русских, работавших в Пастеровском институте, было приковано к маленькой железнодорожной станции Каахка, затерявшейся в песках Туркестана. Там 12 мая врач зарегистрировал первые сорок три случая холеры. Вскоре стало известно, что болезнь продвинулась по Закаспийской железной дороге до моря и морским путем перебралась в Баку. Население большого города стало разбегаться, разнося заразу по Кавказу, Астрахани, Дону. Хавкин спешил. Его торопил еще далекий, но неотвратимо катящийся на Запад вал смертоносной болезни. Только вакцина могла остановить это всенародное бедствие. Вакцина Хавкина. И бактериолог урывал время у сна и отдыха, чтобы как можно скорее завершить свои исследования.

Прежде всего вакцина не должна быть опасной. Врач, вакцинирующий людей, обязан знать, какой силы препарат он вводит. Хавкин начал именно с этого: он искал Virus fix — неизменный, фиксированный холерный яд, который в определенной дозе убивал бы кролика всегда за строго определенное время. Чтобы получить такой устойчивый по силе яд, требовались огромный труд и терпение. Холерные бациллы надо было по тридцать — сорок раз переносить из тела одного зверька в тело другого. Каждый опыт длился больше месяца. За этот срок холерный яд в двадцать раз увеличивал свою смертоносную силу, а главное, в руках экспериментатора

оказывалась пробирка с микробной культурой, «работавшей», как хорошо заведенный механизм. Впрыснув кубический сантиметр такого холерного яда в бедренную мышцу кролика, Хавкин мог с точностью до одного часа предсказать, когда погибнет зверек. Так он научился дозировать холерную заразу, смертельный яд приобрел первые признаки лекарства.

Сотни кроликов и голубей гибнут в лаборатории профессора Ру. Зато уже в июне ассистент профессора может перейти к следующему этапу опытов. Теперь Хавкин вводит животным смертельные дозы холерного яда не в мышцы, а под кожу. На месте прививки появляются раны и омертвение. Но животные выживают. Яд не теряет неизменности, однако остается все еще слишком сильным, чтобы им пользоваться как вакциной. Его следует сначала укротить. Лучше всего ослабляет убийц-микробов непривычная для них высокая температура. Хавкин ставит пробирку с холерными культурами в термостат и подогревает их до 39 градусов. Этим кривым, как турецкие ятаганы, палочкам жар и свежий воздух, очевидно, приходятся не по нутру. Они слабеют и, когда их вводят под кожу кроликам, уже не вызывают омертвения. Зато после двух таких уколов — «жестоким» и смягченным ядом — кролики становятся совершенно нечувствительными к заражению холерой. Хавкин подмешивает в пищу этим терпеливым зверькам чудовищные дозы холерных бацилл, дозы, которые могли бы свалить слона, а кролики продолжают как ни в чем не бывало грызть свою морковь. С тем же эффектом опыт повторяется на морских свинках и голубях. У всех подопытных холерные микробы натыкаются в теле на непреодолимую преграду: вызванный вакциной абсолютный иммунитет.

9 июля члены Парижского биологического общества впервые услышали из уст молодого ассистента о его удачах.

Сообщение Хавкина называлось скромно: «Азиатская холера у морских свинок». Неделю спустя последовало другое столь же скромное известие об экспериментах с другими лабораторными животными. Из нового сообщения парижские биологи узнали, что Пастеровский институт получил культуру самой жестокой холеры, свирепствовавшей в индийской провинции Ассам, а также холерные палочки из Индокитая и Цейлона. Хавкин дал огромную дозу этого яда своим предварительно вакцинированным кроликам и морским свинкам. Зверьки, проглотив его, даже ухом не повели. Вакцина действовала безотказно. В этом месте доклада члены Общества в нарушение строго заведенного порядка начали аплодировать молодому ассистенту. Но председатель, знаменитый эпидемиолог Лаверан,

обычно весьма проницательный в делах бактериологии, не увидел достаточных оснований для того, чтобы издавна принятое в биологическом Обществе правило нарушалось. «В науку, — заявил он, разбушевавшейся публике, — не должны проникать посторонние страсти. Объективность и взаимное уважение — вот все, на что мы с вами имеем право, находясь в этих стенах». Замечание председателя вызвало у присутствующих нескрываемое раздражение. И не без причины: заседание происходило в субботу, и у многих уже была в руках газета с сообщением о вспышке холеры в столице Франции.

23 июля 1892 года парижский журнал «Иллюстрасьон» вслед за списком умерших во время эпидемии поместил короткую заметку «Вакцина против холеры». «Увы, — писал автор заметки, — речь, идет всего лишь о вакцинировании морских свинок. Однако несомненно, что опыты доктора Хавкина, установившие жизненность этой вакцины, привлекут внимание нашей общественности. Сейчас ясно, насколько необходимо проведение опытов над людьми…».

Журналист из «Иллюстрасьон» опоздал со своим советом. За пять дней до этого Владимир Хавкин уже начал такие эксперименты.

Вскоре после того как морские свинки и кролики, защищенные вакциной, показали абсолютную неуязвимость перед лицом холеры, в лаборатории технической микробиологии Пастеровского института, которой руководил Эмиль Ру, произошло несколько необычное совещание. Хавкин представил шефу трех своих друзей: Георгия Явейна из Петербурга, Михаила Томамшева из Тифлиса и москвича Ивана Вильбушевича. Неизвестно, сказал ли ассистент профессору, что все трое — политические эмигранты, которые вынуждены были бежать из России после разгрома народовольческого движения. Но самому Хавкину его новые товарищи были близки прежде всего благодаря единству политических и общественных интересов. Владимир привел их в Пастеровский институт не случайно. Пора было начинать испытание вакцин на людях, и все четверо, готовые подвергнуться вакцинации, пришли испросить последнее разрешение у профессора Ру.

Товарищи Хавкина были людьми очень разными. Явейн, частнопрактикующий врач, впоследствии видный терапевт, профессор Военно-медицинской академии, готовился в это время к защите докторской диссертации; горячий интернационалист медик Томамшев совмещал медицину с лекциями по национальной проблеме на Кавказе, а инженер-агроном Вильбушевич, сажавший на юге России леса и проектировавший

оросительные каналы, пережидал в Париже время реакции в надежде вернуться затем к своим лесопосадкам и революционной работе.

История не сохранила подробностей спора, который разгорелся между четырьмя бывшими народовольцами и респектабельным доктором Ру, чей талант и деловитость отлично уживались с безграничной осторожностью и педантизмом. В свое время этот худощавый гасконец, разработавший всю техническую часть пастеровских прививок против бешенства, решительно восстал против «слишком поспешного» перенесения лабораторных опытов на человека. Когда Пастер, подгоняемый стонами искусанных детей, объявил о спасительном препарате, врач Ру отстранился от прививок.

Может быть, не стоит обобщать, но, мне кажется, позиция Ру, этого большого ученого, весьма уважаемого современниками, определялась тем, что он был врачом (единственным, кстати сказать, медиком в окружении Пастера). Воспитание, полученное на медицинских факультетах, вызывало у врачей прошлого столетия кастовую нетерпимость к каждому, кто брался лечить, не прочитав «Факультетского обещания». Можно ли забыть, что лишь в начале XIX века врачи после долгих препирательств приняли в свой клан хирургов. Именно врачи были главными противниками Пастера и его метода вакцинации. Возмущенные вторжением химика в область, которую медики от века считали недоступной пониманию тех, кто не окончил медицинского факультета, они поливали великого ученого потоками оскорблений и клеветы. «Никогда не поверю, чтобы химик мог двигать вперед медицину; умру — и пусть на моей могиле напишут: он воевал с химиками!» — заявил видный парижский врач Петер, выступая против Пастера.

Между тем решающие достижения медицины в конце XIX и в XX веке принадлежат как раз людям, не имевшим медицинского диплома. Биологи, химики, физики через головы врачей протянули руку помощи больному человеку. Вслед за Пастером выступил с теорией воспаления и иммунитета зоолог Илья Мечников. Биохимик Пауль Эрлих принес в мир гениальную мысль о волшебных пулях — лекарствах, которые, поражая болезнь, не трогают организма. Ни одного дня не лечили больных такие благодетели человечества, как немец Домагк, открывший сульфамидные препараты; вурцбургский профессор Конрад Рентген; творец пенициллина лондонский ученый Александр Флеминг и создатель стрептомицина Залман Ваксман — одессит, переселившийся в Америку.

Но вернемся к совещанию Эмиля Ру с теми четырьмя из

России. Заведующий лабораторией и на этот раз проявил осторожность. Мы не знаем, чем он объяснял свое нежелание разрешить эксперимент, но в те дни парижская пресса давала ему, верному другу и сподвижнику Пастера, достаточно фактов для сдержанности. Правда, в 1892 году газеты уже не называли методы Пастера «таким же шарлатанством, как феррановские противохолерные прививки», тем не менее и через четыре года после создания Пастеровского института «Парижский медицинский журнал» в номере от 19 июня 1892 года позволял себе выпады против прививок, причем редакция этого «научного» органа выражала удовлетворение тем, что во многих странах Пастеровские станции якобы переживают упадок.

Ру считал, что допустить в этой обстановке еще одну ошибку, значило подвергнуть институт серьезным нападкам. А у четырех русских были свои резоны. Холера совершала триумфальное шествие по их родине. Из Астрахани она метнулась в Балаклаву, оттуда в Саратов и Хвалынск, захватила Нижний Новгород, добралась до Москвы, Воронежа, Петербурга. Бессилие врачей и администрации породило в народе неверие в медицину. От села к селу, от города к городу ползли дикие слухи о том, что никакой холеры нет, что доктора просто травят народ и хоронят живых. В Астрахани неистовствующая толпа вытащила больных на улицу и разгромила больницу. Врача избили так, что он не мог подняться, фельдшера убили. В Саратове холерную больницу сожгли, квартиры шести врачей разграбили. А 28 июня 1892 года жители маленького городка Хвалынска, встретив ехавшего на извозчике молодого врача Молчанова, стащили его с пролетки и избили до смерти. Несколько часов после этого труп доктора Молчанова лежал среди дороги. Мальчишки глумились над «отравителем», женщины плевали в лицо человека, который всю свою короткую жизнь отдал заботе о здоровье сограждан.

А власти? Они исправно присылали солдат для усмирения «беспорядков» да тратили бешеные деньги на карантины вокруг резиденции царской семьи. В телеграммах из России французские газеты сообщали в то лето: «Несмотря на протесты врачей, полицейские власти разрешили проведение крестных ходов „во спасение от холеры“». В такой обстановке откладывать опыты с вакциной Хавкина было предательством по отношению к тем сотням тысяч, что гибли на берегах Волги, Москвы, Невы, наконец, Сены.

Ру уступил. Его, видимо, сразило упоминание о холере в предместьях Парижа (в печать прорвались трагические цифры: в Нантьере, Обервилье и Курбевуа — четыреста смертей за лето). Мечникова тогда в Париже не было. Он изучал холеру на

Атлантическом побережье в Бретани. Советоваться было больше не с кем, и 18 июля 1892 года Владимир Хавкин в тайне от других сотрудников института ввел себе под кожу первую (ослабленную) противохолерную вакцину.

Доза во много раз превышала ту, которой он вакцинировал лабораторных животных. Сразу подскочила температура, разболелась голова, началось недомогание, лихорадка. Однако бактериолог не покинул лабораторию. Шесть дней спустя доктор Явейн впрыснул Хавкину в правый бок вторую вакцину — усиленный холерный яд, колонию живых холерных «запятых». Температура поднялась еще выше, но недомогание продолжалось на этот раз лишь немногим дольше суток. Вечером 25 июля Хавкин уже твердо знал: вакцина безопасна для человека. К этому времени «холерный» заряд получили и Явейн, и Вильбушевич, и Томамшев. Из четверых самой тяжелой реакция была у кавказца. Температура у него поднялась выше 39 градусов, хотя, держалась она меньше полусуток.

30 июля, выступая в Биологическом обществе, Хавкин уверенно заявил: «Я заключаю из этих опытов, что прививка моих двух противохолерных вакцин, предохраняющее действие которых установлено опытом окончательно, не представляет опасности для здоровья человека и может быть произведена без малейшего риска. В то же время я выражаю надежду, что через шесть дней после второй прививки человек приобретает стойкую невосприимчивость к холерной заразе».

Доклад появился лишь в медицинских газетах. Однако вскоре весть о мужественном опыте четырех русских проникла в общую прессу. Парижские газеты давно уже взывали к ученым и врачам с требованием изыскать средство против эпидемии (это, впрочем, не мешало им публиковать на своих страницах рекламу вроде: «Если у вас холера, пейте спиртовый раствор Рикль и оставайтесь здоровыми!»). Теперь они могли наконец заявить о крупной победе науки. «Стали известны счастливые результаты смелого эксперимента доктора Хавкина по прививке ослабленного холерного вибриона… Пусть этот пример положит начало эффективной борьбе за противохолерную вакцину. Браво!», — писала 20 августа «Иллюстрасьон».

В одну неделю скромный научный сотрудник, вчерашний библиотекарь, стал знаменитостью. К нему в лабораторию зачастили ученые, корреспонденты, знатные особы и просто любопытные. Сообщения о хавкинской вакцине появились в газетах почти всех стран мира, в том числе России. Нашлись, однако, и желающие погреть руки у костра чужой славы. Корреспондент американской газеты «Нью-Йорк геральд» Стенгоп

объявил, что он тоже прививает себе вакцину Хавкина, чтобы отправиться затем в охваченный эпидемией Гамбург и убедиться в спасительных качествах нового препарата. Газеты подхватили миф о «самопожертвовании» бесстрашного журналиста, но русский журнал «Врач» довольно резонно заметил по поводу этой рекламной шумихи: «Допуская со стороны г. Стенгопа самые благородные намерения, мы, к сожалению, не можем все-таки ждать от его опыта убедительного результата. Если г. Стенгоп и не заболеет, находясь в Гамбурге, то из этого ровно ничего нельзя вывести, так как всем известно, что в местностях, пораженных холерой, заболевают не все. Что же до решения г-на корреспондента привить себе ослабленную холерную заразу, то после того, как безвредность подобных прививок доказана опытами самого Хавкина и наших соотечественников Г. Явейна, М. Томамшева и И. Вильбушевича, в решении этом нельзя видеть уже ничего выдающегося».

Волны славы бились о порог лаборатории технической микробиологии. Эмиль Ру передал Хавкину поздравления от своего имени и от имени Луи Пастера. Тяжело больной директор института почти не появлялся на улице Дюто, но по-прежнему внимательно следил за всем новым, что возникало в этих стенах. Поздравления великого Пастера и благодарность Ильи Ильича Мечникова не могли не взволновать молодого ученого. Наконец-то на тридцать втором году жизни напряженный труд его принес плоды. То, что он занялся поисками средства, предупреждающего холеру, не было случайностью. Недавнему народовольцу, ученику Мечникова эпидемия виделась как некое всенародное бедствие, требовавшее участия не только потому, что он, Хавкин, знает тайны микромира, но и потому, что борьба за жизнь и счастье своего народа — долг каждого образованного человека. Это и была та своеобразная религия, которую, не уставая, проповедовал студентам в Одессе атеист Мечников. На том же твердо стоял великий зоолог и потом, живя в Париже.

Противохолерная вакцина была для Владимира, таким образом, и первым крупным деянием научного характера, и первым вкладом в общественную жизнь России. Может быть, в какой-то мере эта победа оправдывала молодого ученого в собственных глазах, когда он оглядывался на судьбу друзей-народовольцев. Так или иначе, завершение лабораторных опытов с вакциной не могло не согреть душу одиноко живущего на чужбине ученого. 19 июля, через сутки после введения себе первой дозы холерного яда, Хавкин сообщил Ру, а через него Пастеру, что в случае удачи он намерен безвозмездно передать России метод и опыт изготовления противохолерной вакцины, и

просил их согласия.

Осторожный Ру обещал доложить о просьбе директору. Через день, когда стало ясно, что холерная вакцина, спасающая животных, не убила и не заразила Хавкина, Ру принес в лабораторию письмо, подписанное Пастером. Знаменитый бактериолог адресовал свое послание петербургскому вельможе принцу Александру Ольденбургскому, куратору всей российской науки. Пастер самым лестным образом отзывался об исследованиях Хавкина и предлагал применить противохолерную вакцину в пораженных эпидемией губерниях России.

Еще день спустя, из института в Петербург был отправлен пакет, где кроме письма Пастера к принцу была рекомендация Эмиля Ру и записка, в которой кандидат Новороссийского университета Хавкин сообщал, что готов немедленно выехать в Петербург, чтобы продемонстрировать русским врачам метод вакцинации против холеры.

Бактериологу, получившему в 90-х годах XIX столетия поддержку и рекомендацию Луи Пастера, мог бы позавидовать и любой современный ученый. В науке XX века трудно найти авторитет столь же непоколебимый и всемирно признанный, как авторитет основателя микробиологии. Один лишь Роберт Кох время от времени противопоставлял суждениям Пастера свои опыты и наблюдения. Однако методов Хавкина недоверчивый Кох не стал оспаривать: русский бактериолог создал вакцину, основанную на открытии самого Коха. Для парижского изгнанника возвращение на родину стало наконец реальным и близким. Оставалось лишь собрать чемоданы. Не бесконечно же принц Ольденбургский будет отмалчиваться.

Принц Александр Петрович Ольденбургский, взбалмошный и неуравновешенный потомок немецких князей, осевших в Петербурге в конце XVIII столетия, сыграл своеобразную роль в судьбах российской науки. Во время русско-турецкой войны он командовал полком, потом дивизией. Под старость же этот генерал от инфантерии, натешившись маршами и парадами, стал вдруг научным меценатом. Особые симпатии вызывала у него медицина. В 90-х годах это было модно и политично. До русского двора докатилась слава Клода Бернара, Пастера, Листера. Официальный Петербург, готовясь к политическому и военному союзу с Францией и Англией, пожелал показать, что «мы тоже не лыком шиты». Царь Александр III — убийца Кибальчича, душитель университетской свободы, чья политика в области науки и образования довела до эмиграции профессоров Мечникова, Виноградского и многих других, пожертвовал три миллиона на постройку Пастеровского института. Родственник

царя принц Ольденбургский, чтобы не отстать от моды, основал в Петербурге Императорский институт экспериментальной медицины.

Надо сказать, институт поначалу привлек виднейшие научные силы. Здесь работал великий физиолог И. П. Павлов, микробиологи С. Н. Виноградский и В. Л. Омелянский, биохимик М. В. Ненцкий, фармаколог Н. П. Кравков. Даже сегодня, спустя многие десятилетия, имена этих ученых светят в науке своим собственным, не отраженным светом. Для принца же это были просто служащие «его» института, люди, получающие деньги по его милости. Это обычное для высшего света полупрезрительное отношение к ученому выразил карикатурист тех лет. Художник изобразил ученого в кургузом платьишке, с книгами и инструментами под мышками. Бледный от трудов и бессонных ночей, весь забрызганный чернилами, задыхаясь, плетется он по дороге к истине… Принцу Ольденбургскому просто в голову не приходило считать кого-нибудь из этих нищих ровней себе.

Во главе института он поставил посредственного ученого Э. Ф. Шперка, известного своим раболепием перед власть имущими. Шперк директорствовал, но основные решения единовластно принимал «покровитель» института — принц.

Письмо из Парижа поставило принца Ольденбургского в тупик. Всеми вопросами приглашения деятелей науки из-за границы ведало министерство иностранных дел совместно с департаментом полиции. Несмотря на свое высокое положение, принц не желал нарушать субординацию. Поэтому, прежде чем что бы то ни было решить, он снесся с «соответствующими инстанциями». Возможно, что Ольденбургский не знал ничего о политическом прошлом Хавкина. Зато в министерстве иностранных дел, где на каждого уехавшего за границу российского подданного заводили подробную карточку, отлично помнили биографию беспокойного кандидата Новороссийского университета. Там без труда установили, что протеже г-на Пастера не кто иной, как бывший народоволец, трижды арестованный и восемь лет состоявший под надзором полиции, а также лицо, нарушившее правило о заграничных паспортах (Хавкин не вернулся в Россию после того, как истек срок его заграничного паспорта и не явился для объяснений в русское посольство). От парижских агентов русской полиции не укрылась и дружба Хавкина с революционными эмигрантами и, что «опаснее», с левыми политическими деятелями Франции. Короче, по причинам политическим приезд в Россию уроженца города Одессы Владимира Аароновича Хавкина, тридцати двух лет, иудейского вероисповедания представлялся «соответствующим

инстанциям» крайне нежелательным.

Наверное, можно было бы спорить с жандармской кликой, доказывать, что страна, потерявшая за год триста тысяч жизней от холеры, должна приветствовать приезд творца предохранительной вакцины; что нельзя, наконец, игнорировать рекомендацию такого человека, как Луи Пастер. Но принц Ольденбургский меньше всего подходил для роли борца за научный прогресс. Он вовсе не собирался препираться с департаментом полиции «из-за какого-то пустяка». Следовало лишь соблюсти приличие и сыскать достаточно пристойный повод, чтобы отказать Хавкину и не обидеть Пастера. Эту «черновую» работу его высочество возложило на Шперка. И надо сказать, расторопный директор выполнил распоряжение своего хозяина как нельзя лучше.

29 июля в конференц-зале института экспериментальной медицины собралась небольшая, но весьма блестящая по составу конференция, которой предстояло придать законный вид жандармскому приказу не допускать Хавкина на родину. Шперк очень умело подобрал приглашенных. Генеральские мундиры соседствовали со статскими сюртуками тайных советников от медицины. На почетном месте восседал главный военно-медицинский инспектор, лейб-медик Реммерт. Рядом с ним лейб-педиатр Раухфус. Была рыбка и помельче: управляющий медицинским департаментом, петербургский столичный врач-инспектор, главный врач городской больницы. Однако основную роль в этом заочном судилище должен был сыграть человек отнюдь не чиновный, хотя и довольно известный в научном мире: микробиолог Иван Филиппович Рапчевский.

В 1885 году Рапчевский ездил к Феррану. Опыты испанского бактериолога его разочаровали. Он не скрывал этого. В отчете своем он писал резко: «Прививка холеры по способу Феррана должна быть признана прямо вредной для общественного здоровья». Рапчевский сравнивал прививки с продажей индульгенций в средние века. В Испании русский бактериолог потерял веру в благодетельное действие прививок вообще. Как и многие бактериологи того времени, он полагал, что подкожное введение вакцины не может предохранить человека от заражения через рот.

Вполне возможно, доктор Рапчевский не знал о том, что принимает участие в фарсе, где все роли заранее распределены. Но на его-то выступление Шперк рассчитывал более всего. Были зачитаны письма, полученные от Пастера и Ру. Французские ученые «дали самый лестный отзыв о рекомендованном г. Хавки, ным методе», — сообщили «Новости и Биржевая газета». Потом

было обнародовано письмо самого творца вакцины. Вслед за тем поднялся Рапчевский. По словам корреспондента той же газеты, «доктор Рапчевский высказался в том смысле, что вопрос о предохранительных прививках не новый, так как семь лет назад их применял в громадных размерах доктор Ферран в Испании и вследствие этого (?) не представляется достаточных оснований к производству опытов на людях… Следует ограничиться пока лабораторными исследованиями, а опыты на людях делать разве только в тех местностях, где холера эпидемична, например в Сиаме».

Тут что ни слово, то противоречие. Почему после опытов Феррана нельзя испытывать прививки Хавкина? Ради чего и до каких пор надо ограничиваться лабораторными опытами? И, наконец, зачем ехать в Сиам, когда Россия от края до края охвачена эпидемией? Однако с помощью Шперка высокие гости проштамповали решение, подсказанное Рапчевским. И это происходило в стране, где, по скромным подсчетам, за столетие почти пять миллионов человек болело холерой, а два миллиона из них сошли в могилу!

В той же петербургской газете, где была опубликована заметка о конференции в Институте экспериментальной медицины, помещены длинные колонки с названиями сел и городов, охваченных холерой. Не встречая никакого сопротивления, эпидемия бесчинствовала в Воронеже, Рязани, Москве, Пензе, Перми, Нижнем, в Тобольске и Уральске. Сотни тысяч безвестных мещан и мужиков погибали в своих городишках и деревнях. Десятки некрологов сообщали ежедневно о смерти видных государственных, общественных, научных деятелей, артистов, литераторов. Жертвой холеры стал и величайший композитор России Петр Ильич Чайковский.

Разделавшись с вакциной, Шперк принялся за ее творца. Собранию было предложено высказаться, следует ли приглашать в Петербург профессора Ру и г-на Хавкина. И снова на сцену был выпущен «маленький» человек, который под видом научной объективности должен был натолкнуть медицинских сановников на угодное Шперку решение. «Лабораторные опыты и клинические наблюдения можно проводить и у нас, без участия Ру и Хавкина», — заявил частнопрактикующий врач Соколов. С ним согласились. Присутствующие подписали протокол и разъехались по домам. Так завершился российский вариант истории о «принце и нищем». Его высочество получил вполне приличное основание для того, чтобы, сославшись на почтенное научное собрание, отказаться от услуг г-на Хавкина.

Даже петербургских журналистов (очевидно, не без умысла

приглашенных Шперком на конференцию) решение, принятое в стенах института, разочаровало. «Совещание пришло к заключению, что пока вопрос о прививках ослабленной холеры есть дело чисто лабораторное», — заметил журнал «Врач», саркастически подчеркнув слово «пока». А купеческие «Новости и Биржевая газета», не очень-то вникая в научную суть дела, довольно резко заявили, что конкретным исследованиям, предпринятым учеными на Западе, петербургские витии противопоставляют «одни лишь слова».

Понял ли Хавкин, какая гнусная комедия разыгралась вокруг его имени в Петербурге? Догадался ли о подлинных причинах отказа, полученного от принца Ольденбургского? Скорее всего, нет. Даже двадцать лет спустя, в книге, выпущенной на вершине своей всемирной славы, он утверждал: «Мое предложение не было принято на том основании, что прежние попытки в Испании в 1885 году были неутешительны. Эта точка зрения разделялась большинством бактериологических авторитетов».

Нет, Владимир Хавкин так и не понял, насколько несправедливо и жестоко обидели его российские чиновники. Причину неудачи он связывал с тем, что противохолерная вакцина его недостаточно апробирована. Надо, видимо, проверить действие препарата в условиях эпидемии и тогда… Вдали от родины, где для невольного эмигранта таким сладким кажется дым отечества, Хавкин забыл, чему учили его друзья-народовольцы, забыл их заповедь ненависти и недоверия к царизму.

…В архивах министерства иностранных дел сохранился документ, направленный из Парижа в Петербург в то время, когда Хавкин писал принцу Ольденбургскому. Российский посол во Франции барон Моренгейм докладывал министру: «Французский подданный г-н Клюзе предложил изобретенное им Средство, долженствующее способствовать к полному излечению болезни, которой страдает Его императорское Высочество Великий князь Георгий Александрович. При сем препровождаю ящик с лекарством и письмо о применении указанного средства».

Рука министра: «Как Вашему императорскому Величеству благоугодно повелеть с присланным ящиком?»

Синий карандаш царя: «Пришлите ящик ко мне, а его можно очень благодарить».

Вскоре российское посольство вручило господину Клюзе чек на солидную сумму. Прямо скажем — «царский подарок».

СПУСК ЖЕЛТОГО ФЛАГА

Кто-то сказал, что история медицины — трехтысячелетняя история разочарований. Это справедливо только наполовину. Чтобы потерять веру, ее надо сначала обрести. Несчетное число раз человечество увлекалось действительными или кажущимися победами медиков. Не раз был «открыт» «эликсир жизни», «до бесконечности» продлевающий человеческое существование. В журналах 90-х годов прошлого века есть статьи о «радикальных» методах излечения рака. Мир поочередно гипнотизировали опыты Месмера и графа Калиостро, подсадки Воронова и гравидан — лекарство из мочи беременных женщин. До середины XIX столетия почти каждый десяток лет появлялась новая теория возникновения болезней. То же происходило и со «средствами исцеления». На каждого страждущего медицина двигала полки флаконов, флакончиков с настоями, отварами, каплями, дивизии коробочек с пилюлями, баночек с мазями. Фармакопея средневековья была так же причудлива, как одежды врачей и аптекарей. Одна из многочисленных и весьма популярных мазей XVI столетия, так называемая щенковая мазь, рекомендованная при ожогах, содержала щенков вареных в масле лилий, и еще семьдесят других ингредиентов.

Что-то невообразимое происходило и с методами лечения. Парижский профессор Босгильон свои лекции начинал словами: «Что мы будем делать сегодня? Вот что… Дадим слабительное всей левой половине палаты и пустим кровь всей правой половине». Сейчас это вызывает улыбку, а тогда в середине просвещенного XVIII века, Босгильон был в числе медицинских светил и широко посещаемые лекции его звучали под сводами Hotel Dien — самого прославленного госпиталя в Париже.

Да, всякого рода медицинских «очарований» человечество пережило в избытке. Надо ли удивляться, что в конце концов произошла инфляция доверия больных к своей спасительнице медицине.

Волна разочарования в медицине захлестнула и самих медиков. Неверие в новые средства и приемы лечения до середины XIX в. становится основной позицией медицинских обществ и академий. Даже к таким, всеми теперь признанным средствам диагностики больного, как выстукивание и прослушивание, врачи отнеслись с подозрением. Венского врача Леопольда Ауэнбруггера, предложившего выстукивание (перкуссию) в 1761 году, коллеги объявили сумасшедшим и подвергли преследованиям. Метод забыли более чем на

шестьдесят лет. Нечто подобное произошло с открытием француза Рене Лаэннека, который в двадцатых годах XIX столетия ввел в обиход медиков деревянную трубочку для выслушивания (аускультации) грудной клетки, а спустя два десятка лет в Берлине и Вене все еще продолжали издеваться над энтузиастами стетоскопа.

Знаменитый медик и физик Г. Гельмгольц свидетельствует о том, что в середине XIX столетия с недоверием отнеслись и к такому безобидному новшеству, как глазное зеркало (то круглое, вогнутое зеркальце, надетое на головной обруч, без которого не мог бы работать современный врач-глазник). Один немецкий хирург сказал Гельмгольцу, что никогда не решится применять этот инструмент, потому что «очень опасно направлять яркий свет в больные глаза».

Надо ли удивляться тому, что над новой наукой бактериологией, которая родилась в конце 70-х годов, и ее новыми лекарствами — вакциной и сывороткой — весь медицинский мир буквально глумился. Когда в 1881 году Пастер на Лондонском съезде высказал мысль о предохранительных прививках, Роберт Кох — врач и бактериолог, бросил фразу, ставшую впоследствии знаменем врагов вакцинации: «Это слишком хорошо, чтобы быть правдой».

Да, для медиков, которые многие века не умели лечить ни одной из нескольких сот инфекционных болезней, открытие Пастера действительно представлялось «слишком хорошим». Скептическую фразу Коха подхватили врачи всех континентов. Весь дальнейший путь микробиологов усеяли бесчисленные тернии сомнений и недоверия. В 1883 году, когда Пастером уже была создана вакцина против сибирской язвы, а Кохом открыта бацилла холеры и возбудитель туберкулеза, видный врач Петер с трибуны парижской Академии медицины продолжал утверждать, что микробы, «эти достопримечательности естествознания, не имеют в сущности почти никакого значения для медицины».

Со временем неотразимые победы Пастера заставили врачебный мир признать благодетельность прививок. Однако скептический дух еще долго витал в медицине.

Интересно, что недоверие медиков к достижениям своих коллег стало будто даже возрастать по мере того, как наука XIX и XX веков начала обогащаться все более достоверными, крупными открытиями и изобретениями. Почти двадцать лет боролся за признание теории фагоцитоза Мечников; современники с подозрением отнеслись к сообщению Ландштейнера о том, что кровь человека имеет несколько групп. Вскоре после открытия икс-лучей один из профессоров-медиков Вюрцбургского

университета заявил публично: «Какой чудак этот Рентген, мы знаем давно, но теперь он совсем с ума сошел: утверждает, что видел кости своей собственной руки».

А вот факт более свежий. Лауреат Нобелевской премии Александр Флеминг, творец пенициллина (того самого пенициллина, без которого невозможно представить себе медицину середины XX в.) пятнадцать лет просил медиков принять его препарат в клинику. Сотни тысяч умерли за это время от гнойных и иных инфекций, которые так просто было бы излечить этим лекарством. А медики… продолжали сомневаться. Если бы не вторая мировая война с ее миллионами раненых и острой нуждой в медикаментах, может быть, гениальный Флеминг так и не дождался бы торжества своего детища.

Пусть не посетует нетерпеливый читатель на слишком длинное авторское отступление. Нет худа без добра. Может быть, эти страницы позволят лучше понять, на какой нелегкий путь осенью 1892 года вступил ассистент Пастеровского института бактериолог Владимир Хавкин.

Эта осень была полна для него волнений и необычных встреч. 20 ноября 1892 года Пастер писал своему другу профессору Транше: «Хавкин… вот уже неделю находится в Лондоне, где хлопочет перед английскими властями о разрешении на выезд в Калькутту, чтобы там проводить опыты, которые он рассчитывал произвести в Королевстве Сиам. Г-н Арман, бывший французский резидент в Кохинхине, ответил Хавкину, что его проект прививок в Сиаме встретит непреодолимые трудности из-за недружелюбия местного населения и что, напротив, прививки можно с успехом провести в Индии. Он дал ему письмо к лорду Дафферину, который в свою очередь направил Хавкина к своим друзьям в Лондон».

Послы, члены палаты лордов, министры… Сегодня прием у лорда Кимберлея, ведающего индийскими делами в кабинете Ее Величества, завтра прием у министра иностранных дел Розбери. У Хавкина кружится голова от блистательных имен. С ним разговаривают весьма уважительно. В Лондон дошли вести о противохолерной вакцине. К тому же за спиной молодого бактериолога асемирная слава института Пастера. Но есть еще одна причина, почему приезжему из Парижа обеспечен столь теплый прием в лондонских высших сферах. Идет пятьдесят пятый год правления королевы Виктории. Позади сорок больших и малых войн, которые Англия вела за время ее царствования во всех концах света. Империя отдувается от обилия золота, чувства собственного достоинства и мощи. Процветание. «Правь, Британия, морями!» И все же верные слуги британской королевы

начинают понимать, что в бесчисленных колониях и заморских территориях нельзя теперь господствовать, опираясь только на штыки армии и параграфы хитроумных имперских законов, что кроме кнута нужен и пряник. Время от времени надо показывать желтым, черным и оливковым народам, что королева печется об их счастье, здоровье, благосостоянии. Прежде всего это необходимо сделать в Индии, где есть своя местная знать, своя, пока еще немногочисленная, но весьма беспокойная интеллигенция. А сейчас в Индии эпидемия холеры, и предложение мсье Хавкина как нельзя кстати. Лондон пошлет туда видного ученого-бактериолога. Об этом напишут европейские и индийские газеты. Об этом будет сделано официальное сообщение. Такие шаги служат ко благу и укреплению престижа империи.

Лорд Дафферин, посол Великобритании в Париже, бывший вице-король Индии — первый, кому пришло в голову обратить достижения бактериологии на службу колониальной политики Соединенного Королевства. Его рекомендательные письма в Лондон к министру иностранных дел Розбери повлекли за собой, как ком снега, скатывающийся с горы, целую лавину рекомендаций. Эти хрустящие пакеты с сургучными печатями составляли поначалу главное содержимое скромного чемодана мсье Хавкина. «От секретаря Ее Величества по делам Индии к Его превосходительству генерал-губернатору Индии…» «От Генерального директора медицинского департамента из Лондона Главному врачу вооруженных сил Ее Величества в Индии…» Лощеные джентльмены с самыми любезными улыбками подписывают письма. Их единственное желание, чтобы господин Хавкин со своими пробирками и кроликами поскорее отправился в Бенгалию спасать этих бедных индийцев.

Авторы рекомендаций едва ли задумывались о риске, на который идет молодой ученый. Между тем он отправлялся в самое логово эпидемии, зная, что за тринадцать лет (1877–1890) в Бенгалии от холеры умерло более миллиона человек, что от холеры умирает каждый второй заразившийся и что у медицины нет пока лекарств, способных останавливать начавшуюся болезнь. Впрочем, смерть бактериолога в Индии все равно не нарушила бы расчетов тех, кто его посылал туда: главное, чтобы мир узнал о заботе, которую метрополия дарит своим колониям.

Это хитросплетение политических расчетов мало беспокоило Хавкина. Он боялся только одного, как бы высокочтимые лорды и министры не раздумали и не отказали ему в поездке. Так уже было дважды. После обескураживающего ответа из Петербурга Владимир предложил свои услуги французскому правительству

— это совпало с усилением холерной эпидемии в Париже. Но административные чины «столицы мира», всячески скрывавшие самый факт эпидемии, предпочли «незаметно» потерять несколько сот сограждан, только бы не предпринимать экспериментов, которые могут отпугнуть туристов и повлиять на ход торговли. Из архива снова извлекли историю феррановских неудач и настойчивому ученому посоветовали отправиться в Индокитай. Это звучало издевательством. Тем не менее Хавкин написал в Сиам и терпеливо ждал ответа французского резидента. Ответ был отрицательным.

В конце августа холерная эпидемия с огромной силой разразилась в Гамбурге. В первую же неделю погибло Пятьсот человек, потом жертвы эпидемии стали исчисляться тысячами. Власти закрыли порт, запретили скопление жителей в церквах и лавках, но… от прививок наотрез отказались. Еще недавно, прививая себя и своих друзей, Хавкин считал, что победил предрассудок против антихолерной вакцины, теперь же, когда три крупнейших европейских государства, пораженные общим бедствием, упрямо отказывались от его помощи, он увидел, насколько живуче недоверие медиков к его методу. Нигилизм медиков на этот раз отлично ужился с политической реакцией. Русские жандармы и французские дипломаты, парижские купцы и врачи всей Европы создали на пути противохолерной вакцины казалось бы непреодолимый заслон.

Положение Хавкина осложнялось еще и тем, что у самих бактериологов не было единого мнения о возбудителе холеры и о путях заражения этой болезнью. Простую мысль Коха о том, что холеру вызывает изогнутая бацилла, которую немецкий ученый находил в водоемах и в теле холерных больных, штурмовали со всех сторон. Макс Петтенкофер в Вене продолжал твердить, что коховская «запятая» неспособна заразить человека непосредственно. Предварительно микроб якобы должен побывать в земле, «созреть» и только загрязненная почва становится носителем заразы. А коли так, значит бороться с эпидемией надо средствами гигиены, а не бактериологии. Чистота почвы, помещения, человеческого тела — вот залог спасения от эпидемии.

Выводы Коха ставил под сомнение и Мечников. Илья Ильич выделил несколько холерных культур и пытался заразить ими экспериментальных животных. Кролики и морские свинки не заболевали. Тогда Мечников попробовал заразить самого себя и своих сотрудников. Он и его коллеги несколько раз принимали холерные разводки, но вызвать холерный понос у человека им тоже не удалось. Все это натолкнуло Мечникова на мысль, что

холерная «запятая» в чистом виде не активна. Для того чтобы заразить человека или животное, ей надо оказаться в пищеварительном тракте в компании с какими-то другими бактериями, которые активизируют холерный яд.

Теория эта не получила впоследствии подтверждения, ко Мечников долгие годы оставался ей верен. Он настойчиво, хотя и безрезультатно, разыскивал микробов-спутников в кишечнике кроликов и тот альянс, при котором пара: холерная бацилла плюс микроб-спутник — вызывает наконец заражение. О том, как напряженно искал Мечников разгадку холеры, свидетельствуют его письма тех лет. По этим до сих пор неопубликованным письмам видишь, сколько труда требует наука для доказательства каждой своей мысли. «Как трудно не только справиться с болезнью, но даже изучить ее как следует, я вижу каждый день, изучая холеру. Каждый шаг стоит огромных усилий и, в конце концов, дает ничтожные результаты», — пишет Илья Ильич жене 18 мая 1893 г. А три дня спустя снова: «…Я большую часть дня очень бодр и энергичен, употребляя эти качества для своей холерной работы. Количество опытов и всевозможных исследований, которые я произвожу, невероятны, но успех не соответствует затраченному труду. Но это, разумеется, ничего не значит. Я очень рад, что предпринял эту работу, так как во всяком случае многому научился».

В 1892–1894 годах Мечников действительно сделал немало интересных наблюдений над холерой. Эти наблюдения привели его к выводу, что вакцина, введенная под кожу, не может спасти человека от холерных микробов, если они попадут в организм через рот. Со взглядами знаменитого биолога многие его ученики не согласились. На защиту вакцины стал любимый ученик Ильи Ильича Даниил Кириллович Заболотный. Однако понадобилось почти двадцать лет, прежде чем ученики опровергли учителя. Заключительный аккорд этого спора прозвучал в 1909 году, когда Мечников, увенчанный славой Нобелевского лауреата, приехал в Петербург. Русские биологи и медики с восторгом принимали своего знаменитого товарища. Встречи в научных учреждениях выливались в подлинное чествование Мечникова. Но торжественная обстановка не помешала большой группе ученых во главе с Д. К. Заболотным и С. И. Златогоровым организовать диспут о прививках против холеры. На огромном материале, представленном главным образом русской наукой, Мечникову было показано, насколько благодетельны прививки в борьбе с холерной эпидемией. (Массовая вакцинация против холеры во время первой мировой войны окончательно доказала состоятельность этого предупредительного средства.)

Спор в Петербурге происходил в 1909 г., а в 1892 г. мнение Мечникова о противохолерной вакцине оставалось для большинства бактериологов неопровержимым. Даже Пастер, видимо, усомнился в вакцине, хотя недавно сам рекомендовал ее русским властям. Директор института уже отошел в это время от лабораторных исследований и не мог проверить, кто из двух его сотрудников прав. Тем не менее в одном из своих писем Пастер с одобрением отозвался о выводах Мечникова. «Хавкин, узнав об этом, должен удивиться», — заметил в том же письме старейшина бактериологов. И не ошибся. Хавкина удивила и опечалила эта новость. Он узнал о ней уже в Лондоне. Впервые за много лет они с Ильей Ильичем оказались в разных научных лагерях, на различных позициях по жизненно важному вопросу.

Владимир всегда глубоко уважал и любил Мечникова. Но даже Илье Ильичу не уступил бы он в битве за вакцину. Такова жестокая мораль науки: «Платон мне друг, но истина мне дороже». С тех пор как Сократ произнес эти слова, ученики не раз вступали в спор с самыми любимыми менторами. Французский физиолог Клод Бернар высоко ценил своего учителя Мажанди. Однако это не помешало ему пересмотреть научное наследие покойного мэтра и указать на допущенные им ошибки. Так же смело расправлялись с завещанными, но со временем обветшавшими истинами наш Ломоносов, английский хирург Листер, немецкий физик и врач Гельмгольц и другие.

Нет, два одессита не охладели друг к другу из-за расхождений в научных взглядах. Слишком многое соединяло их в прошлом. Старший не раз потом тепло отзывался о работах младшего, а Владимир в те же дни заявлял, что своими открытиями обязан Мечникову, который явно и сознательно поднимал общефилософские вопросы «и особенно влиял на умственный склад учеников».

Без этих мечниковских принципов, всегда полных страстного гуманизма, нельзя понять ни Владимира Хавкина с его опытами на себе и стремлением во что бы то ни стало попасть в охваченные эпидемией районы, ни самого Мечникова, глотающего холерные разводки для выяснения научной истины. Обостренное чувство долга перед народом, вот что, пожалуй, более всего характерно для «умственного склада» тех, кого воспитал одесский профессор. Ученики этой школы никогда бы не согласились с Максом Петтенкофером, когда тот доказывал, что «наука не должна спрашивать о моментальной пользе, о немедленном практическом применении…» Слишком ужасной была российская действительность с грязью, повальными болезнями и гигантской смертностью, чтобы честный медик

России или владеющий средствами исцеления биолог мог предпочесть практическому делу «чистую» сугубо лабораторную науку. Эти «общефилософские вопросы» привели Владимира Хавкина в Лондон, они же заставили его торопиться с отъездом в Калькутту.

Но пока писались рекомендательные письма и обсуждались права и обязанности будущего государственного бактериолога Индии, время шло и Владимир успел завести в Лондоне несколько приятных и полезных знакомств. Первый, с кем он подружился, был английский биолог Алмрот Райт. Райт, почти ровесник Хавкина, был профессором той самой военно-медицинской школы в Нетли, где Владимиру до отъезда в Индию предстояло продемонстрировать суть опытов с противохолерной вакциной. Поклонник Мечникова, Райт с удовольствием встретился с учеником своего кумира. Осенью 1892 года их часто видели вместе. Стройный Хавкин с бледным красивым лицом юноши-француза казался маленьким рядом с Райтом, похожим на бесформенную глыбу, с огромной головой, необыкновенно крупными руками и ногами. Профессор из Нетли носил очки, над которыми круто лезли вверх густые и очень выразительные брови. Друзья шутя говорили, что с помощью бровей Райт почти может разговаривать. Характер у него был довольно тяжелый, но сотрудники любили резкого профессора за яркий талант и увлеченность наукой. С Хавкиным их сблизили общие интересы. «Врач будущего будет иммунизатором», — утверждал Райт, имея в виду успехи вакцинации и работы Мечникова по проблеме иммунитета. Мало кто смел утверждать это в девяностые годы, всего лишь через тринадцать лет после первых опытов Пастера.

Для англичанина встреча в Нетли оказалась знаменательной. Хавкин, тоже увлеченный идеей предупреждения болезней, подал Райту мысль создать прививку против брюшного тифа, наподобие той, что в опытах самого Хавкина ограждала кроликов от холеры. Райт зажегся этой мыслью и через четыре года испытал первые противотифозные прививки на человеке. Вакцина эта получила мировое признание. Четверть века спустя, когда Райту было 62 года, он изучил русский язык и в один из приездов Хавкина в Лондон мог поблагодарить своего друга на его родном языке за некогда подаренную хорошую идею.

Другой ученый, который тоже надолго стал близким товарищем Хавкина, Вильям Симпсон занимал должность главного санитарного врача Калькутты. Осенью 1892 года Симпсон находился в Лондоне в отпуске. Его пригласили в Нетли высказаться о хавкинских вакцинах, и он горячо поддержал идею прививок против холеры. Более администратор, чем ученый,

Симпсон даже пообещал Хавкину полностью предоставить свою небольшую лабораторию в Калькутте для нужд противохолерной вакцинации. Так в далекой и пока еще чужой Индии для Владимира Хавкина зажегся первый огонек гостеприимства. Мог ли он думать, что всего лишь через несколько лет его имя станет известно во всех дворцах и хижинах гигантской страны, что народ благодарной Индии окрестит его «великим белым исцелителем», а его именем назовет крупнейший научный центр?.. Но прежде чем пришло признание, кандидату естественных наук из Одессы пришлось потратить немало мужества, терпения и труда. Особенно труда.

Отъезд из Лондона, назначенный на декабрь, отложили на две недели, потом на месяц, потом еще на две недели. Хавкин не понимал, в чем дело, нервничал. Наконец, дошли слухи, что задержка вызвана каким-то запросом русского посольства в Лондоне. Ничего хуже быть не могло. Неужели петербургские чиновники и на этот раз станут на его пути? Вскоре после нового 1893 года, бактериолог получил приглашение навестить посольство. За пять лет, проведенных за границей, он ни разу не обращался к представителям императорского правительства. И сейчас, естественно, ожидал неприятного разговора. Каково же было его изумление, когда первый секретарь, рассыпаясь в любезностях, тотчас проводил его в кабинет самого посла — барона де-Сталь. Состоялся разговор, который Владимиру, вероятно, показался чем-то похожим на сон. Посол ни словом не обмолвился о нарушении закона о паспортах и вообще ничего не сказал о прошлом своего собеседника. Зато многократно повторил, что русская наука гордится известным бактериологом Владимиром Ааароновичем Хавкиным, и он, посол Его Императорского Величества, готов засвидетельствовать британскому правительству, что цели русского подданного Хавкина в Индии будут сугубо гуманными.

Загадочное поведение русского посла объяснялось просто. Когда в лондонских газетах появились доброжелательные статьи о Хавкине и его вакцине, барон де-Сталь начал через дипломатические каналы интересоваться судьбой «российского подданного». Его запросы смутили англичан: русско-английские отношения в этот момент были далеко не блестящими. Видимо, в Лондоне мелькнула даже мысль, не имеет ли миссия Хавкина политического характера. Де-Сталь попал в неудобное положение. К тому же корреспонденты лондонских газет весьма ядовито намекали в те дни, что русский подданный едет бороться против эпидемии холеры в Индию, тогда как его собственная страна переживает подобные же бедствия. Де-Сталь запросил

распоряжений из Петербурга. После долгих колебаний Петербург принял решение «сделать хорошую мину при дурной игре». Послу приказали обласкать ученого и официально рекомендовать Хавкина английскому правительству. Так возникло еще одно, последнее по счету, рекомендательное письмо, которое открыло, наконец, уставшему от ожидания бактериологу дорогу в Индию.

* * *

Холера показала Хавкину свое лицо раньше, чем он вступил на индийскую землю.

На подступах к пристаням Калькутты (город стоит на полноводной реке Хугли, куда заходят даже океанские пароходы) корабль, идущий из Лондона, должен был обойти стороной группу судов под желтым флагом. Желтый лоскут, поднятый над флагом нации, означает: на судне холера. Хавкин видел, как от борта одного из этих отверженных отвалила шлюпка, эскортируемая военным катером. Высаживаясь в порту, он снова на мгновение увидел эту шлюпку. На дне ее прямо на досках лежал человек с заостренным, изможденным лицом и запавшими глазами; углы рта печально и в то же время как будто насмешливо оттянуты вниз, типичное лицо холерного больного. В пригородах Парижа Владимиру уже приходилось видеть таких больных, слышать их хриплые натужные голоса. Но там, в благообразной белой тишине парижской больницы, человеческие страдания не выглядели такими цинично отталкивающими, как здесь, в порту. Иссохший человек в лодке, валяющийся в собственных испражнениях, был, судя по одежде, бедняком-матросом небольшого каботажного суденышка или просто пилигримом, добирающимся к святым местам. Два дюжих полицейских в кожаных перчатках без лишних церемоний схватили его и швырнули в глубину закрытой санитарной кареты. В ту же минуту лошади умчали карету с полуживым пассажиром.

За два года, проведенных затем в Индии, Хавкин мог убедиться, насколько символичной была сцена в калькуттском порту. Ему довелось перевидать потом сотни и тысячи больных холерой. Смерть, которую от века изображают в виде безглазого скелета с косой, отлично ориентировалась в социальном составе британской колонии. Губительная коса, как правило, обрушивалась на семьи бедноты — из десяти пораженных не менее девяти всякий раз оказывались бедняками. В Калькутте, тогдашней столице Индии, социальный характер эпидемии был особенно заметен. Водопровод доставлял хорошо

профильтрованную речную воду главным образом в южный и центральный районы города. Там близ каменных стен форта Вильям, в зелени садов строили коттеджи европейские дельцы и чиновники. Они почти не знали холеры. Зато на северной окраине не проходило дня без похорон очередных жертв эпидемии. Чем дальше от центра на север, тем уже были калькуттские улицы, тем более жалкий вид имели жилища — землянки и хижины. Грязные, непроточные пруды, куда выливали нечистоты, служили также местом ежевечернего обрядового купания, стирки белья и источником, из которого брали воду для питья.

За десять лет, прошедших с той поры, как Роберт Кох в одном из таких прудов нашел холерные бациллы, мало что изменилось в северных кварталах Калькутты. По-прежнему женщины стирали в них белье больных и умерших, а эпидемические вспышки поражали то одну, то другую группу хижин, объединенных общим водоемом.

В то время как в Европе продолжались бесконечные споры о сущности возбудителя холеры («это — сфинкс, который нас приводит в ужас своим смертоносным взглядом, но которого мы до сих пор понять не можем», — писал в 1893 году один из сторонников Петтенкофера), Хавкин решительно стал на сторону Коха и его учения о холерной «запятой». В Калькутте он окончательно убедился: бацилла обычно передается с водой. Проще всего было бы засыпать все эти пруды — рассадники болезни, провести водопроводные трубы, если не в каждый дом, то по крайней мере в каждый квартал города, позаботиться об ассенизации, навести порядок на рынках, где овощи и фрукты лежат прямо на земле… В Англии, где на эти меры не пожалели средств, эпидемию удалось предотвратить. Но в Индии колониальные власти и думать не желали о подобных расходах. Приглашение бактериолога представлялось калькуттским, да и лондонским чиновникам прежде всего дешевым способом избавиться от холеры. Ах, как они были далеки от истины!

Вакцинация против холеры действительно переносила битву против микробов с гигантских плацдармов внешней среды в тесный мир человеческого тела. Но от этого сражение не становилось ни более легким, ни более дешевым. Вакцина вызывает в теле привитого появление особых веществ — антител. Кровь привитого превращается таким образом в смертельную среду для холерной бациллы, а сам привитый — в неодолимый бастион. Для того чтобы полностью изгнать или хотя бы блокировать болезнь в масштабах страны, нужно привить миллионы людей, создать в миллионах организмов такую

абсолютную невосприимчивость к холере, чтобы кровожадный зверь эпидемии подох, начисто лишенный пищи.

Хавкин знал: это потребует немалых затрат, а главное хорошо организованного государственного механизма для производства вакцины и прививок. Свою цель молодой бактериолог видел в том, чтобы завести пружину этого механизма, показать пример врачам и администраторам, пробудить в них энтузиазм к делу, которое по масштабам и благородству не имело себе равного в истории Индии. Вместо недорогой и легкой победы над заразой (вроде победы в одной из тех войн, которые Англия привыкла вести против излишне самостоятельных махараджей), Хавкин планировал серьезную многолетнюю борьбу, рассчитывая на окончательное освобождение страны от холеры. Ни вице-король маркиз Лэнсдаун, ни секретарь Ее Величества по делам Индии не могли одобрить столь расточительного предприятия. Сам того не желая, бактериолог сразу оказался в немилости у колониальных властей. Одновременно, увы, и у тех, кого хотел спасти от смерти.

Много лет спустя авторы статей и некрологов назовут Владимира Хавкина «апостолом профилактических прививок». Он и впрямь до конца дней своих страстно пропагандировал мысль о том, что мир может быть освобожден от заразных болезней с помощью массовой вакцинации. С легендарными апостолами его сближает еще один факт: весной 1893 года он был побит камнями точно так же, как за две тысячи лет до того язычники расправились с первыми поборниками христианства.

Это случилось через несколько дней после приезда Хавкина в Индию. Едва в маленькой лаборатории доктора Симпсона, носившей громкое название «Служба здоровья», удалось наладить производство противохолерной вакцины, как стало известно, что в небольшом поселке Каттал Баган неподалеку от Калькутты вспыхнула холера. Вместе с несколькими врачами и лаборантами Хавкин поспешил в пораженную деревню. Он торопился. Эпидемия холеры в Бенгалии не наступала единым фронтом. Она действовала, подобно бенгальскому тигру-людоеду: неделями таилась где-то возле селения и вдруг одним прыжком губила две-три жертвы, чтобы потом вновь скрыться на недели и месяцы. Бактериологу приходилось действовать, как охотнику-тигролову: спешить на место происшествия, дабы спасти население от следующего прыжка эпидемии.

Хавкин и четверо врачей-индийцев Шаудри, Чаттерджи, Датт и Гоуз, расположившиеся на двух пролетках с ящиками, в которых было упаковано прививочное снаряжение, действительно походили на охотников. Эти «способные и привязчивые люди», как называет в своих воспоминаниях доктор Симпсон медиков-

индийцев, очень скоро прониклись симпатией к приезжему из России и горячо увлеклись его идеями. В мартовское утро, когда вакцине впервые предстояло перешагнуть из лаборатории в гущу народа, медики не без волнения обсуждали все ли необходимое для прививок они с собой захватили, все ли известно им о возможных последствиях вакцинации. Едва ли, однако, они могли предвидеть, что в первом бою, который наука дает холере, от них потребуются не только знания, но и личное мужество.

Каттал Баган оказался кучей соломенных хижин с дырами вместо окон и дверей, деревушкой, теснившейся на узкой полоске земли между рисовыми полями. В одной из хижин медики нашли двух холерных больных, впрочем, врачи могли лишь диагностировать холеру, помочь зараженным в этой обстановке было почти нечем. Однако выяснилось, что предупредить заболевание остальных тоже не простое дело.

На крестьян, собравшихся на площади возле небольшого храма, объяснительная речь одного из врачей не произвела никакого впечатления. Они были твердо убеждены, что богу лучше знать, кому следует, а кому не следует болеть и умирать. Никто не звал сюда английского доктора и ему лучше всего поскорее убраться из деревни. Врачи индийцы успокаивали и уговаривали своих соотечественников. И тут из толпы послышались угрозы, полетели камни. Один камень угодил в ящик с лабораторной посудой. Раздался звон разбиваемых пробирок. Это еще больше раззадорило толпу. Каждую минуту можно было ожидать расправы. Медикам, кажется, оставалось только бежать. И вдруг среди невообразимого гама белый доктор… стал раздеваться.

Он спокойно снял сюртук, вытащил из-за пояса край сорочки и обнажил правый бок. В ту же минуту медик индиец, поняв в чем дело, приготовил шприц и вонзил в тело иглу. Это произошло так неожиданно, что крестьяне мгновенно затихли. Потом Хавкин начал прививать врачей-индийцев. Люди из деревни молча наблюдали за этой процедурой. Может быть, она напоминала им представление факиров или религиозные праздничные мистерии. Во всяком случае жестокое раздражение сменилось деловитым интересом. И когда стало ясно, что укол не опасен, доктор Датт перевел короткую речь Хавкина, присовокупив от себя, что белый доктор не «инглиз», а «руси». После этого нашлись даже смельчаки, которые согласились потерпеть некоторую боль, чтобы не заразиться холерой. В конце концов прививку получили 116 человек из двухсот жителей Каттал Багана. Девять раз после этого холера вырывала свои жертвы среди обитателей деревни, но ни один из вакцинированных Хавкиным не заболел.

В стране, где восемь человек из десяти неграмотны, слухи распространяются быстрее газетных новостей. Вскоре из самых отдаленных районов страны в калькуттскую лабораторию «Службы здоровья» начали поступать приглашения. «Русского доктора» звали на помощь то в село, затерянное среди лесов Северного Бихара, то в небольшой городок горнорудного Чхота-Нагпур. Пришлось покинуть Калькутту. Экспедиция продолжалась почти два с половиной года — двадцать девять месяцев.

Верхняя Бенгалия в 1893 г. В. А. Хавкин делает крестьянам прививки против холеры

Встреча в Каттал Багане на многое открыла Хавкину глаза. Он увидел подлинную жизнь Индии. Ненависть индийцев к англичанам часто заставляла его напоминать о своем российском происхождении.

Зная об англо-русских политических трениях, жители городов нарочито подчеркивали свои симпатии к «человеку с Севера». В Агре после небольшой лекции для интеллигенции города 42 человека, в том числе две женщины, согласились публично подвергнуться прививке, с тем чтобы подать пример остальным и выразить доверие «русскому доктору». Эта публичная операция привлекла еще 900 желающих. Каждый такой случай вызывал поток новых приглашений в новые очаги холеры.

Где поездом, где на повозках, а то и верхом отряд вакцинаторов медленно, но настойчиво движется вдоль Ганга и его притоков, пересекая Индию в самой ее широкой части: Бенгалия, Ассам, Северо-западные провинции. Вот уже и Ганг

остался позади; отряд выходит к истокам Инда. Впереди две большие провинции — Пенджаб и Кашмир. Маршрут вакцинаторов прочерчивает сама «госпожа холера»: отсюда, с Севера, от истоков величайших рек Индии, волна эпидемии катится в Бенгалию и в провинции Белуджистан и Синд. В ноябре 1893 года, через полгода после начала экспедиции, «Британский Медицинский журнал» сообщил: «Хавкин следует за пилигримами Северо-восточных провинций Индии, добираясь до Кашмира, и производит им прививки против холеры. На всех привитых он заводит точные протоколы. Работает беспрерывно; отдыхает только во время переездов». Журнал привел список десятков сел и городов, где посещение бактериолога освободило людей от страха смерти и заражения холерой. «В Альморе он привил 235 человек, в Ранникети — 375, в Дворагар — 252, в Кайпуре—155… Привито уже несколько тысяч. Будущее покажет, какую степень иммунности приобрели эти лица».

Степень иммунности… Это был главный вопрос, на который руководитель экспедиции хотел ответить. Ради этого пройдены многие тысячи километров. Ради этого ученый месяцами ночевал в деревенских лачугах, в то время как англо-индийское правительство (как о том специально было объявлено) «предоставило ему право останавливаться в одних помещениях с офицерами». Итак, повышает ли вакцина Хавкина невосприимчивость человека к холере? Начиная свой нелегкий путь по дорогам Индии, бактериолог был полон сомнений. «Я не мог скрывать от людей, что речь идет только об опыте, безвредном, но полезность которого еще не ясна, — писал он впоследствии. — К тому же мой опыт был болезненным и люди после прививки несколько дней не могли работать… Я ощупью брел к решению вопроса о дозах, о том, когда возникает иммунитет и т. д. Это можно было выяснить лишь в течение нескольких лет, по методу, который англичане называют „методом проб и ошибок“».

Сын скептической науки XIX века ничего не хотел принимать на веру, даже то, что другим представлялось истиной. Время и бесчисленные «пробы» — вот кого он избрал своими единственными судьями. Однако уже через год после начала экспедиции, когда прививки получили почти двадцать пять тысяч человек (а две трети из них — дважды), стало совершенно ясно: вакцина помогает. Она резко снижает опасность заражения, даже если кругом бушует эпидемия, а в случае заражения, как правило, спасает от смерти,

В Лакхнау, где эпидемия среди английских и индийских солдат приняла особенно жестокие формы, Хавкин привил два

полка. Год спустя холера снова появилась в городе, но в этих воинских частях заболеваемость и смертность оказались более низкими, чем в непривитых, стоящих рядом полках. Было много и других прямых и косвенных фактов, подтверждающих ценность нового препарата. Жители сел и городов, через которые проходил хавкинский противохолерный отряд, задолго до официальных подсчетов, почувствовали спасительную силу вакцинации. В индийских газетах появились сообщения о митингах благодарности, которые стихийно возникали на пути бактериолога. А в одном из июльских номеров «Бомбей газетт» известила своих читателей, что «жители городов Лакхнау и Алигарх поднесли господину Хавкину серебряный кубок местной работы и кошелек с пятнадцатью тысячами рупий».

На Севере, неподалеку от русской границы, пароль: «доктор из России»[4] — приобрел еще большую притягательную силу. Здесь в предгорьях Гималаев давно бродило неизвестно кем брошенное «пророчество»: избавление от англичан придет с Севера. О России в этой индийской глуши знали ничтожно мало, но ей верили, ее любили.

Слишком громкая слава Хавкина в северных районах страны, видимо, не всем в Индии пришлась по вкусу. Желая подорвать доверие к ученому, одна из калькуттских газет пустила слух, что Хавкин — русский шпион. Власти поспешили заняться «расследованием». Англофильская пресса не преминула напомнить о «странной» записке русского посла в Лондоне, который, дескать, не случайно просил английское правительство допустить господина Хавкина в расположение воинских частей Индии. Однако очень скоро расследователям пришлось объявить, что они считают цели Владимира Хавкина «сугубо научными и гуманными». Газетная утка лопнула.

Но в сентябре 1893 г., когда экспедиция на обратном пути из Кашмира заехала в Лакхнау (здесь прививки дали особенно зримые результаты), Хавкина нагнала другая фальшивка. Некий Гопвуд, член палаты общин, известный в Англии противник оспопрививания, потребовал от британского правительства объяснить, «на каком основании и с чьего разрешения г. Хавкин отравляет холерными разводками в Индии солдат, достойных лучшей участи». Мне не удалось прочитать ответ правительства Ее Величества на этот бредовый запрос. Зато известно о сообщении, в котором говорилось, что жители города и руководители гарнизона Лакхнау в течение нескольких дней устраивали торжественные обеды и ужины в честь того, кто, не жалея сил и труда, спасал от холерной опасности тысячи военных и гражданских обитателей города.

Уколы большей или меньшей силы сопровождали экспедицию Хавкина до ее последнего дня. Крупные и мелкие чиновники (в том числе и начальник медицинской службы Индии, носивший громкую фамилию Гарвей) писали о «слишком слабом» влиянии прививок на эпидемию, о низком проценте тех, кого можно наверняка считать иммунными и т. д. и т. п. Однако никто из них не рискнул оспаривать достоверность отчета, который в середине 1895 года Хавкин напечатал в журналах Индии и Европы. Но прежде чем были опубликованы цифры, бактериолог предпринял еще одну большую экспедицию.

Весной 1894 года он вернулся из северных районов в Калькутту и оттуда вместе с Симпсоном и врачами-индийцами отправился в поход по третьей крупнейшей реке Индии — Брамапутре. Вакцинаторы посетили Ассам, Нижнюю Бенгалию, добрались до границ Бирмы. Новая поездка, продолжавшаяся более года, завершилась прививкой еще двадцати тысяч человек. «Мы объехали 98 населенных пунктов, — писал впоследствии Хавкин, — наиболее отдаленные точки отстояли от Калькутты в тринадцати днях пути. Некоторые места приходилось посещать два-три раза. Труднее всего было в долинах Индостана, в разгар индийского лета, а также на залитых полях Ассама в сезон больших дождей».

Эти скупые строки не дают, конечно, никакого представления о тех условиях, в которых маленькая группа врачей и биологов работала, забираясь в самые глухие дебри Северо-Восточной Индии. Ни сам Хавкин, ни его товарищи не вели дневников. Тем не менее по отдельным замечаниям, разбросанным в официальных отчетах, по газетным заметкам можно понять, что ученым приходилось не только превозмогать голод и жажду, но и преодолевать раскисшие, залитые зимними дождями дороги, а главное — жесточайшее сопротивление крестьян. В наиболее глухих районах индийцы не хотели прививаться по религиозным соображениям и просто потому, что жар и слабость наступающие после прививки, лишали их возможности выйти назавтра в поле. Иногда, чтобы привлечь бедняков-земледельцев на противохолерный пункт, им даже платили.

Очень глухо в одном из документов того времени прозвучало сообщение о том, что в каком-то селении воинственно настроенные поборники ислама (жители Восточной Бенгалии в основном мусульмане) пытались даже отравить Хавкина и его спутников. Для этого якобы был пущен в ход древнеиндийский способ. На руководителя экспедиции, искусанного комарами и москитами, ночью во время сна набросили ткань, пропитанную змеиным ядом. Сквозь расцарапанную кожу яд должен был

всосаться в кровь и убить белого доктора прежде, чем он проснется. Сам Хавкин не любил говорить об актах недоброжелательства со стороны индийцев. Но газеты охотно подхватывали подобные сенсации. Возможно, что именно это сообщение подсказало Чехову строки, упомянутого выше письма к Суворину.

И все же ничто не могло остановить «апостольское» движение маленького отряда. Поистине «апостольское». Десять лет минуло с тех пор, как пошли в сибирскую ссылку друзья Владимира Хавкина по одесским революционным кружкам. Но напрасно мы стали бы в 1894 г. искать во взглядах бывшего народовольца прежнюю ненависть к социальной неправде, стремление переделать мир. Наука — вот религия тридцатичетырехлетнего бактериолога Хавкина. Только наука, несущая свет всем без исключения, искоренит зло нищеты и неустроенность человечества. В списках вакцинируемых, которые ведет сам руководитель экспедиции, значатся всесильные махараджи, и последние из их слуг, солдаты английских гарнизонов, и заключенные английских тюрем, пилигримы, бредущие по горным дорогам в «святой город» Дхарвар, и генералы британской армии. Перед лицом новой богини — Науки — все равны. Нет, Хавкин не ханжа. Он отлично видит, что индийцы, как мухи, бьются в паутине законов и поборов, в паутине, которую свила горстка англичан. Он знает, что пятишиллинговый обед английского отставного майора в лондонской таверне равен двухмесячному доходу бенгальского крестьянина. И именно крестьянин Индии, все имущество которого оценивается не более как в десяток шиллингов, оплачивает своим трудом этот и тысячи других обедов белого сахиба. Ученый знает и о злоупотреблениях плантаторов в Ассаме, и о кровопийцах-ростовщиках, обрекающих крестьян и заводских рабочих на кабальное рабство. Вместе с тем он убежден в том, что нищета и голод, преследующие индийцев, и их подчиненное положение в собственной стране сгинут как только наука, просвещение проникнут в толщу народа. «Бомбометатель» восьмидесятых годов превращается в девяностых годах в мирного «апостола» просвещения.

Такую эволюцию пережили многие эмигранты, члены разгромленной «Народной воли»; среди них в девяностые годы появилось немало ученых (в том числе известный биохимик А. Н. Бах). Бывшие народовольцы ищут в науке внутренней опоры, которую не обрели в политической борьбе. Старые боги разбиты, революционные идеалы пролетариата в России едва намечаются. Остается вечная, как мир, иллюзия «малых, но добрых дел».

Своей оздоровительной миссии в Индии Хавкин придает

серьезное значение. Наука не имеет права дремать, когда люди страдают. Прививки — лучшая пропаганда просвещения и культуры. И он не жалеет средств и сил, чтобы охватить прививками как можно больше жителей каждого пораженного холерой поселка. Нередко даже деньги, которые вакцинаторы выплачивают крестьянам, давшим согласие подвергнуть себя прививке, идут из личного кармана руководителя экспедиции.

Нет, по-человечески автору решительно не в чем упрекнуть своего героя, разве что в излишней преданности несбыточным иллюзиям.

На моем столе фотография почти семидесятилетней давности, сделанная во время «похода на Брамапутру». На фоне жалкой сплетенной из трав деревенской хижины Хавкин прививает маленькую девочку индианку. Малышку привёл, очевидно, дед — обнаженный до пояса худой старик с длинной белой бородой. Такие же худые мужчины, женщины и дети, кто сидя на земле, кто стоя, наблюдают эту процедуру. Все на снимке кричит о потрясающей бедноте и полном отсутствии культуры. Теперь и до индийских крестьян дошел свет, распространяемый учением Пастера. Но какую часть благ получили от науки люди Индии по сравнению с обеспеченными жителями европейских городов? Для этих нищих едва ли бы что-нибудь изменилось, если бы даже сам Пастер во главе армии вакцинаторов явился для спасения Индии от эпидемии. Создателя бактериологии называют часто «благодетелем человечества». Не справедливее ли бы было именовать его благодетелем обеспеченного человечества? Ведь в то время, как индийцы девяностых годов платили смерти страшную дань до тридцати душ с каждой тысячи жителей, на родине Пастера умирало не более двадцати, а хозяева Индии — англичане с гордостью указывали на свою страну, как на государство с самой низкой смертностью в мире. Сорок два раза прибывающие из Индии суда завозили в 1893 году холеру на Британские острова. Но на берегах Альбиона заболело всего несколько человек. Врачи, наука, весь арсенал государственной власти зорко следили за сохранением здоровья граждан метрополии. В Англии за этот год было зафиксировано 64 больных, а в Индии около 500 тысяч. Как видим, солнце науки в отличие от небесного светила по-разному одаривает теплом своих детей…

С февраля по май 1895 года Хавкин находился в Ассаме, который путешественники называют «красивейшей областью Индии, краем зеленых долин, серебристо-прозрачных горных рек и шумных водопадов». Но Хавкин, направляясь туда, знал: в этом северо-восточном углу Индии, где на многие километры тянутся

плантации чайных кустов и около миллиона рабочих собирают 40 процентов мировой продукции чая, выпадает почти 12 метров осадков в год, доставляемых морским ветром-муссоном. Они превращают поля и дороги Ассама между июлем и сентябрем в сплошное болото. Количество больных малярией в крае уступает лишь числу жертв холеры. Особенно страдают рабочие-кули на чайных плантациях. В Индии существует даже выражение: «мрут, как ассамские кули».

В девяностых годах смертность кули начала беспокоить даже хозяев чайных плантаций. Объединение плантаторов пригласило Хавкина в Ассам и предложило ему произвести массовые прививки против холеры. Отряд бактериологов появился в поселках кули Калаин и Дугубер в начале февраля в самый разгар холерной эпидемии. Три тысячи рабочих — половина жителей поселка — получили по две прививки, остальные отказались. К маю холеру удалось почти полностью блокировать. В июле «Индиан медикал газетт» подвела итоги этой новой победы: «Среди тех, кто отказался прививаться, заболело 47 человек (1,43 процента) и умерло 20 (0,16 процента). А среди привитых заболело трое (0,1 процента) и двое умерло (0,06 процента), причем смерть одного из них вызвана, вероятно, кровавым поносом. Плантаторы остались весьма довольны последствиями и намерены, — писала газета, — ввести поголовное прививание кули, болезнь и смерть коих отражается на ходе работ крайне неблагоприятно».

Вот она, откровенная позиция подлинных хозяев Индии! Вот как они понимают цели и назначение бактериологии! Не знаю, читал ли сам Хавкин «Индиан медикал газетт», но одной этой заметки достаточно, кажется, чтобы увидеть, насколько далек от подлинной индийской жизни конца XIX века хавкинский идеал аполитичной науки, науки «для всех».

Летом 1895 года в Калькутте вышла довольно объемистая книга «Отчет Государственного бактериолога Хавкина об итогах двух с половиной лет работы в Индии». Вакцина против холеры несомненно оправдала возлагаемые ка нее надежды. Она не всегда, правда, оберегала от заражения, но, как правило, спасала от смерти. Прививки получили 42 тысячи человек. Две трети из них вакцинированы дважды. В первые же четыре дня все привитые приобретали невосприимчивость к холере. Смертность снижалась на 72 процента. Это значило, что смерть, вырывающая одиннадцать жизней из тысячи непривитых, могла теперь собрать не более трех жертв на тысячу среди тех, кто получил укол.

Так завершилось одно из самых крупных в XIX столетии испытаний противобактериальных средств. «Ценой настойчивой

борьбы Хавкину удалось преодолеть затруднения и подарить нам первое строго доказательное сообщение относительно значения предохранительных прививок для человека», — писал об этом научном подвиге профессор Пастеровского института ученик Мечникова А. М. Безредка. В Германии высокую оценку хавкинскому эксперименту дали Роберт Кох и Рихард Пфейфер. Недоверчивые немцы даже объявили, что они еще раз проверили данные Хавкина. Кох и Пфейфер ввели присланную из Индии противохолерную вакцину многим берлинским врачам и студентам, после чего испытали, как кровь таких людей влияет на холерные бациллы. Выяснилось, что у привитых кровь (точнее жидкая ее часть — сыворотка) действует на холерные микробы в двести раз сильнее, чем кровь непривитых.

Справедливые похвалы крупнейших знатоков микробиологии вовсе не означали, что холера в Индии побеждена. Эпидемия по-прежнему то там, то здесь вырывала из жизни белых и темнокожих подданных английской королевы. По-прежнему на внешнем рейде Калькутты трепетали на ветру желтые флаги. Однако свершилось важное. Человек перестал быть игрушкой микробных холерных полчищ. Медицина впервые обрела оружие против этой болезни, оружие действенное и надежное. Наука сделала свое дело. Бактериологу оставалось лишь передать свои функции администраторам для проведения массовых прививок по всей стране. Чопорная «Таймс», а вслед за ней многочисленные медицинские и не медицинские газеты Англии и Индии поздравили человека, уже спасшего тысячи жизней и подающего надежду на спасение миллионов. Увы, сам виновник торжества не мог слышать пролившегося на него потока славословия. В августе 1895 года Хавкин лежал в номере калькуттской гостиницы с очередным приступом малярии. «Поход на Брамапутру» закончился скверно: в болотах Ассама бактериолога настигла злокачественная лихорадка. Врачи запретили ему оставаться дольше в Индии. Но Хавкин оттягивал отъезд, надеялся, что приступы малярии пройдут и ему удастся завершить начатое дело. Он считал, что для доказательства абсолютной полезности вакцины еще недостаточно материала и его долг не исполнен.

Проходили недели. В Индии наступил сентябрь, один из самых жарких и тяжелых для европейцев месяцев. Хавкин чувствовал себя отвратительно. Малярийные приступы возвращались с убийственной точностью. Надо было уезжать. В один из таких дней, охваченный беспокойством о судьбе своего детища, бактериолог обращается к правительству Индии: «Из-за плохого здоровья я собираюсь на днях покинуть Индию, но я уверен, что проблема антихолерных прививок разрешена не до

конца. При восстановлении здоровья буду всеми силами стремиться решить эту проблему. С позволения индийского правительства был бы рад вторично посетить эту страну».

Забегая вперед, замечу, что Хавкин выполнил свое обещание. Полгода спустя он вернулся в Индию и привил еще 30 тысяч человек. Этот беспокойный искатель истины наверно еще долго продолжал бы истязать себя сомнениями, если бы болезнь не принудила его перебраться в Европу.

28 сентября 1895 года умер Луи Пастер. Хавкин был потрясен. Для него Пастер оставался не только великим ученым химиком, давшим новое направление медицине и биологии, но прежде всего учителем в самом широком и сердечном смысле этого слова. В стенах института Пастера родилась идея противохолерной вакцины. Там сложились научные принципы самого Хавкина. «В день, когда я прибыл из экспедиции в Индию, я нашел своего учителя г-на Пастера лежащим при смерти, — писал он в докладной записке Ассоциации английских медиков. — Со своей стороны я желаю только одного, чтобы вся похвала результатам, которых, может быть, мне удалось достигнуть, относилась к нему, к его священной памяти».

«Когда умирает ученый — умирает мир», — гласит индийская пословица. Для Хавкина вместе с Пастером ушел неоценимый мир идей, чувств, событий. Ушел целый этап его собственной жизни. Но прежде чем рассказать о том, как сложилась дальнейшая судьба героя, мне хочется вернуться к одному весеннему дню в конце апреля 1895 года, когда, преодолевая слабость, тяжело больной Пастер в последний раз приехал в институт и Эмиль Ру поставил перед ним микроскоп. Он показал великому ученому микроб чумы, незадолго перед тем открытый Иерсеном и японцем Китазато. Старый Пастер долго рассматривал этого пойманного, наконец, хищника. Он даже слабо улыбнулся, ощутив гордость за успехи своей замечательной гвардии. «Сейчас уже можно не сомневаться, — сказал он, — что придет день, когда предохранительные меры, которые предпримет один из моих учеников, остановят страшные бичи, терзающие человечество: бубонную чуму и желтую лихорадку».

Эти последние слова Пастера, произнесенные в стенах института, оказались пророческими. Полтора года спустя бывший ассистент Пастеровского института, государственный бактериолог индийского правительства Владимир Хавкин создал первую в мире вакцину против чумы.

БОМБЕЙ — «СТОЛИЦА» ЧУМЫ

Вторые сутки экспресс Калькутта — Бомбей мчится на запад. Поезд начал свой путь на побережье Бенгальского залива, пересек Индостанский полуостров и теперь приближается к конечной цели. Позади сырые лесистые равнины Бенгалии, заросли гигантского перистого бамбука и какие-то диковинные деревья, опутанные лианами. Позади и бескрайнее Деканское плоскогорье — сухое, пыльное с золотисто-желтыми полями в зеленых рамках пальмовых рощ. Завершен крутой спуск с плоскогорья к западному берегу через голые скалистые ущелья, виадуки, тоннели. Впереди Бомбей — второй по величине город Индии, город-порт, город-фабрика, окно, через которое вот уже двести лет Запад проникает в Индию.

Изнывающие от жары, духоты и пыли пассажиры уже мечтают об освежающем дуновении океанского ветра, о голубых волнах Аравийского залива. Но радужное настроение от предстоящего отдыха отравляют слухи, упорно ползущие навстречу поезду: в Бомбее чума. Английские газеты ничего не пишут об этом, но идущие на Восток составы полны беженцев. Страшная правда открылась лишь после того, как экспресс, миновав угрюмые скалы Западных Гатов, спустился на приморскую равнину. Здесь поток беженцев стал еще многолюднее. В глазах у большинства страх и растерянность. Они едут, сами не зная куда, только бы подальше от проклятого города, где ежедневно погибает сто, а то и двести человек. На станциях с поездов из Бомбея сбрасывают трупы погибших от чумы. Она не щадит никого, однако предпочитает бедняков. 48 часов — и совершенно здоровый человек превращается в труп. Болезнь-убийца почти не оставляет следов: у жертвы чуть припухают железы на горле, под мышками или в паху, да темнеет кожа. Таинственное заболевание бомбейцы приписывают финикам, привозимым из Сирии, пшенице, доставляемой из внутренних районов страны, и прежде всего иноземцам. Не случайно же чума фактически не трогает европейские кварталы.

Только один человек в калькуттском экспрессе знал подлинную причину того, что произошло в Бомбее. Этот молодой (на вид не старше 35 лет) господин с приятным, но непроницаемым лицом не очень охотно вступал в беседу со своими соседями английскими офицерами. Всю дорогу он оставался в строгом черном сюртуке и жара не могла растопить белого холода его туго накрахмаленных воротничков. К тому же он постоянно читал какие-то книги и пассажирам казался чем-то

вроде миссионера.

Расстегнув мундиры, офицеры играли в карты, бранили службу, Индию, духоту и неизвестно откуда свалившуюся новую напасть — чуму. Когда иссякал запас ругательств в адрес «этой проклятой Индии», начинались бесконечные разговоры об игре в крикет, гольф и повышении по службе. «Миссионера» с его книгами военные в душе презирали, как, впрочем, презирали всех штатских. Никто не полюбопытствовал даже, что именно читает чудак в черном сюртуке. А между тем это были книги о той самой чуме, которая всех волновала. И будь у вояк в пробковых шлемах на каплю больше любопытства и на грош меньше самомнения, молчаливый господин — бактериолог индийского правительства мистер Хавкин рассказал бы им о деяниях «черной смерти» в прошлом и о том, как и почему осенью 1896 г. чума стала владычицей Бомбея.

Первый человек, описавший чуму, греческий историк Фукидид, не только был очевидцем эпидемии, которая поразила Афины на второй год Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.), но ее жертвой. За триста лет до нашего летосчисления «черная смерть» стала известна в Египте. Видимо, из Африки ее занесли в VI веке в Восточную Римскую империю, где эта повальная болезнь продолжалась 50 лет, войдя в историю под названием Юстиниановой чумы. «Повсюду были траур и слезы, — писал современник, — целые города оставались без жителей, искавших спасения в бегстве; святейшие узы природы были порваны. Вся страна походила на пустыню, человеческие жилища стали убежищем диких зверей».

О чуме на Руси впервые упоминает летописец Нестор, который сообщает, что в 1090 году чума в течение 40 дней похитила 7 тысяч жизней. В «Царственной летописи» под 1230 годом говорится, что в Смоленске за несколько дней погибло 22 тысячи человек, а псковский летописец в 1237 году записал: «Мор зол на люди в Пскове и Изборске, мряху бо старые и молодые, мужи и жены и малые дети».

Никоновская и Псковская летописи в 1351 и 1352 годах дают точные признаки болезни. «Харкаху люди кровию, а инне железою болезноваху един день или два или три и тако помираху». Очевидно, на Руси была смешанная форма чумы легочной («кровию харкаху») и бубонной, вызывающей опухоль лимфатических желез (бубоны).

Четырнадцатый век в Европе — век чумы. Габриэль де-Мюсси, образованный юрист из Пьяченцы, живший в 1346 году в Крыму, рассказывает о болезни, которая уничтожила почти все население Причерноморских степей. Итальянские колонисты бежали на

родину. Несколько кораблей из Кафы (Феодосия) добрались до итальянских берегов и принесли эпидемию в Западную Европу. «Из тысячи людей, ехавших с нами, — вспоминает де-Мюсси, — едва уцелел десяток. Родные, друзья и соседи поспешили к нам с приветом. Горе нам! Мы принесли с собой убийственные стрелы: при каждом слове распространяли мы смертельный яд!»

Болезнь молниеносно разнеслась по Италии. В Неаполе погибло 60 тысяч жителей, в Генуе— 100, в Венеции тоже 100. Из 1350 членов Верховного Совета осталась в живых лишь треть, из 24 врачей умерло 20. В Венеции появились первые карантины — специально построенные дома, где в течение 40 дней выдерживались все приехавшие из пораженных чумой мест. Свое название эти заведения получили от итальянского слова quaranta — сорок. Но и карантины не помогали. Боккаччио утверждает, что во Флоренции смерть унесла 96 тысяч жизней. Через несколько месяцев чума обрушилась на Францию, где среди 80 тысяч жертв оказались две королевы. О сути и происхождении болезни Парижский медицинский факультет высказывал чудовищно-фантастические предположения. Причину эпидемии врачи искали во влиянии луны и звезд, в том, что евреи отравляют колодцы из ненависти к христианам (надо сказать, что взрывы чумной эпидемии во многих странах сопровождались еврейскими погромами). На Пиренейском полуострове чума сразила четыре пятых всего населения. Погиб от нее при осаде Гибралтара и король Альфонс XI.

Лондон, куда черная смерть добралась 1 августа 1348 года, отдал ей в жертву 100 тысяч жизней. За 7 месяцев умерла половина жителей Польши.

В середине XIV столетия чума опять вернулась на Русь; она навестила Рязань, Москву, Коломну, спустилась вниз по Дону и Волге и исчезла в тех самых местах, откуда начала свое роковое шествие. «Некотории же реша, — писала тогда Псковская летопись, — тот мор пошел из Индейской земли, от Солнечна града».

Папе Клименту VI был сделан доклад, из которого явствует, что во всем мире от чумы в XIV веке погибло более 40 миллионов человек. Из них 25 миллионов — европейцы.

Впрочем, черная смерть не ушла из Европы окончательно. Она появлялась вновь и вновь в течение XIV–XVI веков.

Особенно пышный пир чума справила в начале XVII столетия. В одной только Москве в 1602 году на казенный счет было похоронено 127 тысяч человек. Дьяк Мошнин, составитель «Росписи живым и мертвым», доносил царю Алексею Михайловичу, что «четверть домов боярских, окольничьих,

думных дворян и дьяков в Москве вымерло без остатка». Народ в панике бежал из города, несмотря на «заставы крепкие», и разнес заразу по всей России. Спустя 50 лет черные крылья чумы снова нависли почти над всеми крупными городами страны.

Восемнадцатый век оставил девятнадцатому в наследство эпидемию чумы в Африке, Сирии и Константинополе. Хотя в общем в век пара, прославившийся холерными пандемиями, чума как будто щадила человечество.

Наступившее затишье показалось некоторым медикам полной победой над черной смертью. «В наше время русскому человеку надо быть рогатой скотиной или свиньей, чтобы заболеть чумой. Homo sapiens благодаря современной культуре совсем потерял способность заражаться чумой», — заявил в 1874 году профессор Военно-медицинской академии Равич. А осенью 1878 г. в большом селении Ветлянке на Нижней Волге вспыхнула чумная эпидемия, унесшая 445 жизней — четверть жителей. Шесть лет спустя чума появилась на юге Китая, в Кантоне (Гуанчжоу) и в Гонконге (Сянган). Китайский император, чтобы подсчитать количество жертв, обратился с запросом к гробовщикам, и они сообщили, что за время эпидемии продали более 60 тысяч гробов.

«Наука потеряла престиж и надолго потерпела поражение», — писал в 1895 году по поводу событий в Гонконге католический писатель Брюнетьер. Но в век расцветающей бактериологии зловещее карканье черных ряс прозвучало как анахронизм. Гонконг стал не только очередной ареной трагедии бессильного перед чумой человечества, но и местом, где наука сделала первый успешный шаг к познанию сути этого бедствия. Посланец Пастеровского института Иерсен и японский профессор Кита-зато поймали и рассмотрели, наконец, убийцу миллионов — чумного микроба — короткую, широкую палочку с закругленными краями. Таких бацилл оказалось очень много в бубонах — паховых железах заболевших чумой. Там же в Гонконге ученые обратили внимание на мор среди крыс, который возник за две-три недели до эпидемии.

Древняя мрачная тайна, тысячелетиями окружавшая чуму, постепенно начала раскрываться. Иерсен занялся приготовлением противочумной сыворотки. Однако когда в июле 1896 года чума сделала очередной головокружительный прыжок и появилась в Бомбее, болезнь еще не умели ни останавливать, ни лечить. Кстати, в Бомбее подобная эпидемия уже бывала. Она посетила город в 1690 году. Незадолго до того его захватили португальцы. Чума превратила лагерь европейцев в пустыню. Из 1800 колонизаторов в живых осталось 50.

О том, что произошло этим летом в Бомбее, Хавкину

рассказали в медицинском департаменте Калькутты. Газеты, по указанию правительства, упорно «не замечали» распространения чумы в 800-тысячном городе. А между тем в июле на восточном берегу острова, где раскинулся Бомбей, в тесных и грязных кварталах бедноты врачи наблюдали несколько непонятных заболеваний, быстро кончавшихся смертью. 15 августа заболело еще два человека. Медики констатировали высокую температуру и признали воспаление легких. Через двое суток больные умерли. Эта смерть заставила задуматься местных врачей. Им удалось выяснить, что болевшие недавно вернулись из поездки в другой город, где общались с торговцами чаем из Кантона, и что в лавках кантонских купцов подохло немало крыс. Казалось бы все ясно — завезенная из Китая чума с крыс перебралась на товары, а затем и на человека… Но сигнал явной опасности никого не насторожил. Прошло еще 40 дней, прежде чем бомбейский врач Вигас окончательно установил; в Бомбее чума. Однако и после этого колониальные власти, опасаясь расстройства международной торговли, идущей в основном через бомбейский порт, продолжали замалчивать все разрастающуюся эпидемию. Даже тогда, когда в густонаселенных домах докеров и рабочих текстильщиков заболевало по 10–12 человек и более половины из них умирало, англо-индийские чиновники на официальный запрос русского правительства отвечали, что «чума существует в легкой форме, распознаваемой лишь с помощью микроскопического анализа». Это писалось в то время, когда в городе каждый месяц насчитывали две с половиной тысячи жертв эпидемии.

Из — за того, что факты не получали огласки, среди жителей Бомбея распространялись самые нелепые слухи. Некто Соломон Иджи, выдававший себя за «святого», объявил о приближении роковой даты Магастами, с которой начнется якобы золотое тысячелетие. К этому сроку мир с помощью чумы будет очищен от всех грешников и вершителей беззакония. Напуганные предсказанием 400 тысяч человек, почти половина жителей города, бежали на материк, не задумываясь, видимо, над тем, почему болезнь, которая так свирепствует в домах тружеников индийцев, обходит европейские кварталы, почти совсем не трогает главных «вершителей беззакония».

Среди первых 10 тысяч случаев чумы в Бомбее на район Эспланады, населенный белыми, пришлось всего 23 заболевания и две смерти. А в соседних индийских районах заболело и умерло за то же время в 10–20 раз больше.

Жители не доверяли больше ни врачам, ни чиновникам. Они перебирались через плотины, соединяющие остров с материком,

отплывали на пароходах в сторону Карачи и на юг Индостана, а то и просто уходили пешком куда глаза глядят, унося на спине узлы с немудреными пожитками. Беспорядочное бегство десятков тысяч обезумевших от страха людей заставило правительство задуматься. И среди первых предпринятых Калькуттой административных мер была командировка Хавкина на борьбу с чумой.

Он прибыл в Бомбей 7 октября 1896 года. Город пустел на глазах. Улички туземных кварталов совсем обезлюдели. Закрылись лавки и базары. Бежала прислуга. Многие европейцы вынуждены были перебраться в гостиницы.

В ближайшие сутки Хавкину отвели лабораторию в Центральном медицинском колледже. Помещение состояло из одной комнаты и веранды, штат — из писца и трех технических сотрудников. Поселился руководитель лаборатории в том же колледже. Скромность обстановки едва ли его беспокоила. «Не мраморные вестибюли создают величие ученого, а его душа и ум», — сказал почти 40 лет спустя создатель пенициллина Александр Флеминг. Для Хавкина эта истина была ясна с первых его шагов. Веранду быстро заполнили клетки с крысами и кроликами; в комнате появились столы с рядами пробирок и колб. На третий день в лаборатории начались опыты.

Хавкин приехал в пораженный чумой город с готовым планом действий. В то время как его бывший коллега по Институту Пастера врач Иерсен предпринимал попытку лечить чуму противочумной сывороткой, биолог Хавкин изыскивал средства, которые бы защищали здоровых и предупреждали распространение инфекции. Бактерирлог исходил при этом из той же пастеровской предпосылки, которая породила противохолерную вакцину: если ввести в тело здорового человека немного ослабленных или убитых возбудителей болезни, организм выработает сопротивительные вещества против внедрившейся инфекции. Возникнет иммунитет, невосприимчивость, даже к сильным дозам живых и активных возбудителей.

Однако одно дело теория, другое дело предохранительная вакцина от чумы, которую никто никогда прежде не изготовлял. Бесконечное число вопросов встало перед ученым. Как это ни странно, микроб чумы, погубивший миллионы людей, оказался существом на редкость хрупким и слабым. Потребовалось немало труда, чтобы сохранить его для исследований. Таким образом, прежде чем научиться убивать чуму, Хавкину пришлось придумать средство для ее сохранения и размножения. Ему удалось в конце концов установить, что чумная палочка не плохо

растет в обычном мясном бульоне. А чем ослабить микроб, чтобы превратить его в вакцину?

В маленькой лаборатории Центрального медицинского колледжа чумные культуры подвергались поочередно самым «жестоким» воздействиям. Их глушили хлороформом, травили фенолом, подогревали, высушивали. Пытались превратить в вакцину и органы зараженных чумой лабораторных животных. Высушенные ткани погибших от чумы кроликов давали, казалось бы, не плохой материал для прививок. Однако иногда в глубине тканей скрывались живые микробы. Это бывало очень редко, но бактериолог не может рисковать, если даже опасность заражения возникает в одном случае на миллион прививок.

От сушки пришлось отказаться. Долго не удавалось постигнуть также причину неудач с нагреванием вакцины. Нагретые до 65 градусов чумные культуры не вызывали у подопытных крыс иммунитета. Хавкин не мог понять, в чем дело: антихолерная вакцина при этой же температуре отлично сохраняла иммунизирующие качества. Кто виноват в том, что нагретая чумная вакцина не предохраняет лабораторных животных? Микробы? Крысы? Или сам экспериментатор, допустивший какую-то оплошность? Секрет неудачи раскрылся лишь спустя несколько месяцев, когда опыты перенесли на людей. Оказалось, что на тот же препарат организм человека реагирует иначе, чем организм животного. Нагретая чумная культура, не предохранявшая крыс, хорошо иммунизировала людей.

Впрочем, к испытанию на людях вел путь чрезвычайно длинный и хлопотливый. Прежде следовало решить множество проблем. Какие, например, дозы вакцины необходимы людям разного сложения и веса. Ведь действие препарата на человека зависит не только от самой вакцины, но и от того, кому ее впрыскивают. За три года, прожитых в Индии, Хавкин убедился, насколько истощено большинство крестьян, слуг, рабочих, портовых грузчиков. Средний вес взрослого индийского рабочего-мужчины, даже по официальным сведениям, не превышал 39–44 килограммов. То, над чем серьезно задумывался в лаборатории ученый бактериолог, год спустя стало темой выступления видного бомбейского публициста Малабари. «Индусские бедняки не имеют чем питаться, — писал Малабари в статье „Индия в 1897 году“. — Они тощают и становятся бессильными для борьбы с болезнями, в том числе с чумой, почти не трогающей людей сытых и живущих в довольствии».

Бактериолог обязан был также установить, какая боль, температура, слабость ожидает тех, кого он будет прививать.

Если реакция окажется слишком сильной, она отпугнет народ от прививок.

Маленькая лаборатория, готовящая спасение гигантскому, объятому ужасом городу, едва ли кого-нибудь серьезно интересовала в те осенние месяцы 1896 года. Лишь много лет спустя видный бомбейский ученый профессор Каналкар, изучая историю развития медицины в родном городе, оставил несколько строк о том, как создавалась противочумная вакцина. «Эпидемия все разрасталась. Доктор Хавкин очень торопился. Одновременно с подготовкой вакцины он читал многочисленные лекции для врачей-практиков по борьбе с чумой. Этот замкнутый и малоразговорчивый господин становился удивительно красноречивым, когда надо было научить кого-то основам противочумной борьбы. Работал он по 12–14 часов в сутки. Один из его помощников заболел нервным расстройством. Двое ушли, не выдержав испытание трудом и страхом».

Даже эти немногие строки показывают, как до предела напряженно работал Хавкин. Миллиарды смертельных доз чумы, клубившиеся в лабораторных сосудах, были отделены от людей лишь тонкой стенкой непрочного стекла. Неизбежная, казалось бы, смерть подстерегала ученого и его помощников на каждом шагу. Она могла появиться в виде волосяной, недоступной глазу трещины на колбе, укуса зараженной крысы или сотен других случайностей, которые нельзя было ни предугадать, ни предотвратить. Было чего бояться. Но Хавкина пугало только одно: медлительность, с которой рождалась вакцина. Впрочем, будем справедливы: первое в истории человечества предупредительное средство против чумы он создал за три месяца.

В декабре 1896 года вакцина в основном была готова. В темном чулане стояли ряды широких колб с мясным бульоном, который служил пищей чумным бациллам. Чтобы заставить эту армию плодиться еще лучше, Хавкин придумал на редкость простой и очень эффективный способ. Он капал на поверхность бульона кокосовое масло или бараний жир. Желтые круги масла служили своеобразной опорой для растущих колоний чумных палочек. Цепляясь за эти масляные понтоны, микробы, подобно сталактитам в пещерах, спускались до самого дна колбы. Сталактитовый рост, как установил бактериолог, — признак отличного самочувствия чумной колонии. Время от времени колбы встряхивали. «Сталактиты» опадали на дно, а сверху начинали расти новые чумные сосульки. Через шесть недель эту дьявольскую настойку подвергали нагреванию, микробы гибли и серая взвесь миллионов микробных тел и их ядов превращались в

благодетельное лекарство — вакцину.

Благодетельное? Это еще надо было доказать. В конце декабря, незадолго до нового года, в лабораторию доставили 20 здоровых крыс, только что пойманных на борту прибывшего из Европы парохода. Половине животных Хавкин сделав прививку противочумной вакциной, а затем пустил в общую клетку крысу, зараженную чумой. Опыт завершился через сутки. Девять непривитых вчерашних здоровяков лежали на боку, сраженные чумой, а из десяти привитых зверьков не заболел ни один. Дальнейшие эксперименты на животных не могли дать ничего нового. Теперь надо было узнать, вызывает ли эта вакцина иммунитет у людей, определить дозу лекарства для человека и выяснить, каким страданиям подвергнется привитый. Но для этого надо сделать прививку людям. Кто рискнет первым ввести себе препарат, в котором хотя и не осталось живых микробов, тем не менее сохранился убийственный чумной яд? Возможно, среди бедняков Бомбея нашелся бы человек, готовый ради заработка пойти на такую операцию. Однако жизненные и научные принципы не позволили Хавкину ставить на карту чью бы то ни было жизнь. Ученый поступил так, как не раз уже делали борцы с заразой: действие чумного яда он испытал на себе.

Это произошло ранним утром 10 января 1897 года, в той же самой лаборатории Медицинского колледжа, где ровно за три месяца перед тем Хавкин предпринял свой первый эксперимент.

Испытание проходило в тайне. Только два человека знали о нем: доктор Сюрвайер, который должен был сделать инъекцию, и директор колледжа, приглашенный как свидетель. Чтобы быть уверенным в безвредности больших доз вакцины, Хавкин попросил ввести себе 10 кубических сантиметров самого сильного раствора, имевшегося в лаборатории. Десять кубиков — чудовищное количество яда. Бактериолог получил по крайней мере в четыре раза большую дозу, чем та, которую вводили потом жителям Бомбея, когда начались массовые прививки. Английский писатель и врач Д. Мастерс так описал этот исторический момент:

«Ученый спокойно обнажил левый бок: врач ввел под кожу иглу шприца и сделал смертоносное впрыскивание. Затем он обнажил правый бок и была сделана вторая прививка. Хавкин оделся и со спокойным мужеством стал ожидать своей судьбы. Через час или два у него началось лихорадочное состояние. Он без труда обнаружил у себя хорошо известные ему симптомы чумы. Через девять часов температура поднялась до 38,9°. Он сидел и работал, никому не говоря о случившемся. На следующее утро он с трудом мог подняться с постели, настолько

болезненными были места уколов, сильно воспаленные и опухшие. Тем не менее он встал и присутствовал на очень важном заседании с участием главного директора врачебного ведомства Индии. Сам Хавкин так говорил об этом: „Я едва был в состоянии принять участие в этом заседании, но пока не исчезли окончательно все симптомы, едва ли кто-нибудь мог догадаться, что мне сделана прививка“. Таков один из исторических примеров тайком творимого добра…», — завершает свое описание доктор Мастерс.

Об эксперименте Хавкина действительно несколько дней никому не было известно. Никто, может быть, и не узнал бы об этом опыте, если бы не возникла необходимость продолжать прививки на добровольцах. Чтобы убедить медиков в безопасности вакцины, Хавкин зачитал сотрудникам Медицинского колледжа строгий и точный протокол самонаблюдений, который он вел с момента прививки. Что и говорить, эксперимент был не из легких! Сам Хавкин рассказывал, что «чувствовал себя так, как будто ему одновременно сделали прививку в 16 местах и каждое из них болезненно».

Тяжелая реакция после прививки, конечно, печальное добавление к достоинствам вакцины. Но можно ли было раздумывать об этом в городе, где ежедневно продолжали умирать от чумы сотни людей и где вакцинация оставалась единственным верным средством, способным противостоять эпидемии? В ответ на призыв Хавкина преподаватели и студенты колледжа — индийцы и европейцы — единодушно сделали себе прививку. Их примеру последовали еще несколько сот интеллигентных жителей Бомбея. Но все это были в основном люди Эспланады, обитатели наиболее богатой и культурной части города. А как найти путь к сердцу тех миллионов, что ютятся в трущобах Пареля, Байкулла и Мандви? Как пробить брешь в стене равнодушия чиновников городского управления. Как заставить их организовать прививочные пункты для тех, кто хоть как-нибудь соприкасается с больными?

Неожиданно обстоятельства повернулись так, что городские власти вынуждены были сами прибегнуть к помощи Хавкина. В бомбейском районе Байкулла, в исправительном доме Ее Величества вспыхнула чума. Несколько арестантов умерли. 30 января 1897 года бактериолог с группой врачей вступил на мощенный камнем внутренний двор тюрьмы. Испуганные эпидемией начальник исправительного дома и тюремный врач предложили привить поголовно всех арестантов, не спрашивая на то их согласия. Хавкин не пошел на это. Байкулла — первое

место, где прививки должны были получить не европейцы, и не отдельные образованные индийцы, а в подлинном смысле слова народ. Действие препарата до конца не изучено. Как он поведет себя при массовых прививках тоже неизвестно. Навязывать вакцину силой при таких обстоятельствах значило бы в случае неудачи отпугнуть в будущем тысячи людей там, за тюремной стеной. 337 заключенных, в основном молодежь, стоя выслушали речь Хавкина. Когда переводчики перевели слова ученого на хинди, маратхи и урду, врачи индийцы на глазах заключенных сделали друг другу прививки. После этого один из медиков спросил арестованных, кто из них хочет подвергнуться вакцинации. Добровольцев набралось 134 человека.

Пожалуй, эта операция потребовала от Хавкина не меньше душевных сил, чем опыт на самом себе. Именно здесь во дворе исправительного дома недоверчивому ученому предстояло произвести главный, решающий эксперимент. И действительно, трудно придумать более подходящие для этого условия. В замкнутом пространстве тюрьмы, где привитые и непривитые находились в одинаковых условиях, должны были с железной закономерностью раскрыться все «за» и «против» нового препарата. Хавкин, получивший на время прививок особые полномочия, не покидал тюрьму целую неделю. Сколько раз он и его помощники переходили от надежды к отчаянию. Особенно страшной была первая ночь. Через два часа после инъекции у двух юношей индийцев вспухли в паху лимфатические железы. Спасти их не удалось, вакцина не могла остановить уже начавшееся заболевание. Но в ту ночь и у остальных вакцинированных появились грозные признаки чумы. Охваченные жаром люди страдали от боли, метались и нельзя было понять, заболевают они или просто вакцина дала такую реакцию. Только через неделю все стало ясно: вакцина сберегла немало жизней. Кроме тех двоих, что умерли, прежде чем в их теле образовался иммунитет, из 134 привитых заболел лишь один, да и тот скоро выздоровел. А 177 отказавшихся получить вакцину жестоко поплатились: 13 заболели чумой, из них 7 уже больше не поднялись.

Творцу вакцины эта полная волнений неделя подсказала многое. Доза препарата, которую он определил теоретически, оказалась правильной. Оправдала себя и нагретая вакцина. Торжество теоретических расчетов означало для Хавкина не меньшую победу, чем практический итог прививок. Дело в том, что городские бомбейские врачи с недоверием отнеслись к его предсказаниям о действии прививок. Теория борьбы с инфекционными болезнями, разработанная в Институте Пастера,

мало кому еще была известна в Индии. На лекциях, которые Хавкин читал для местных медиков, ему не раз приходилось выслушивать иронические замечания. А однажды бактериологу напомнили даже древнюю индийскую пословицу: «Философ, ошибающийся в предсказаниях, должен остаток своей жизни хранить молчание». Теперь, после событий в тюрьме, можно было, не боясь насмешек, громко заявить о противочумной вакцине. Это было тем более необходимо, что прививки среди заключенных совпали с самым жестоким месяцем эпидемии: в январе и феврале

1897 г. в Бомбее ежемесячно умирало около трех тысяч человек. Беглецы из Бомбея разнесли чуму по всему северо-западному побережью Индии. Эпидемия охватила территорию с населением в 18 миллионов человек, по площади равную Франции. Вести о сотнях смертей начали поступать из Карачи и Хайдарабада, из Пуны и Палампура. Чума пришла в житницу Индии Синд, в штаты и княжества, расположенные на Северо-Западе. Для правительства стало немыслимым далее скрывать эпидемию. Общественность Индии и Европы требовала срочных мер против чумы. И меры последовали.

5 марта 1897 года в Бомбее было объявлено о создании Чумного комитета. Во главе комитета стал начальник гарнизона бригадный генерал В. Гетакр, получивший «в соответствии с актом № 3 об эпидемических болезнях» диктаторские полномочия. Генерал не затруднял себя раздумьем о происхождении чумы и действовал так, как привык действовать в покоренной стране: с помощью солдат и винтовок. (Мне довелось видеть бравую физиономию этого вояки в одном из журналов начала XX века среди «героев» англо-бурской войны.) Гетакр разделил Бомбей на участки и каждое утро отряд из двух полицейских и четырех туземных солдат-сипаев производил поголовный осмотр всех помещений города. Если «борцы с чумой» обнаруживали больного, они укладывали его на ручную тележку и везли в ближайший госпиталь. Остальных жителей квартиры отправляли в изоляционные лагеря, находившиеся за городом, а опустевшее жилье подвергали дезинфекции.

В официальных отчетах, которые английские газеты начали незамедлительно публиковать, деятельность Чумного комитета выглядела очень привлекательно. И впрямь: больные направлены в госпиталь, подозрительные на чуму отделены от окружающих, зараженные помещения дезинфицированы. Чего желать еще? Но вот несколько свидетельств современников о том, что представляли собой бомбейские госпитали и так называемые изоляционные лагеря.

«Госпиталь Карч-Манди оставляет тягостное и удручающее впечатление. Острых больных 120–140 человек, умирает ежедневно 20–30. Обстановка примитивная; госпиталь устроен из бывшего постоялого двора под навесом. Прислуги мало, четыре сиделки выбиваются из сил, у врача руки опускаются. Утром на кровати лежит один больной, вечером — уже другой. Нет возможности исследовать больного, не говоря уже об истории болезни. Лечебных средств никаких, помочь нечем: там и сям раздаются жалобные стоны умирающих и лишь мухи торжествуют, усердно уснащая глаза и уши больных. Такая картина не скоро изгладится из памяти», — писал видный русский эпидемиолог, профессор В. К. Высокович, прибывший в Бомбей в феврале 1897 года.

«Дезинфекция» по генералу Гетакру тоже приобрела довольно своеобразные формы. Жилища горожан заливали дезинфицирующими растворами. «Пожарные трубы употреблялись для карболовой кислоты, а для сулемы употреблялись ручные насосы, — сообщает доктор А. М. Левин, командированный русским правительством в Бомбей для наблюдения за развитием эпидемии. — Задачи дезинфекции помещений чрезвычайно облегчались тем, что у громадного большинства индусов низшего сословия нет почти никакой мебели и домашних вещей. Имущество индуса-чернорабочего ограничивается обычно кое-какой кухонной посудой и носильным платьем». В деревнях солдаты просто опрокидывали крыши хижин, дабы дезинфекцию производили солнечные лучи.

В те же годы в Индии побывал и другой наш ученый историк Новицкий. Он навестил зачумленный Бомбей в марте 1898 года и вскоре затем направился поездом в Калькутту. Вот что он увидел по дороге: «Кое-где встречаются чумные изоляционные лагеря, наполненные туземцами. Грустное зрелище представляют они собой на фоне роскошной природы! Под дырявыми соломенными навесами голые, полуголодные, изнывают сотни индусов, в ожидании своего освобождения от необходимого, но жестокого плена».

Плен, о котором пишет Новицкий, был не только жестоким, но подчас и бессмысленным. В лагеря загонялись все без разбора: и тот, кто имел контакт с больными, и тот, кто не имел, но случайно оказался под рукой. Доктор Левин рассказывает, что пребывание в таких лагерях в течение 10–11 дней превращалось для индийцев в пытку. «Из одного такого лагеря, в котором находилось около 300 человек, однажды сразу убежало 75 человек, — сообщает Левин. — Только необычайной покорностью и привычкой к повиновению, отличающей индусов, можно

объяснить то обстоятельство, что подобные факты не повторялись часто».

Впрочем, доктор Левин сам же развенчивает миф о «необычайной покорности» индийцев, когда начинает рассказывать о том, какие отношения сложились между отрядами генерала Гетакра и жителями Бомбея. «Население всеми средствами старалось скрыть больных из страха перевозки их в госпитали… Для сокрытия больных родственники пускались на всевозможные хитрости. Запирали их в сундуках, в которых они иногда успевали задохнуться, пока инспекционный отряд находился в доме; прятали в самые глухие углы чердаков и закидывали разным хламом. В одном случае умирающую от чумы старуху усадили лицом к окну и дочь все время усердно расчесывала ей волосы, пока инспекционный отряд осматривал помещение». Вскоре после введения осмотров Гетакру были поданы письма от бомбейцев, возмущенных грубостью и бесцеремонностью его инспекторов. В городе назревали волнения. В ответ на это генерал самолично встал во главе инспекционного отряда, осматривающего наиболее неспокойные районы города. Рота вооруженных солдат поддержала авторитет председателя Чумного комитета. Но в марте 1898 года комитет уже не смогли спасти даже штыки. 15 тысяч докеров и железнодорожников Бомбея бросили работу в знак протеста против творимых бесчинств. По общему мнению, комитет Гетакра больше способствовал распространению чумы, чем борьбе с нею. К стачке примкнули городские возчики и лавочники. В большом городе замерли транспорт и торговля. «Они выразили недовольство тем, что пока они на работе, их друзей и близких забирают в сегрегационные лагеря, их дома и имущество уничтожают», — писала 12 марта «Таймс оф Индиа». Стачечники добились своего: правительство согласилось отменить наиболее бесчеловечные меры. Однако беспорядки продолжались и позже. В городе Гарчанкар колонизаторы пустили в ход оружие. В итоге — 8 убитых и 27 раненых. В деревне Бенгал сопротивление властям оказали крестьяне, которые не могли вынести жары в открытых лагерях, куда их выселили «из предосторожности».

А Хавкин? Как он ко всему этому относился?

* * *

Молодой Чарлз Дарвин сказал как-то своему другу Лайэллю: «Как хорошо было бы, если бы все ученые умирали в шестидесятилетием возрасте, потому что, переступив за этот

возраст, они обязательно начинают оказывать сопротивление каждому новому учению».

Возможно, эта грустная шутка приходила на ум и бактериологу Хавкину, когда по долгу службы ему приходилось заседать в кабинете генерала Гетакра, кстати весьма близкого к указанному выше критическому возрасту. Генерал не был ученым. Но высокие полномочия председателя Чумного комитета убеждали его в том, что в медицинской и биологической науках он разбирается не хуже специалистов. Он считал недостойным своего высокого ранга спорить с творцом противочумной вакцины, однако профилактические прививки ставил в один ряд с заклинаниями индийских факиров. Зато Гетакр был твердо уверен, что, обдавая стены и полы помещений, где лежали больные, карболкой и раствором сулемы, можно, в конце концов до последнего перебить всех чумных микробов. А почему бы и нет? За свою службу этот пожилой военачальник не раз получал от старших командиров инструкцию «пленных не брать» и всегда добросовестно выполнял приказание. Короче, начальник бомбейского гарнизона был убежден, что полная победа над чумой будет одержана на внешнем плацдарме и все зависит лишь от исправной службы сипаев и количества баллонов карболовой кислоты.

Хавкин держался прямо противоположного мнения, и это, естественно, не способствовало его дружбе с председателем Чумного комитета. Еще осенью 1896 года бактериолог понял, что индийская чума одна из тех болезней, при которой едва ли возможно ограничить участок действия инфекции или победить ее в источнике. В отличие от возбудителей оспы и бешенства, чумный микроб живет не только в зараженном организме: он развивается в земле, в зданиях, в теле животных, насекомых, окружающих человека.

В условиях огромного, густонаселенного города бессмысленно атаковать чуму в лоб, разумнее с помощью прививок предохранять людей от ее воздействия.

В многочисленных лекциях, которые Хавкин читал в Бомбее и его окрестностях, ученый доходчиво разъяснял свою мысль. «Есть много явлений в природе, остановить которые мы не в силах, — говорил он жителям города Пуны. — Но мы можем избежать их или предохранить себя от них в индивидуальном порядке. Могу привести для аналогии нашу неспособность остановить жару на равнинах Индии. Однако одни могут легко избежать ее, уехав в горы, другие же, те, кто не имеет возможности уехать, могут обзавестись хорошим опахалом. Или, если вы не можете уничтожить москитов на реках и болотах, вы зато можете

индивидуально предохранить себя от них, надев противомоскитную сетку».

Даже люди, далекие от науки, с помощью этой аналогии постигали в конце концов смысл хавкинских предохранительных прививок от чумы. Но генерал Гетакр лекций не слушал, советов тоже. Сипаи и полицейские с винтовками на ремне все еще обходили каждое утро дома Бомбея, а посреди улиц на больших блюдах, извергая клубы удушливого дыма, горели куски серы: так по указанию Чумного комитета «очищался» от заразы воздух города.

Если бы Хавкин был врачом, он мог бы охарактеризовать действия британской администрации в Бомбее известным латинским выражением: utfaliquid fiat videattur, в переводе означающим: «Чтобы казалось, что что-то делается». К такой формуле врачи прибегают, прописывая безнадежным больным розовую слегка подкрашенную водичку. Но и не будучи медиком, Хавкин понимал, что одних санитарных мер недостаточно. Эта мысль сложилась в нем еще в тот день, когда по приглашению властей он обследовал один из зараженных кварталов Бомбея — Мандви. Ему пришлось тогда много раз подниматься по лестницам — бедняки Мандви жили в высоких пяти-шестиэтажных домах, — брести ощупью по длинным душным коридорам, в которые почти не проникал свет. Страшная картина предстала перед Хавкиным и его спутниками, когда они вошли в одну из комнат. В помещении, площадью не более десяти квадратных метров, лишенном, как и коридор, окна, ютились несколько семей. В этой коробке без света и воздуха существовало восемь, а может быть, и десять человек. То же Хавкин видел и в соседней комнате, и в соседних домах. Чудовищная теснота и бедность рождали грязь и болезни. Да и о какой чистоте можно говорить, когда в доме нет кухни, и один водопроводный кран приходится на весь этаж.

«Когда они показали мне ряд зданий, где жило от 700 до 1000 человек, и сказали, что случаи заболеваний возникли по всему району в домах, подобных этим, я понял, что нет никакого смысла прибегать к мерам, которые утвердил муниципалитет. (Это было еще до организации Чумного комитета. — М. Я.). Тем не менее я одобрил все то, что было проделано, включая сжигания серы прямо на улице. Я хотел показать этим, насколько исполнительные власти не в силах приостановить рост чумы в Бомбее…»

Хавкин не противился санитарным мерам и по другой причине. Как всегда бесконечно требовательный, когда речь шла о научных выводах, он хотел выверить механизм действия

вакцины так, чтобы не возникало ни малейших сомнений в пользе препарата. Он продолжал не доверять собственным наблюдениям и после прививок в исправительном доме в Байкулла и после того, как в течение следующего месяца в его тетрадях набралось еще 8200 записей о прививках среди городских жителей. И хотя вакцинации были уже обучены десятки врачей, а в лаборатории стояли большие запасы препарата, Хавкин не начинал открытого спора с Гетакром и его «системой». Это не было трусостью, потому что полгода спустя бактериолог весьма решительно выступил против принципа «розовой водички». Скорее всего молодому ученому весной и летом 1897 года не хватало поддержки, слова одобрения, произнесенного кем-нибудь из авторитетных коллег. Наука о микробах, еще бедная кадрами, не имела в Бомбее к моменту распространения там эпидемии своих представителей. Но скоро долгожданное слово прозвучало, и прозвучало оно по-русски.

В 1897 году правительства ряда стран послали в Бомбей медиков для наблюдения над эпидемией. Немцы, итальянцы, французы и русские не без основания ожидали, что следующий свой налет «черная смерть» предпримет на один из портов Европы.

Командированным в Индию бактериологам предписывалось самым тщательном образом накапливать опыт по борьбе с чумой. В марте в Бомбей прибыли три русских чумолога: один из них харьковский профессор Владимир Константинович Высокович, другой Даниил Кириллович Заболотный, будущий академик. В первый же день по приезде Заболотный навестил лабораторию Хавкина. Потом в Индии бывали и другие русские врачи (А. Ф. Вигура, А. М. Левин, В. П. Кашкадамов). Но первое свидание с посланцами родины, после почти десяти лет, проведенных на чужбине, оставило в душе Хавкина неизгладимый след.

При всей своей сдержанности Хавкин не мог скрыть, как обрадовала и ободрила его встреча с земляками (все трое оказались уроженцами Украины). В стенах Бомбейского медицинского колледжа впервые зазвучала русская и украинская речь, впервые за много лет заведующий лабораторией услышал свое полное имя-отчество: Владимир Ааронович. Русская группа пользовалась самым сердечным гостеприимством в лаборатории Хавкина. Высокович и Заболотный получили полную информацию о характере эпидемии, методах лечения и предупреждения чумы. А когда русские врачи пожелали проверить действие собственной противочумной сыворотки, Хавкин организовал опыты в крупнейшем, наиболее совершенном госпитале Бомбея.

Личная симпатия приезжих медиков к своему земляку не помешала им, однако, поначалу очень сдержанно отнестись к противочумной вакцине, которую они между собой называли «лимфой Хавкина». В письме, направленном в Россию 30 апреля 1897 года, Заболотный, касаясь прививок хавкинской вакциной, писал: «Английские врачи все еще относятся к этому способу сдержанно». Но месяц спустя развернулись события, которые заставили приезжих (и не только приезжих) совсем по-иному оценить научную и практическую деятельность Владимира Хавкина.

В конце февраля в Бомбее стало известно, что чума занесена в Даман — маленькую, состоящую из трех деревень португальскую колонию, со всех сторон окруженную английской территорией. В Дамане произошло то же, что и повсюду при появлении чумы. Из 10 тысяч жителей разбежалось более двух. Тогда португальские войска окружили деревни, а английские части, последовав их примеру, оцепили Даман вторым кольцом. Всякое движение через две цепи войск прекратилось. Восьми тысячам окруженных осталось только терпеливо ждать своей участи.

В осажденное чумное гнездо Хавкин послал двух наиболее надежных учеников с запасом «лимфы». Прививки продолжались два месяца. Врачи вели самый строгий учет привитых, непривитых, заболевших и умерших (умерших считала губернаторская стража, поставленная на кладбище). И вот в конце мая 1897 года в бомбейских газетах появились поражающие цифры. Из 6 тысяч человек, отказавшихся от вакцины, умерли 1482, а из 2200 привитых только 36, то есть чуть больше, чем полтора процента. «Смертность среди непривитых в пятнадцать раз больше, чем среди тех, кто согласился вакцинироваться, — записал в своем отчете русский врач Вигура. — Числа достаточно велики, чтобы исключить случайность».

В июле произошел новый взрыв чумы, теперь в глубине Индостанского полуострова. Эпидемия поразила небольшое местечко Ланаули. В жаркую летнюю пору по бездорожью Хавкин с доктором Левиным добрались до этого поселка, затерявшегося высоко в горах Декана. И снова поголовный осмотр, добровольная вакцинация. Хавкин целыми днями ходил по домам со своей сумкой, осматривал, уговаривал, прививал… «Я, к сожалению, не имею еще точных статистических цифр и могу говорить лишь на основании личного впечатления, — писал в своем отчете доктор Левин. — В течение трех недель от начала прививок до моего отъезда из Ланаули было привито в общей сложности 487 человек. Из коих заболело за это время всего 5 и умерло 3, тогда

как из числа непривитых ежедневно заболевало не меньше 10–12 человек, из коих добрых три четверти умирало. Таким образом, мои личные впечатления, почерпнутые в Ланаули, вполне гармонируют с цифровыми данными относительно Дамана».

В Дамане и Ланаули наиболее четко проявились достоинства и недостатки «лимфы Хавкина». Препарат не спасал от заражения всех привитых, однако значительно повышал шансы получившего прививку остаться здоровым в чумном окружении. А главное — он сохранял жизнь людям. Смертность среди заболевших, но ранее вакцинированных, уменьшилась на 85–90 процентов. Русские медики не преминули сообщить в Петербург об успехах «лимфы». Предохранительное действие препарата Хавкина было очевидным особенно при сравнении его с лечебными сыворотками других бактериологов, экспериментировавших в Бомбее. Противочумные сыворотки Иерсена, Люстига и Галеотти, увы, никого не спасали.

Устные и письменные отзывы русских медиков имели серьезные последствия, сказавшиеся на судьбе «лимфы» и ее творца. В то время, когда Петербург запрашивал точную технологию вакцины, бомбейское общество настойчиво требовало замены жестокой и бесцельной «гигиенической» системы генерала Гетакра более гибкой, включающей массовые прививки в очагах эпидемии. Эта общественная волна совпала зимой 1898 года с очередной волной чумных заболеваний. «Черная смерть» опять еженедельно уносила сотни жизней. Все чаще можно было видеть в городе погребальные шествия и все чаще им преграждала путь полиция. По новому приказу правительства власти получили право останавливать похоронную процессию и требовать от родственников покойного официальный документ о причине смерти. В районе христианского кладбища, на месте кремации индийцев и у «башен молчания», где хоронят умерших огнепоклонники-парсы, то и дело возникали стычки горожан с полицией. В этой напряженной обстановке «Бомбейская газета» напечатала несколько довольно резких «Писем к редактору». Авторы писем настойчиво напоминали о вакцине Хавкина.

«Сэр, — писал 11 января один из читателей, — я, как и многие другие горожане, хочу спросить: „Все ли делается конституционными властями, чтобы прекратить чуму?“ Я вижу, что тратятся крупные суммы и проводится большая работа по созданию карантинов, запрещению приезда в Бомбей. Но так как Бомбей буквально дышит испарениями чумы, разрешите задать вопрос: „Какая нам польза от таких карантинов? Может ли кто-нибудь приехавший в Бомбей еще более усилить угрозу нашей общей безопасности?..“ И последний из моих вопросов, самый

важный: „Что было сделано, чтобы покончить с чумой методом прививок доктора Хавкина?“ Ответ — ничего, или почти ничего. Между тем в настоящее время уже доказано, что система прививок является наиболее эффективной и что если бы каждый получил порцию вакцины, то чума тотчас прекратилась бы. Сделали ли власти хоть один шаг, чтобы воспользоваться этим лекарством в Пуне, в Шолапуре, Сурате и Бомбее? Предоставляю публике самой ответить на этот вопрос… Сейчас не время говорить о расходах. Лучше тратить сотни тысяч рупий на прививки, чем на никому не нужные пограничные войны.

Мне кажется, надо принять следующие меры: на каждой улице отвести барак или комнату, где специальный персонал делал бы прививки. Бедным, согласившимся на прививки, выплачивать деньги, особенно, если от этих прививок поднимается температура. Лекторы из местного населения должны читать лекции по этому вопросу, необходимо также раздавать листовки, разъясняющие полезность вакцины, а врачам ходить из дома в дом и делать прививки их обитателям.

К профессору Хавкину обращены наши взоры. Бомбей обязан выразить глубокую признательность этому джентльмену. Имя его будет вписано большими буквами в Бомбейский список почета».

Высокая оценка, которую дали прививкам иностранцы, и успех в Дамане и в Ланаули подняли авторитет Хавкина среди коренных индийцев. Долгое время упорным противником любого применения пастеровских методов в Индии оставался старейший и весьма уважаемый в Бомбее медик Бахадурджи. Но вот передо мной протокол совещания, состоявшегося в бомбейском муниципалитете 13 января 1898 года. Крупные врачи и администраторы города — индийцы и европейцы — вели горячую дискуссию вокруг вопроса о борьбе с чумой. Против профилактической вакцинации почти никто не выступал. Зато всеобщее одобрение получила речь доктора Бахадурджи. «Власти занимаются проблемой профилактических прививок как-то двусмысленно, — сказал старый врач. — Если они не верят в прививку, их долг заявить о своем неверии, если верят в ее благо — пусть всерьез займутся вакцинацией… Практически можно прекратить чуму в две недели, приняв суровые меры по проведению прививок».

Члены муниципалитета доктора Кавасджи Хармусджи и Катрак, Фазубхой, Виерам и другие единодушно согласились открыть в городе как можно больше противочумных пунктов. Совещание обратилось к представителю правительства с просьбой помочь населению в получении противочумной прививки, обратиться ко всем врачам города с письмом, «рекомендующим

им всячески способствовать распространению прививок мистера Хавкина». И, наконец, «опубликовать на местных наречиях и распространить по городу результаты проверок системы мистера Хавкина».

Пусть не посетует читатель за пространные цитаты из газет и официальных отчетов. Но ведь это подлинные документы признания, подлинные свидетельства того, что год войны с чумой и человеческими предрассудками не прошел для ученого напрасно. Подумайте, как нелегко исследователю из чужой страны добиться уважения и доверия в чужом огромном городе, где живет почти миллион человек, разобщенных различием языков, вер, каст. Политические, экономические, религиозные противоречия переплелись здесь в сложнейший тугой узел, который, казалось, не развязать за века. И вот в этом водовороте страстей Хавкин завоевывает тысячи сердец. Он делает это не с помощью политической демагогии, не с помощью подкупа, лицемерия и обмана. Сила воли, сила характера и науки — вот единственные средства, которые помогают ему обрести любовь индийцев. Даруя людям самое дорогое — жизнь, ученый ничего не хочет лично для себя. Он по-прежнему живет в небольшой комнатке рядом с лабораторией, и, будучи видным правительственным чиновником (бактериолог Индийского правительства!), ходит по городу пешком, потому что отдал полагающуюся ему для разъездов лошадь для нужд лаборатории, где проводят опыты с противочумной сывороткой. Неужели повесть о такой судьбе покажется кому-нибудь слишком длинной?

Шел к концу тысяча восемьсот девяносто восьмой год, год нелегких, ко заслуженных побед маленькой лаборатории. Впрочем, она уже перестала быть маленькой. Один крупнейший богач Индии, прививший в самые первые дни эпидемии шестьсот своих слуг и убедившийся в пользе прививок, предоставил в распоряжение бактериолога одну из своих дач.

В июле закрылся окончательно себя скомпрометировавший Чумной комитет, и генерал Гетакр вернулся к более привычным для него занятиям гарнизонного командира. Зато по всему городу начали открываться прививочные пункты, которых в середине года стало свыше полусотни. Немногочисленные статьи, которые Хавкин публиковал в индийских газетах и журналах, с огромным интересом читали и в Европе. Бомбейский бактериолог мог рассказать уже о 82 тысячах случаев прививок. За всю историю бактериологии еще не было вакцинатора, который облагодетельствовал бы столько людей.

Чума отползает, как раненый, но еще сильный зверь, рыча и

огрызаясь. Кажется, ока мстит осадившим ее логово медикам. В Бомбее погиб от чумной пневмонии доктор Манзер. От него заразилась сиделка. В Вене, в лаборатории, где изучают чуму, умер служитель Бариш. Затем погибли приставленная к нему сиделка и лечивший его доктор Мюллер. В Лиссабоне врач Камара Пестана заразился, вскрывая труп чумного. Смерть последовала через неделю.

Хавкин, целыми днями работавший в чумных очагах, рисковал заразиться, может быть, более, чем кто-нибудь другой. Он не отказывался прививать в кварталах, где эпидемия убивала людей через одного. В значительной степени эту смелость придавала ему вера в спасительный эффект вакцины. Год спустя корреспондент «Ньюс кроникл» спросил приехавшего в Лондон бактериолога:

— А сами вы не болели чумой?

— Однажды у меня распухли железы, — признался Хавкин. — Но это скоро прошло.

— Чума не одолела вас благодаря действию вакцины?

Хавкин улыбнулся.

— Как знать… — И тут же добавил: — Да, думаю, что так! Ведь в Бомбее не умер от чумы ни один привитый нашей вакциной европеец. Ни один!

Осенью 1898 года Бомбейский врачебный союз, объединяющий несколько сот врачей индийцев, обсудил деятельность Хавкина. Долгое время медики «не замечали» успеха вакцинации, а некоторые даже уговаривали своих пациентов «не травить» себя «английской заразой». Откровенно говоря, врачи индийцы вначале видели в Хавкине конкурента. Однако, когда выяснилось, что от чумы не спасает решительно ни одно из лекарств, известных со времен «Яджурведы»[5], они смирились. И тогда союз вынес решение, обязательное для каждого, кто занимается врачеванием на территории Бомбея. «Ввиду благоприятных наблюдений над предохранительным действием прививок господина Хавкина, следует настоятельно советовать эти прививки, как весьма надежную охрану против чумы». Так сдался последний оплот противников вакцины.

А Хавкин с группой ассистентов все еще торопится туда, где недельный отчет показывает наибольшее число смертей: летняя резиденция бомбейского губернатора город Пуна, глухая деревня в княжестве Барода, тюрьма в Дхарваре… Вакцину, оберегающую от чумы, так же как ту, что спасала от холеры, получают без разбора все, кто в ней нуждается: арестанты и крестьяне, солдаты и генералы, приехавшие на отдых аристократы и их слуги.

Декабрь. Вакцина одолела уже все барьеры, взяла все призы.

Еженедельно тысячи доз «лимфы» вывозят из Бомбея в Англию, Францию, Португалию. Чума нет-нет да и мелькнет то в Лиссабоне, то в Марселе, то в Опорто. Однако с тех пор как у врачей появились ампулы с «лимфой Хавкина», атаки «черной смерти» стали уже не так страшны. В английских специальных журналах возник новый термин — haffkinize «хавкинизация». Бомбейская городская администрация вынесла мистеру Хавкину благодарность. Королева Виктория пожаловала его орденом Кавалера Индийской Империи. Но последний день 1898 года принес ученому еще одну и, может быть, самую большую радость.

Вечером 31 декабря в лабораторию зашел русский доктор Владимир Петрович Кашкадамов, присланный на смену Левину и Вигуре. Кашкадамов, уже несколько месяцев живший в Индии, с искренней симпатией относился к своему знаменитому земляку. В его «Письмах из Бомбея», которые еженедельно печатала выходившая в России «Больничная газета имени Боткина», немало проникновенных строк, посвященных научному подвигу Хавкина.

Но в этот вечер Кашкадамов пришел с весточкой из России. Он только что получил письмо от Александра Федоровича Вигуры, недавно добравшегося до дома. Среди прочих российских новостей, Вигура сообщал, что при Институте экспериментальной медицины в Петербурге создана чумная лаборатория. Ее поместили на изолированном островке возле Кронштадта в разоруженном форте «Александр Первый». В толстостенных каменных казематах, где недавно еще стояли пушки, теперь изготовляют противочумную сыворотку и «лимфу Хавкина». Первое боевое крещение лаборатория уже получила. В конце нынешнего года эпидемию легочной чумы обнаружили среди жителей высокогорного селения Анзоб, неподалеку от Самарканда. Пока врачи добрались до Анзоба из 387 жителей в живых осталось 150. Прививки «лимфы Хавкина», лечение сывороткой и санитарные меры спасли остальных от верной смерти. «Что бы ни случилось с „лимфой Хавкина“ в будущем, — писал Вигура, — имя этого неутомимого исследователя навсегда останется памятно в науке, как имя человека, спасшего многие и многие жизни».

…Бомбейский декабрьский вечер благоухает цветами. За окнами лаборатории роскошествует похожая на русский май индийская зима. Но мысли двух уроженцев России далеко. Там на Севере за хребтами Гималаев гигантская страна готовится встретить новый 1899 год, последний год XIX столетия. Наверное, в Москве стоит мороз и тихо падает новогодний снежок. Свинцовые балтийские волны, застывая на ходу, бьются в глухие

стены чумного форта, а над мазанками Анзоба, где остались зимовать врачи-наблюдатели, свистит высокогорный ветер.

Нужны недели, чтобы добраться от Бомбея до Туркестана — и оттуда до Петербурга. Но для дум человеческих нет расстояний. И если бы мысль могла зажигать огни на своем пути, они неминуемо вспыхнули бы в тот новогодний вечер и в мрачных казематах чумного форта, и в домах высокогорного селения, и на улицах черноморского города-порта. Бывают же такие чудесные вечера, когда от Бомбея до России — один шаг…

«КЕСАРИ» ИЗ ПУНЫ И ЛОНДОНСКИЙ ЛЕВ

Едва ли существовала в Англии газета, которая летом 1899 года хотя бы несколькими строками не отметила приезд в Лондон известного бактериолога доктора Хавкина. Корреспонденты писали о чуме в Индии и об итогах почти двухлетней борьбы, которую ученый вел с эпидемией. Несмотря на различие политических и общественных ориентаций, «Таймс», «Ньюс кроникл», «Ливерпул Меркьюри» и «Вестминстерская газета», как и многие другие, именовали создателя предохранительной противочумной вакцины, не иначе как «благодетелем человечества» и «великим филантропом». Похвалы звучали в адрес не только его научных заслуг, но и его личности.

«Сейчас поистине век молодых людей, — писала одна из газет, — хотя доктор Хавкин уже так много сделал по профилактике самых опасных болезней, ему еще нет сорока лет. И будучи красивым, среднего роста и хорошо сложенным, он выглядит еще моложе. В его чертах нет ничего семитского. Его никогда не примешь за того, кем он является на самом деле — за русского еврея. Его английский безупречен, хотя он говорит с запинками, как будто бы переводя со своего родного языка. Держится он спокойно и серьезно. Все его поведение характеризуется скромностью, которая является признаком настоящего величия». «У него редкостно интеллигентное лицо», — прибавляет другая газета.

Можно не сомневаться в добрых чувствах тех англичан, которые посылали в редакции восторженные письма-поздравления мужественному доктору Хавкину, прибывшему из Индии. Несомненно искренними были и медицинские издания — «Ланцет», «Британский медицинский журнал», — где коллеги бактериолога с удовлетворением подсчитывали первые итоги битвы, которую наука дала чуме и холере. И все же в газетном оркестре этого лета чувствовалась дирижерская рука вершителей британской имперской политики.

Сообщения о победах над инфекцией в тропических странах были любимым козырем в колониальной игре лондонского правительства, которое, захватывая азиатские и африканские колонии, вынуждено было (прежде всего ради собственного спасения) предпринимать кое-какие меры против тропических болезней. Деятельность мужественных и талантливых ученых (порой весьма резко расходившихся с «правительственными

видами») в Лондоне любили изображать как закономерную работу, направленную на оздоровление туземцев. В те годы Рональд Росс в Индии разоблачил комара анофелес, который заражает человека малярийным плазмодием; Девид Брюсс раскрыл секрет мальтийской лихорадки (бруцеллеза), терзавшей британских солдат на острове Мальта. Незадолго до приезда Хавкина столица Великобритании с помпой принимала Росса, а министр колоний Чемберлен объявил о своем намерении открыть в Ливерпуле и Лондоне специальные школы тропической медицины. Это событие сопровождалось в Англии широкой оглаской и политическими комментариями.

Желал или не желал того Владимир Хавкин, но летом 1899 года он тоже сыграл роль этакой «Снегурочки», посланной добрым лондонским Дедом Морозом с подарками к «диким» индийцам. Наряду с признанием личных заслуг бактериолога и серьезным разговором о будущности вакцинации, газетные статьи тех дней буквально пестрели афоризмами, вроде того, что, борясь с инфекцией, «белый человек может упрочить свое постоянное господство в тропических странах» («Вестминстерская газета»). Или: «Местные должны понять, что они находятся у белых в долгу за все свои блага» («Дейли кроникл»).

Самому Хавкину этот колониалистский шум, поднимаемый вокруг его личности, едва ли мог нравиться. В бомбейской лаборатории, где каждый день все сотрудники — индийцы и европейцы — подвергались одинаковой опасности, не могло быть и речи о неравенстве. Благодаря искренне теплому отношению к индийцам Хавкин приобрел в Индии много друзей, особенно среди местных медиков. Он симпатизировал народу Индии. В беседе со своим родственником, который приезжал в Индию, он признался, что страдания индийцев под игом англичан напоминают ему судьбу собственного его народа в империи Александра Третьего и Николая Второго[6].

К неудовольствию официальных лондонских кругов, раздувавших факты «сопротивления» прививкам со стороны «некультурных индийцев», Хавкин настойчиво утверждал, что трудности, связанные с массовой вакцинацией «не так уж велики, ибо населению Индии прививки как предохранительное средство от болезней были привычны и известны за несколько веков раньше, чем этот принцип стал известен в Англии». Так же горячо ратовал он за массовые прививки в колониях, хотя прижимистые англичане, боясь расходов, не раз заявляли, что вакцинировать 300 миллионов человек просто невозможно. Это было сущей демагогией — для предохранения от чумы вовсе не требовалось прививать весь народ города или деревни, а следовало

«блокировать» с помощью вакцины лишь ближайшее окружение очага.

Вся английская пресса 8 июня 1899 года дружно и во всех подробностях сообщила о лекции Хавкина в Бертингтонхауе перед членами Лондонского королевского общества. Виднейшие деятели британской науки под председательством президента общества, знаменитого хирурга лорда Джозефа Листера[7] собрались на доклад Хавкина о предохранительных вакцинах. Высокие слушатели несколько раз прерывали выступление аплодисментами, а после лекции в развернувшейся дискуссии высказали горячее одобрение идее вакцинации и тому, как эта идея была осуществлена. От имени Королевского общества Листер вынес докладчику благодарность за его деятельность в Индии.

Особенно интересным было выступление профессора Райта. Этого грубоватого, резкого в оценках человека соединяли с Хавкиным давние и сложные отношения. Еще тогда, в 1892 году, когда Хавкин впервые приехал в Лондон, он подсказал Райту принцип вакцины против тифа, ставшей впоследствии знаменитой. Однако это не помешало Райту принять участие в правительственной Чумной комиссии, которая в 1898–1899 годы направилась в Бомбей для того, чтобы проверить, насколько добросовестным предприятием является вакцинация в Индии. Нелицеприятный профессор Райт засадил в то время за изучение вакцины 25 исследователей. Проверка касалась каждой мелочи, включая методы упаковки препарата. Между прочим, именно Райт, подвергнув творца вакцины строгому допросу, указал на то, что препарат не всегда имеет одинаковую силу воздействия на человека и это снижает предохранительные качества его. Тем не менее действия Хавкина в Индии правительственная Чумная комиссия признала достойными абсолютного доверия. «Работы доктора Хавкина, хотя и не основаны на каком-нибудь новом научном принципе, заключают в себе огромное практическое достижение в области предупредительной медицины», — отмечалось в правительственном документе. Теперь на заседании Королевского общества сэр Алмрот Райт высказался еще более определенно: «Работа доктора Хавкина оказала большую услугу всей проблеме прививок. Он так основательно, экспериментально проверил свою систему, что она может быть применена к любому заболеванию, возбудитель которого найден».

В этих словах, принадлежащих одному из крупнейших бактериологов и иммунологов своего времени, содержится наиболее точная оценка того, что внес в науку Владимир Хавкин. Бактериолог из Одессы не нашел иного, чем Пастер, принципа

борьбы с болезнетворными микробами (как это сделали, например, те, кто открыли антибиотики). Но он не был лишь практическим исполнителем чужих идей. Его огромный опыт и несчетное число экспериментов, предпринятых в Индии, указали путь тем, кто спустя годы обратился к массовому применению вакцины при самых различных инфекционных заболеваниях.

Полугодовой отпуск Хавкина в Англии был до предела насыщен лекциями в научных учреждениях, выступлениями во всякого рода обществах и на собраниях. Каждая его лекция — гимн молодой бактериологической науке, утверждение ее великого будущего. Он рассказывает об успехах вакцины против холеры и чумы, отстаивает достоинства плохо встреченных обществом прививок против тифа, утверждая, что все заразные болезни будут рано или поздно побеждены методом вакцинации.

Широкий отклик в печати получил обед в одном из лондонских клубов, где среди ораторов, чествовавших Хавкина, выступил президент Королевского общества Джозеф Листер. Речь Листера обошла всю мировую прессу. («Одесские новости» перепечатали ее из «Берлинер Тагеблатт», а «Бомбей-газетт» из лондонского «Таймса».)

«Мистер Хавкин так же скромен, как и даровит, — заявил под гром аплодисментов Листер. — В течение многих лет он самоотверженно пренебрегал своим здоровьем, подвергал жизнь опасностям и, не щадя себя, героически боролся с чумой». Похвалой Листера — человека, преобразившего хирургию задолго до того, как терапевты поняли благотворность открытий Пастера, Хавкин мог бы гордиться не меньше, чем похвалой самого Пастера.

Лето 1899 года оказалось подлинной вершиной славы Владимира Хавкина. В Бомбее в районе Парель, в огромном старинном доме — бывшей резиденции губернатора — 10 августа состоялось официальное открытие Хавкинской лаборатории. Доктор Кашкадамов, свидетель церемонии (она происходила весьма торжественно в присутствии губернатора Бомбея и виднейших медиков города), сообщал в Петербург: «Состав лаборатории заключает восемь докторов и четырнадцать помощников и писцов, а также одного специального инженера и двадцать одного служителя. „Лимфа“ до сих пор посылалась на Цейлон, Кипр, в Занзибар, на Мадагаскар, в Наталь, Капскую колонию, остров Маврикия, Гонконг и многие области Индии. За последние дни поступили большие требования из Лондона, Испании, Италии. Лаборатория может производить ежедневно около 10 тысяч доз… Работа предстоит огромная, так как приходится поставлять вакцину во все концы мира».

Хавкин, находившийся в это время в отпуске, получил должность Главного директора бомбейской лаборатории.

Хотелось бы воссоздать внутренний облик героя в эти наиболее благополучные дни его жизни. Увы, история оставила слишком мало свидетельств о душевном мире этого человека. Корреспонденты лондонских газет тех лет жалуются на немногословность ученого. Публичные выступления бактериолога касаются лишь специальных предметов. Современники, будто сговорившись, пишут о скромности и сдержанности Хавкина. С портретов того времени на нас смотрит человек с замкнутым, несколько даже надменным выражением лица. Но что скрывается за этой замкнутостью? Что испытывал исследователь, завершивший трудное восхождение к вершинам науки, достигший полного признания своих заслуг?

Лондонцев поражало одиночество Хавкина. В 39 лет он оставался неженатым. Его родственники жили в России, куда ученого по-прежнему не пускали. Райт и Симпсон были, пожалуй, единственными близкими к нему в Лондоне людьми. И то скорее как научные единомышленники, нежели сердечные друзья. Среди медиков и биологов ходила фраза, брошенная профессором Райтом: «Успехи Хавкина в Индии я отношу прежде всего за счет того, что он не обзавелся семьей». Все знали Райта как ярого женоненавистника, автора книги, направленной против избирательных прав женщин. Этот незаурядный ученый мог часами толковать о том, что любовь почти всегда вызывается бактериальными ядами, и цитировать язвительные высказывания писателей прошлого о слабом поле. Естественно, что никто не придавал серьезного значения его оценкам матримониальных отношений. И все же я позволю себе утверждать, что между деятельностью Хавкина в Индии и его одиночеством действительно существовала известная связь.

Александр Хает рассказывал мне, что в 1892 году он спросил Владимира, почему тот не женится. «Брак помешает моим научным целям», — ответил ассистент Пастеровского института, готовившийся через несколько месяцев испытать на себе противохолерную вакцину. Румынский доктор М. А. Галеви, встречавшийся с Хавкиным в Париже в 1923–1925 годах, вспоминает, что его собеседник доверительно сказал ему как-то о давнем своем чувстве к одной молодой особе. Брак не состоялся, так как Хавкин «не посмел обречь свою подругу на тяготы жизни в колониях, где она в любой час могла бы остаться вдовой». Эти два свидетельства приоткрывают завесу над внутренним миром человека, которого многие считали сухарем. Наука, научные знания действительно были главным делом его жизни. Но в

сердце ученого оставалось место и для любви и для самоотречения от нее.

Маска холодной корректности, с которой знаменитый бактериолог не расставался в кругу посторонних, обманывала порой не только чужих, но даже близких людей. Однажды из Одессы в Индию приехал племянник бактериолога Александр. Он тщетно пытался попасть на прием к директору бактериологической лаборатории. Наконец, ему удалось передать со слугой листок бумаги, на котором он назвал себя вымышленным именем доктора Вишневского из России. Его провели в кабинет, где Хавкин совещался со своими сотрудниками. Совещание длилось довольно долго, и молодой одессит, на которого никто не обращал внимания, был убежден, что дядя не узнает его. Однако, как только сотрудники ушли, директор спросил по-русски:

— Где ты остановился?

Александр назвал какую-то гостиницу. Не меняясь в лице, Хавкин вызвал слугу и поручил проводить «доктора Вишневского» в свой дом и туда же перенести из гостиницы вещи приезжего. Молодому человеку предоставили комнату. Прошел обед и ужин, а хозяин дома все не приходил. Хавкин появился в комнате племянника только поздно вечером. Но что за перемена произошла с директором прославленной лаборатории! Он был в халате и, казалось, вместе со строгим черным костюмом снял с себя броню дневной отчужденности. «Мне долго думалось, что я разговариваю с другим человеком, — вспоминал потом Александр. — Он просил у меня прощения за все, что произошло днем, бурно со слезами на глазах говорил об оставленной родине, до самых незначительных подробностей выспрашивал все о жизни братьев и сестры. А наутро за завтраком я снова увидел холодно-вежливого джентльмена, к которому, пожалуй, не осмелился бы обратиться иначе, как с добавлением слова „мистер“…».

Этот эпизод, более чем полувековой давности, рассказала мне со слов своего отца Александра Хавкина, преподаватель Одесского медицинского института, кандидат наук Янина Александровна Хавкина. Нужны ли тут комментарии? Можно лишь догадываться, какие душевные удары должен был пережить человек, прежде чем заковать свою душу в столь непроницаемый панцирь…

Один из таких ударов (и не самый ли тяжелый?) обрушился на Владимира Хавкина осенью 1902 года. Однако тучи над его головой начали сгущаться значительно раньше. Индийская общественность встретила возвращение бактериолога из Англии осенью 1899 года с энтузиазмом. У индийцев были для этого

особые причины. В колонии все громче раздавался ропот против недавно введенных «санитарных мер». Снова начались выселения людей на неприспособленные для жизни изоляционные поля. По окончании срока карантина горожане и крестьяне находили свои дома, как правило, полуразрушенными в результате пороховых взрывов и выжигания, либо пропитанными карболовой кислотой настолько, что в этих домах нельзя было жить. В одном из районов Бомбея, например, на полторы сотни небольших домишек администрация излила три миллиона галлонов карболки!

В начале августа 1899 года один из поборников «решительных мер» генерал Роджерс выступил в «Таймсе» с письмом, в котором обвинял Хавкина в противодействии санитарным мерам правительства. Позицию бактериолога Роджерс определил как «опасную, если не гибельную для Индии». Хавкин дал сдержанный в несколько строк ответ, «Если чума уже развилась, источники заражения неизвестны, наличный состав и средства недостаточны для всеобщего применения санитарных мер (как это было в Индии. — *М. П.),* тогда прививки получают несравненно больший смысл».

В Англии дискуссия эта не привлекла большого внимания, зато индийские газеты, отражая всеобщее возмущение «генеральскими» приемами борьбы с эпидемией, встали на защиту вакцины и ее создателя. Особенно активно выступала издаваемая в Пуне газета «Кесари», что в переводе с языка маратхов значит «лев». «Кесари» редактировал выдающийся деятель индийского национально-освободительного движения Балгангадхар Тилак (1856–1920 гг.). Левый демократ Тилак считал, что в ратоборстве с колониализмом годятся любые средства вплоть до насилия. Маленькая газета прославила себя непрерывными атаками на колониальный режим. После русской революции 1905 года на ее страницах звучал призыв Тилака «подражать методам борьбы русского народа за свободу». Неизвестно, был ли Тилак лично знаком с Хавкиным, но со времени успешных прививок в Пуне (в начале 1898 г.) «Кесари» вела настойчивую компанию за массовую вакцинацию населения во всех очагах чумы. Поддержка прививок со стороны «бунтовщика» Тилака естественно доставила Хавкину немало врагов среди хозяев Индии.

Было еще одно обстоятельство, которое ухудшило отношения между колониальными властями и бомбейским бактериологом. В 90-х годах на северных границах Индии то там, то здесь поднимались народные восстания. Взрывы недовольства, как вулканические извержения прорывали тонкую корку созданного

штыками «спокойствия». Особенно крупным было восстание в сентябре 1897 г. в Бенгалии. Там в боях с английскими регулярными частями приняли участие сорок тысяч человек. Вице-король Индии лорд Керзон, проводивший forward policy (наступательную политику), почти все годы своего правления (с 1898 по 1902 г.) вел дорогостоящие и малоэффективные войны на Севере. Каждое антибританское выступление этот неудачливый политик склонен был объяснить «русскими кознями». Его администрация не останавливалась ни перед чем: она распространяла лживые версии о готовящемся якобы вторжении в Индию русской армии. Антирусская истерия охватила не только Калькутту, но и Лондон. «Все русское по-прежнему встречается враждебно, — докладывал в Петербург царский дипломат Лесар. — Затруднения делаются при всяком удобном случае: по поводу назначения консулов, впуске сахара в Индию… в виде „санитарных мер“ для стеснения нашей торговли скотом и т. д.» О том же в «Письмах из Бомбея» говорит доктор Кашкадамов. «Русская группа не могла осесть и проверить действие своей сыворотки в Лагоре. Причина: подозрительность англичан, Многие своими вопросами прямо дают понять, что принимают нас за шпионов».

Известно, однако, что одними запугиваниями в политике не проживешь. Организаторы антирусской кампании лихорадочно искали фактов, которые годились бы для провокации. И вот, идя навстречу явному желанию своих хозяев, некоторые англо-индийские газеты обратили внимание на действия «российского подданного господина Хавкина в Бомбее». Директор бактериологической лаборатории никогда не считал нужным скрывать свое происхождение и симпатии к приезжающим в Бомбей русским. Последнее обстоятельство было признано особенно компрометирующим. Возникла столь же бессмысленная, сколь и оскорбительная версия: «Так как Хавкин русский, то он впрыскивает яд, чтобы подорвать доверие индийцев к английскому правительству, ослабить здоровье и уменьшить численность народа и тем облегчить завоевание Индии русскими».

Читаешь и диву даешься: на кого рассчитана эта фальшивка. И такое писалось после всех побед хавкинской вакцины, после той высокой оценки, которую ученый получил в Лондоне. Но в том-то и дело, что кое-кому в Лондоне было выгодно на виду всей Европы хвалить английского чиновника Хавкина, а в Бомбее ударить по Хавкину русскому подданному. В таких трюках британская административная мысль имела, как известно, немалый опыт.

Однако эта провокация (вторая по счету: первый раз газеты Калькутты «разоблачали» Хавкина, когда он прививал против холеры жителей Северных провинций) не удалась. Слишком многие знали о заслугах ученого перед народом Индии. Тогда английские газеты начали кричать *о* «вредном» действии прививок на человека. Нашлись авторы, которые доказывали, что вакцина против чумы обостряет скрытые болезни, что она ускоряет развитие чахотки, ревматизма, сифилиса. Из научных фактов немедленно делались политические выводы. Задумав очередную атаку, организаторы ее, видимо, надеялись, что никто не станет публично оспаривать санкционированную сверху позицию. В Индии действительно мало кто решался заводить открытые споры с властями. «Туземная печать была в значительной степени стеснена новым законом об официальных секретах и строгим применением закона о революционной пропаганде», — доносил из Бомбея русский консул.

«Лев» из Пуны снова не побоялся выступить за правое дело. «Издатель газеты „Кесари“ отнесся весьма серьезно к этому предмету, — пишет доктор Кашкадамов. — Он послал одному из бомбейских туземцев-врачей, очень способному и известному доктору Балчандра Кришна, лист с десятью вопросами, с просьбой прислать на них обстоятельные ответы. Желая придать своей миссии больше доверия, Кришна обратился ко многим врачам и выдающимся чиновникам, прося снабдить его всеми сведениями, имеющимися в их распоряжении. Собрав и обработав весь материал, Кришна решился на основании его составить ответы для Издателя».

Нет смысла приводить здесь целиком насыщенный цифрами ответ на анкету Тилака. Выводы участников этого медицинского «рейда» и без того достаточно четки. Проанализировав состояние 120 тысяч привитых, два десятка врачей установили, что в результате вакцинации привитые заболевают в семь раз, а умирают в десять раз реже. «Вредные последствия» — главным образом нарывы из-за недостаточного соблюдения чистоты — изредка действительно наблюдаются. «Но, во-первых, число их, в сравнении с большим числом прививок, крайне ничтожно, а во-вторых, не всякое последствие должно быть приписано прививкам только потому, что оно появилось после них».

Свои выводы участники анкеты «Кесари» завершили категорическим утверждением: «Теперь несомненно: если мы желаем освободить Индию от чумы, то следует воспользоваться единственным способом — привить весь народ». Так лопнула еще одна провокация, имевшая своей целью рассорить ученого с теми, кому он нес спасение. «Кесари» из Пуны оказался сильнее

лондонского имперского льва.

Враги притихли. Но как справедливо гласит английская пословица «still waters rat deer» — «у тихих вод глубокое течение», или, как говорят в России: «в тихом омуте черти водятся». Не прошло и двух лет, как «черти из тихого омута» снова подняли голову. К этому времени количество противочумных прививок в Индии перевалило за четыре миллиона. Вакцинация охватила огромные районы далеко от Бомбея. Хавкин, естественно, уже не имел возможности сам прививать всех желающих и контролировать деятельность каждого прививочного отряда. Это не могло не сказаться на качестве вакцинации. 30 октября 1902 года в деревне Малкавала (Пенджаб) случилось несчастье. Из 107 крестьян, привитых от чумы, 19 заболели столбняком и умерли. Началось следствие. Через несколько дней специальная комиссия, назначенная правительством Индии, заявила, что микробы столбняка попали в склянку с вакциной до того, как вакцинаторы вскрыли ее в деревне. Очевидно, виновата лаборатория Хавкина, где плохо стерилизуют посуду и не соблюдают мер предосторожности, переливая вакцину из больших бутылей во флаконы.

Члены комиссии, чиновники из Калькутты, не очень грамотные в вопросах биологии, не пожелали выслушать ни самого Хавкина, доказывавшего, что заражение произошло за пределами Бомбейской лаборатории, ни прививавшего в Малкавала доктора Эллиота. Д-р Эллиот, между прочим, рассказывал, что корковая пробка, закупоривавшая флакон, несколько раз падала внутрь склянки и окуналась в вакцину. Свидетельство Эллиота могло бы очень просто объяснить трагические события в Малкавала, но Комиссия вовсе не стремилась к истине. Полные желания во что бы то ни стало выполнить возложенное на них двусмысленное поручение, чиновники договорились до того, что беда в Малкавала произошла из-за недобросовестности Хавкина, который не добавлял в свой препарат карболовой кислоты. Главным и единственным виновником «малкавальского бедствия» был объявлен директор бомбейской лаборатории.

Следствие тянулось мучительно медленно. В течение года с лишним Хавкин, отстраненный от руководства лабораторией, гюдавал властям докладные записки, где просил объективно изучить технологию приготовления вакцины. Но его письма даже не читались. Решение вопроса было перенесено в Лондон. Индийские власти пытались добыть обвинительный документ против Хавкина в научных кругах Англии. Однако руководители Листеровского института наотрез отказались признать Хавкина

виновником смерти 19 индийцев. Не подтвердили домысла малкавальской комиссии и другие ученые.

Хавкин продолжал бороться. «Он неизменно сохранял силу духа, хотя обстоятельства требовали от него огромного напряжения», — писал об этом периоде индийский биограф ученый Найду. Но, видимо, двойственное положение было тягостно бактериологу. В апреле 1904 года он был окончательно изгнан с должности директора лаборатории и остался без работы. После 11 лет труда и борьбы ему оставалось только одно — покинуть свою вторую родину— Индию. В начале мая Хавкин отплыл в Лондон. Компания «чертей из тихого омута» торжествовала победу.

О трех последующих годах жизни ученого почти ничего неизвестно. Куда отправился, где нашел прибежище оклеветанный и одинокий творец противочумной вакцины? Найду пишет: «Он вел беспокойный образ жизни, посещал знаменитые лаборатории Европы и вел там споры по интересующим его вопросам в кругу нескольких непредубежденных ученых и знаменитых микробиологов, которые единодушно реабилитировали его». Кто были эти люди, в трудный час подавшие руку помощи своему коллеге? Был ли среди них старый учитель Илья Ильич Мечников?

Об этом можно лишь догадываться. Доподлинно известно только о полной поддержке Хавкина Листером и Райтом, а также давним товарищем по Калькутте Симпсоном. В России малкавальское бедствие тоже не лишило «лимфу» доверия врачей. В борьбе с чумными вспышками на нижней Волге русские медики неизменно применяли препарат своего земляка.

В 1907 году имя Хавкина вновь обошло газеты мира. Индийское правительство, не сумевшее получить поддержку ученых в затеянной им травле, уведомило бактериолога о том, что с него сняты все обвинения. Хавкина приглашали в Индию. Ему предлагали возглавить любое научное учреждение, какое он пожелает. Он колебался. Индия влекла его: там ежегодно прививались его вакциной сотни тысяч человек, там ширилось, расцветало дело всей его жизни. С другой стороны, противно было опять оказаться под началом тех, кто цинично использовал его, подобно карте в грязной политической игре. «Тот, кто вынужден переносить несправедливые обвинения в течение долгого разбирательства, никогда не будет вознагражден за свои переживания», — прокомментировал журнал «Ланцет» душевное состояние ученого после реабилитации. Очевидно, так оно и было.

Правильное решение подсказали голоса друзей. Едва стало

известно об официальном оправдании Хавкина, как со всего света к нему хлынул поток поздравлений. Писали ученые, политические, общественные деятели Востока и Запада, писали простые люди Индии и России. Большинство из них выражало уверенность, что Хавкин вернется в Бомбей, продолжит начатое им благородное дело.

Он отослал государственному секретарю индийского правительства письмо с согласием вернуться. Последовал еще булавочный укол: должность директора Бомбейской лаборатории оказалась занятой. Хавкин согласился работать в Калькутте. Ему многое уже было безразлично. «Он возвратился в Индию разочарованным человеком, — писал индийский биограф. — Теперь он искал уединения и старался быть незаметным…»

Шли годы. Может быть, кому-нибудь и казалось, что в Индии ничего не изменилось: по-прежнему чума и холера косили жителей, по-прежнему колониальное господство обрекало страну на нищету, голод и бесправие. Однако перемены были. В 1908 году власти бросили в тюрьму Тилака. Суд приговорил патриота к шести годам каторжных работ. Раньше подобный приговор лишь пригнул бы головы остальных демократов. Но в 1908 году бомбейские рабочие ответили на расправу с национальным героем первой в истории Индии политической забастовкой и баррикадными боями. Это была уже не та терпеливая Индия, что прежде.

Хотя чума и холера все так же бесчинствовали в стране, прыгая то на Север, то на Юг, удары их все больше слабели. Не сотни и тысячи, а миллионы привитых несокрушимым монолитом противостояли заразе. К 1909 году число привитых противочумной вакциной Хавкина в одной только Индии перешагнуло за 8 миллионов (к 1940 году число привитых поднялось до 35 миллионов, а сейчас цифра эта удвоилась). Американский врач-вакцинатор Лестер Билз, работавший в штате Сатара в годы, предшествовавшие первой мировой войне, вспоминает: «Я видел огромные толпы людей, которые с криком толкались вокруг прививочного пункта, срывая друг с друга одежду, желая скорее пробраться к врачу. А ведь было время, когда за это же самое приходилось платить беднякам двухдневный заработок».

Хавкин не мог не видеть этой нарождающейся новой Индии, делающей первые шаги к политической и культурной независимости. Вместе с тем он видел и голод, и нищету, и дикость. И, возможно, не раз возвращался ученый к горькой мысли о том, что его вакцина, спасая богатого для жизни и радости, возвращает бедняку только право на дальнейшие

страдания. Эти ли, другие ли думы одолевали Хавкина, трудно сказать. Но современники вспоминают, что с каждым годом он становился все более сдержанным и даже угрюмым. Осенью 1915 года, достигнув пенсионного возраста, бактериолог покинул Индию. Он мог быть доволен наследством, которое оставил. «… Его вакцина, используемая во время эпидемии, уменьшала смертность на 85 процентов, или около того. С трудом можно представить, что это означает, когда думаешь о миллионах доз, применяемых в Индии», — писал журнал «Ланцет».

В Европе 55-летний Хавкин последний раз приобщился к проблемам вакцинации. Осенью 1915 года Британия готовилась бросить против немцев экспедиционный корпус, состоявший из индийских солдат и частей из района Средиземного моря. К этому времени большая часть армии союзников уже получила прививку против брюшного тифа. Но войска не были привиты от паратифа А и В. Речь шла о вакцинации в первую очередь экспедиционного корпуса в несколько тысяч человек, и мнения по этому поводу в штабе вооруженных сил резко разошлись. В ноябре в городок Мильбенк, где заседали виднейшие медики и военачальники империи, «по историческому праву как нейтральный консультант» прибыл Владимир Хавкин. Изучив вопрос, он пришел к выводу, что надо непременно произвести прививку солдатам, прибывающим в Европу, однако предварительно рекомендовал ввести вакцину тремстам человекам тут же в Мильбенке для того, чтобы убедиться, что люди переносят ее достаточно легко. Авторитет Хавкина преодолел сопротивление группы генералов, и в январе 1916 года вакцина против паратифов была впервые использована во всех районах военных действий.

После войны ученого собирались представить к какой-то награде. Индийское правительство пыталось даже выяснить местонахождение своего бактериолога и… не нашло его. Доктор Хавкин исчез.

ЭПИЛОГ

«Нужны совершенно исключительные обстоятельства, чтобы имя ученого попало из науки в историю человечества». В этих словах Оноре Бальзака звучит неподдельная грусть: история, забитая тысячами имен королей-узурпаторов, полководцев-завоевателей и душителей-министров, сохранила ко времени Бальзака едва ли несколько сот имен тех, кто заботился, чтобы люди были лучше накормлены, одеты, быстрее передвигались, больше видели, знали и легче добывали свой хлеб. В раззолоченном хороводе владетельных особ для ученого люда осталось на редкость мало места. И уж совсем ничтожен список деятелей, чье творчество имело целью сохранить самое ценное — жизнь, здоровье.

Великие врачи прошлого? Сколько их знает каждый из нас? Троих? Пятерых? Дюжину? Боюсь, что даже нынешние медики не помнят больше. Снова несправедливость? Давайте разберемся.

Спора нет, историографы прошлого (и только ли далекого прошлого) страдали излишним пристрастием к сильным мира сего. Но с медиками происходило, видимо, и другое. Подумайте о «великих» врачах, не знавших, что большую половину человеческих недугов вызывают живые возбудители, не имевших представления о болезнях крови, страданиях обмена, бессильных почти перед любым заболеванием. Многих ли спасли те, кто еще в 70-х годах XIX в. вполне серьезно брался лечить холеру электричеством, чуму — вытяжкой из конского навоза, а брюшной тиф — горячими ваннами? Что же удивляться, если имена этих лекарей давно забыты.

Трудно даже сказать, чего больше — пользы или вреда принесла допастеровская медицина. Кровопускание, например, к которому сегодня прибегают в редчайших случаях, как к весьма опасному средству, в течение нескольких веков считалось панацеей от всех болезней и в том числе инфекционных. Недаром Буало писал о печальной участи больных своего времени (XVIII в.). «Один умирает, лишившись своей крови, другой — переполненный александрийским листом». Разводишь руками, когда знакомишься с методами старых докторов: до чего живуч человек, выздоравливали же все-таки, претерпев такую медицину!

Цинизм пронизывал медицину прошлого. Не видя проку ни от одного из лекарств, медики становились равнодушными ремесленниками, а то и стяжателями. «Вы изучаете большой и малый мир, чтобы в конце концов все предоставить воле божьей!» — с издевкой бросает средневековым врачам гетевский

Мефистофель. Но положение было не намного лучше и в то время, когда великий поэт писал своего «Фауста». Исполненная духом безнадежности и безверия, допастеровская медицина редко рождала героев. Даже такой благородный и мужественный человек, как Николай Пирогов, размышляя над повальной смертностью в госпиталях, задавался вопросом: чему удивляться больше, тому ли что происходит в палатах, или тому, что больные и раненые еще продолжают верить врачам.

Эпоха Пастера не только подарила миру науку об инфекции и предложила действенные средства против микробов. Она принесла в медицину оптимизм, дала врачу веру в свои силы, создала гвардию беззаветных героев науки. Победители дифтерии Ру и Беринг, разоблачитель малярии Рональд Росс, Даниил Заболотный, открывший, куда «уходит» между эпидемиями чума; американец Говард Риккетс и чех Станислав Провацек, пожертвовавшие собой, чтобы разгадать секрет сыпного тифа — вот люди (а их несравненно больше, чем здесь названо), которых уже никогда не удастся оставить за пределами истории цивилизованного человечества. В их риске и гибели не было безнадежности. Созданные следом новые спасительные вакцины и сыворотки подтверждали: идея Пастера верна. Владимир Хавкин — бесстрашный борец с чумой и холерой — по праву занимает свое место в рядах этих рыцарей бактериологии.

Разными путями приходят люди науки в список вечного почета. Одних ведет личное мужество, других — многолетний тяжелый труд, третьих — талант наблюдателя. Но неизменным условием остается для каждого, кто входит в пантеон бессмертия, — польза, подлинная, действительная польза, которую они принесли миллионам людей всех стран, всех материков. Когда-то профессор Алмрот Райт, подчеркивая значение работ Хавкина, сказал, что его опыты были важнее даже, чем их результаты — спасение тысячей жизней, — ибо они привели к развитию идей вакцинации, натолкнули ученых на создание бактериальных препаратов против других заразных болезней. Как ни парадоксальны слова английского бактериолога, они выражают совершенно верную мысль: Хавкин спас не только тех, кого прививали его вакциной, но и тех, кого прививали от тифа вакциной Райта, и многих других, избавленных от гибели благодаря победе идеи вакцинации. Вот она Большая Польза — высокий порог истории человечества, через который дано переступить далеко не всякому.

…Сентябрь 1927 года. Одесса. Первые зрелые каштаны с мягким хлопающим звуком падают на дорожки Приморского бульвара. Погожим утром здесь любят отдыхать одесские

старики. Они усаживаются стайками на скамейках и с наслаждением вдыхают знакомые с детства запахи моря и порта, слушают приглушенную расстоянием музыку причалов. В тот день наметанный глаз старожилов сразу отметил появление на бульваре чужого. Стройный красивый старик с огромной белой головой сел под каштанами лицом к морю. Изящный костюм, касторовая шляпа и палка с замысловатым набалдашником выдавали в нем приезжего из-за границы. Но даже бывшие товарищи не узнали бы в этом седом величественном иностранце тоненького мальчика-студента Владимира Хавкина. Почти сорок лет прошло с тех пор, как он сидел тут последний раз. Целая жизнь.

Последние двенадцать лет Хавкин жил во Франции, в городке Булонь-на-Сене. В архиве И. И. Мечникова сохранилось письмо, посланное Владимиром Аароновичем Ольге Николаевне Мечниковой в Париж осенью 1925 года в ответ на ее письмо, в котором она, очевидно, просила Хавкина, в то время директора благотворительного фонда для студентов, похлопотать за двух юношей, нуждающихся в стипендии. Добрая слава не оставила «великого филантропа». Хавкин обещал помочь этим двум студентам. (В 1927 году, побывав в родном Одесском университете, Хавкин узнал, что новое поколение учащихся на его родине не нуждается в помощи меценатов: в университете все студенты получают государственную стипендию.) Из письма явствует также, что Хавкин жил на улице Гюго, 17, в небольшом собственном доме.

Во Франции Хавкин жил очень уединенно, окончательно оставив научные занятия. Европа его забыла. Для жителей Франции или Англии двадцатых годов волнующая эпопея борьбы с холерой и чумой, разыгравшаяся четверть века назад, представлялась событием давним и потерявшим всякое значение. Но для Индии Хавкин оставался героем, человеком, спасшим миллионы жизней. В 1925 году по просьбе группы ученых, работавших в Бомбейской бактериологической лаборатории, власти переименовали это учреждение в Haffkine Institute — «Институт Хавкина». Это было сделано для того, чтобы, как пишет индийский биограф доктор Найду, «увековечить память одного из тех, кто оказал Индии и ее народу неоценимую помощь».

То была отличная награда, может быть самая высокая, какую только может пожелать для себя в конце жизни настоящий ученый. «Работе в Бомбее были посвящены лучшие годы моей жизни, — писал Хавкин в Индию. — Я не могу объяснить, как много хорошего всплывает в моей памяти в связи с этими годами. Желаю процветания Институту — активному центру

общественного здравоохранения страны. Шлю пожелания наилучших успехов всем сотрудникам».

Нет, Индия не забыла своего спасителя. В 1935 году, когда бактериолога уже не было в живых, а чума поразила провинцию Гуджерат, в институт приехал уроженец этой провинции Махатма Ганди — «самый крупный бунтовщик в истории Индии», как называли его колониальные власти. Ганди искал средств помочь своим гибнущим от чумы соотечественникам. Махатму Ганди принял генерал-майор медицинской службы доктор Сахиб Сингх Сокхей, бывший в то время директором института. Вот что рассказал нам об этой встрече 27 лет спустя доктор Сокхей:

«Нам, сотрудникам Института, очень хотелось, чтобы Ганди, этот великий человек Индии, к чьим словам чутко прислушивался весь народ, поддержал наши усилия в борьбе с эпидемией. Но мы знали: Ганди — страстный поборник индуизма, его убеждения запрещают убивать животных. Едва ли он согласится способствовать распространению прививок Хавкина: ведь противочумная вакцина из микробов выращена на мясном бульоне. Тем не менее я пригласил его. За день до нашей встречи ко мне явились два наиболее рьяных почитателя Ганди и настойчиво просили не знакомить великого Махатму с работами института и, особенно, с нашими экспериментами на животных. По их мнению, это огорчило бы его».

Институт им. Хавкина в Бомбее

Доктор Сокхей решил, однако, действовать по-своему. Когда Ганди приехал в Институт, директор привел его в свой кабинет и, ссылаясь на цифры и таблицы, подробно посвятил в идеи Владимира Хавкина. Он рассказал ему также о той роли, какую в

распространении чумы играют крысы, и даже показал, как наилучшим образом ловить и убивать грызунов.

— Я демонстрировал эти «страшные» для истинного индуса картины, исходя из убеждения, что даже великий человек не имеет права оспаривать то, что проверено и доказано наукой, — вспоминал потом доктор Сокхей.

Махатма серьезно слушал объяснения, не проявляя никаких признаков неодобрения даже тогда, когда на его глазах служители убили несколько сот крыс. Беседа закончилась, и доктор Сокхей проводил уважаемого гостя к автомобилю. Ганди шел, ничем не выдавая своего отношения к только что увиденному. Директор был убежден, что дело проиграно: религиозная доктрина в душе философа взяла, очевидно, верх. И вдруг, уже стоя возле своей машины, Махатма пожелал вернуться в здание Института. Он снова вошел в директорский кабинет, сел в кресло, где недавно выслушал объяснения бактериолога, и слово в слово повторил лекцию доктора Сокхея. «Я сделал это для того, чтобы быть абсолютно уверенным в том, что правильно вас понял», — пояснил он директору. Тут же Ганди выразил желание подвергнуться вакцинации.

Не прошло и суток, как в городе Борсаде (провинция Гуджерат) при огромном стечении народа любимец Индии уже призывал жителей делать противочумные прививки и всеми возможными средствами бороться с грызунами. Живое дело доктора Хавкина снова восторжествовало на этот раз над запретами религии.

Хавкику было 65 лет, когда он задумал навестить Индию и Россию. Особенно занимала его мысли Россия. Возможно потому, что в старости изгнанников сильнее влечет родина. И вот — Одесса[8], город его юности. Хавкин смотрит с бульвара вниз на порт. В каждом клочке родной земли таится для него целый рой воспоминаний. За волноломом в мае 1881 года стояли баржи с арестованными. Был там и студент Хавкин, у которого полицейский обнаружил револьвер с патронами. А в порту, когда случалось оставаться без денег, он работал на погрузке пароходов… Бог знает, что творится сейчас в растревоженной душе старого человека, но посторонние даже не догадываются о переживаниях «иностранца». Хавкин по-прежнему не любит раскрывать душу незнакомым. Он строг и недоверчив; предпочитает одиночество, как верное средство избавиться от человеческой неправды. Он и по городу ходит один, и лишь иногда в обществе 16-летнего мальчика, сына давнего знакомого, доктора Бардаха.

Мальчику трудно понять, о чем думает этот чисто выбритый

господин в заграничном костюме. Владимир Ааронович неразговорчив, но на каждый свой вопрос требует точных и обстоятельных ответов. Глубокие глаза его с вниманием останавливаются порой на самых, казалось бы, малоинтересных вещах. В порту Хавкин долго следит за тем, как из трюма «американца» выгружают тракторы. Когда мальчик говорит, что скоро Советский Союз начнет выпускать собственные такие же машины, он, будто не веря, переспрашивает: «Это правда? Вы точно знаете?» Вот чудак, об этом давно уже пишут все газеты.

В другой раз он остановился возле вывески на еврейском языке. Вывеска гласила, что в доме находится организация, которая безвозмездно наделяет землей евреев, желающих стать земледельцами, помогает им приобрести сельскохозяйственный инвентарь. Только через много лет мальчик, сопровождавший Хавкина, узнал, что именно на этой улице происходили когда-то самые ужасные погромы. Но в тот сентябрьский день 1927 года он никак не мог понять зачем Владимир Ааронович так внимательно рассматривает вывеску и так подробно расспрашивает о правах разных национальностей в новой России. Школьник недоумевал: еврей, русский, молдаванин — какая разница?

Обедал Хавкин у Бардахов. Сорок лет назад врач Юлий Яковлевич Бардах принял участие в создании одесской Пастеровской станции. В гостеприимном доме старого врача, где в свое время не раз бывали Мечников, Заболотный, Гамалея, Хавкин душевно отогревался. С Бардахом они погружались в воспоминания о далеком прошлом, и в комнате начинали звучать имена и события, давно уже ставшие историей. В соседнем доме некогда помещалась Пастеровская станция. В 1886–1887 годах Хавкин не раз видел в окне первого этажа кудлатую голову Мечникова, склоненную над микроскопом. А за углом на Коблевской, в доме № 38, Владимир жил, когда был студентом. Там собирались у него друзья юности, братья Романенко, будущий геолог и академик Андрусов, будущий химик Зелинский. Где они теперь? Оба Романенко погибли, Андрусов умер в эмиграции, Зелинский живет в Москве. Из более молодых вспоминали Заболотного — президента Академии наук Украины.

По просьбе супругов Бардах Хавкин рассказал некоторые эпизоды из жизни в Индии.

— Как же вы не побоялись, Владимир Ааронович? — всплеснула руками жена Бардаха, когда рассказ дошел до первого испытания чумной вакцины.

Хавкин улыбнулся. Кажется, впервые за все дни.

— Боялся, очень боялся. Да вспомнил вашего мужа, как он первым в России испытал на себе антирабическую пастеровскую

вакцину…

Действительно, фамилия Ю. Я. Бардах стояла первым номером в тетради пациентов одесской Пастеровской станции за 1886 год.

Так и началась встреча с родиной. После Одессы Хавкин поехал в Москву и Барнаул, где жили остальные родственники. На какое-то время его покинула скованность гостя. Кажется, он почувствовал себя почти дома. Живо интересовался жизнью москвичей и сибиряков, беседовал со спутниками в поездах. За три недели, проведенные в СССР, взгляд старого ученого многое приметил. Полгода спустя родственники Хавкина получили из Франции несколько номеров журнала с его статьями о поездке по Стране Советов. Хавкин писал в академической манере, но сквозь суховатую форму проглядывает удовлетворение автора всем тем, что произошло на родине за годы новой власти. Он пишет о симпатиях, которые народ питает к своему правительству, о больших планах развития науки и промышленности, о том, что его радует отсутствие антисемитизма в стране. В этих путевых записях нет ни эмигрантского брюзжания, ни снисходительности представителя «цивилизованного мира», побывавшего у «аборигенов». Советский Союз 1927 года, деловито залечивающий раны, нанесенные двумя войнами, полный светлых надежд и планов, ничем не походил на страну, которую молодой биолог покинул четыре десятка лет назад. Россия представляется ему человеком, который после долгой и трудной болезни уверенно идет к выздоровлению.

Хавкин понял тогда и другое, что ему, старику, давно расставшемуся с родиной, едва ли мыслимо срастись теперь с жизнью молодого социалистического государства. Тяжела ностальгия — болезненная тоска по родине, но еще тяжелее чувство отъединенности и одиночества, которые охватывают путешественника, вступившего на родную землю после слишком долгой разлуки. Близкие по крови люди иначе думали, чувствовали, понимали окружающие события. Никто, собственно, не был виноват в этом разрыве. Просто между ученым и его близкими пролегли годы революции, гражданской войны, годы рождения и становления нового строя. Хавкин завидовал им, оставшимся на родине, более уверенным в завтрашнем дне, чем он сам. Но он не находил уже в себе сил переступить барьер, созданный историей за четыре десятилетия его отсутствия.

Поездка в Индию не состоялась. Старый, больной Хавкин вернулся во Францию и еще больше уединился. Последние годы жизни он почти не покидал домик на улице Гюго. И все же смерть застала этого вечного путника в дороге.

26 октября 1930 года агентство Рейтер сообщило, что на 71-м году жизни в Лозанне (Швейцария) скончался известный бактериолог доктор Вольдемар Хавкин. Гостиничный номер, столько лет в разных странах служивший ему единственным пристанищем, оказался местом и его кончины.

В медицинских журналах мира появились некрологи. Друзья и недруги получили еще одну возможность выразить свои чувства к покойному. Друзей оказалось больше. Проникновенно писал о старом товарище профессор Симпсон. Взволнованно говорили о смерти друга Индии газеты Дели, Калькутты и особенно Бомбея. Бомбей 27 октября 1930 года оделся в траур.

…Разную память оставляют на земле исторические личности. Когда в июле 1904 года в Париже неподалеку от Дворца инвалидов происходило торжественное открытие памятника Пастеру, один из ораторов, указывая на могилу Наполеона, расположенную рядом, воскликнул:

— Среди разного вида слав та, которую завоевал Пастер, самая благородная и чистая.

С этим нельзя не согласиться, как, впрочем, и с тем, что людям чистой славы весьма редко удается дождаться народного признания. Ждут еще своих памятников и большинство борцов с болезнями: врачи, погибшие во время эпидемий, микробиологи, заражавшие себя ради эксперимента, рентгенологи — жертвы икс-лучей… Не поставлен монумент и Владимиру Хавкину. Впрочем, одесскому бактериологу повезло несравненно больше, нежели иным полководцам, чьи конные фигуры громоздятся на перекрестках столиц мира. Живым памятником доктору Хавкину стал Институт его имени в Бомбее.

В 1959 году, когда институт отмечал свое 60-летие, я получил в подарок два памятных альбома. Есть в этих любовно изданных книжечках и портрет основателя института, и его краткая биография. Но главное — в них подробно рассказано о том, во что превратилась лаборатория, основанная в прошлом веке нашим земляком. Институт Хавкина сегодня — крупнейшее научно-исследовательское учреждение Юго-Восточной Азии. В одиннадцати отделах работает 100 научных сотрудников и 520 технических помощников. Отдел вакцин — важнейший отдел в институте — выпускает миллионы доз препаратов против чумы, холеры, тифа. Бомбейские ученые проверяют вакцины, созданные в других медицинских учреждениях, готовят научные кадры и серьезно исследуют проблему иммунитета. За 60 лет Институт Хавкина разослал 270 миллионов доз противочумной вакцины. И что интересно: метод изготовления препарата, разработанный основателем института, остался почти неизменным по сей день.

Хотя бактериологическая лаборатория официально основана в августе 1899 года, днем рождения института индийцы считают 10 января, день, когда Хавкин впервые испытал на себе действие противочумной вакцины. Более двух тысяч человек собралось 10 января 1959 года на заседание, посвященное торжественной дате. В адрес института поступили многочисленные поздравления из разных стран и от разных общественных и политических деятелей, в том числе от вице-президента Индии, ныне президента Радхакришнана и премьер-министра Неру. В большой речи Раджендра Прасада не раз прозвучало имя основателя Института.

«Доктор Хавкин показал пример безграничного служения на благо человечества, — сказал Прасад. — Эти благородные качества выдающегося бактериолога наложили отпечаток на всю последующую научную деятельность лаборатории, где он работал. Институт унаследовал его высокие традиции в научных исследованиях». Заканчивая выступление, Прасад повторил: «Весь мир и особенно мы в Индии премного обязаны доктору Хавкину. Он помог Индии избавиться от основных эпидемий — чумы и холеры». Так Республика Индии устами своего руководителя снова воздала дань уважения памяти большого друга индийского народа.

Институт бактериологии в Бомбее развивается и процветает. Для нас, советских людей, он остается не только памятником мужеству и гуманизму Владимира Хавкина. Он, подобно Бомбейскому политехническому институту, оборудованному для Индии Советским Союзом, и металлургическому комбинату в Бхилаи, — живое воплощение давней взаимной симпатии народов России и Индии. Верный знак того, что подлинная дружба не умирает.

notes

Примечания

1

Новороссийский университет находился в Одессе — центре Новороссии.

2

Герценштейн — впоследствии депутат Государственной думы. Убит черносотенцами в 1906 г.

3

Владимир Хавкин родился в Одессе, но детство и юность его прошли в Бердянске, куда из-за материальных трудностей переехала семья.

4

Не надо забывать, что Хавкин не был врачом. Выступая в Европе, он неоднократно напоминал об этом в своих докладах и лекциях. Степень доктора наук получил он, очевидно, в Лондоне зимой 1892 г.

5

Яджурведа — одна из четырех Вед (древнейшие памятники индийской литературы, написанные стихами и прозой до возникновения буддизма, т. е. до 6 в. до н. э.).

6

В 80-х годах в России были приняты драконовские антисемитские законы («черта оседлости», «процентная норма» и т. д.).

7

Дж. Листер (1827–1912 гг.) — английский хирург. Применил в хирургии выводы Пастера о брожении и гниении. Ввел в хирургическую практику асептику и антисептику — меры по обеззараживанию раны, рук врача и хирургического инструмента дезинфицирующими растворами.

8

О приезде Хавкина в родной город мне сообщили внучатая племянтаица ученого Я. А. Хавкина и сын доктора Бардаха, преподаватель Одесского университета.